

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

**ЕЖЕГОДНИК
ПО АГРАРНОЙ
ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ**

2022 ГОД

Russian Academy of Sciences
Department of Historical and Philological Sciences
Scientific Council on the Fundamental Problems
of Russian and Foreign History
Section for the Problems of Agrarian History
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences
Lipetsk State Pedagogical University
named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky

THE AGRARIAN HISTORY OF EASTERN EUROPE YEARBOOK 2022

State power and peasantry

Lipetsk
2023

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет РАН по фундаментальным вопросам
русской и зарубежной истории
Секция по проблемам аграрной истории
Институт русской истории РАН
Институт славяноведения РАН
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

ЕЖЕГОДНИК ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ 2022 ГОД

Государственная власть и крестьянство

Липецк
2023

УДК 94(4):338.43.02

ББК 63.3

Е 36

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Е 36 Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2022 год: Государственная власть и крестьянство. Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории / Отв. ред. А.А. Горский, В.В. Кондрашин. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. – 224 с.

ISSN 2305-5057

В очередном томе «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» представлены исследования участников XXXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в Липецке 20–23 сентября 2022 г. Сессия была посвящена теме «Государственная власть и крестьянство». Вошедшие в том статьи охватывают значительный хронологический период с XI по XX столетие.

УДК 94(4):338.43.02

ББК 63.3

Е 36

Редакционная коллегия:

О.В. Горбачев, А.А. Горский (ответственный редактор), В.А. Ильиных, М.Д. Карпачев,
В.В. Кондрашин (ответственный редактор), Л.Н. Мазур,
В.Н. Никулин, В.Д. Назаров, Н.В. Соколова (ответственный секретарь),
В.Н. Томилин, Д.А. Хитров, Е.Н. Швейковская

Рецензенты:

А.А. Фролов, д-р. и. наук, в.н.с. Института всеобщей истории РАН
А.А. Голубинский, канд. и. наук, заместитель директора
Российского государственного архива древних актов

ISSN 2305-5057

© Секция по проблемам аграрной истории
Научного совета РАН по фундаментальным вопросам
русской и зарубежной истории, 2023

Содержание

Предисловие	7
<i>Н.В. Соколова</i>	
К вопросу о секуляризации церковных владений в начале XVIII в. (на материалах описных книг патриарших вотчин в Елецком и Лебедянском уездах)	8
<i>И.Н. Шамина</i>	
Описание монастырских вотчин 1701–1703 гг. по материалам Коломенской епархии	22
<i>Л.Г. Степанова</i>	
Освоение территории Ростовского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии в первой половине XIX в. (по материалам Генерального межевания)	33
<i>А.Н. Долгих</i>	
Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в первой половине XIX в.	45
<i>М.Д. Книга</i>	
Приоритетные направления деятельности аграрных школ Европейской России в контексте государственных реформ XIX в.	55
<i>О.В. Смурова</i>	
Государственное правовое регулирование торгово-ремесленной деятельности крестьян в городе в дореволюционный период (к оценке историографии проблемы)	71
<i>Е.П. Барина</i>	
Проекты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по аграрному вопросу	84
<i>Ю.Б. Будкина</i>	
Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и мелкий кредит для российского крестьянства	93
<i>Н.М. Александров</i>	
Участие крестьян в выработке государственной политики по отношению к общинному землевладению в начале XX в. (по материалам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности Костромской и Ярославской губерний)	106
<i>А.В. Посадский</i>	
Категории сельского населения в Гражданской войне	116
<i>Д.А. Сафонов</i>	
Крестьянство после гражданской войны: преемственность и новации в социокультурном облике и социальной активности	126
<i>О.В. Бершадская</i>	
Специфика земельной аренды и использования наемного труда в черноморской деревне в 1920-е гг.	134

И.Д. Петришина

Доходность крестьянских хозяйств Центрального Черноземья в годы НЭПа..... 139

О.Б. Мозохин

Борьба с вредительством в сельском хозяйстве СССР..... 149

В.Б. Лапердин

МТС как социальный лифт в западносибирской деревне в 1930-е гг..... 161

О.Н. Аргунов

«Двоевластие» в курской деревне весной–осенью 1943 г.:
к проблеме выживания колхозного населения..... 170

А.Г. Галлямова

Трансформация кадрового корпуса в аграрной отрасли
Татарской АССР в позднесоветский период..... 180

И.В. Логунова

Реструктуризация сельскохозяйственного социума
в ходе аграрной реформы 1990 – начала 2000-х гг 195

О.В. Горбачев, Л.Н. Мазур

Раскрестьянивание в фокусе отечественной и зарубежной историографии 204

Summary 216

Contents

Introduction.....	7
<i>N.V. Sokolova</i>	
On the issue of secularization of church estates at the beginning of the 18th century (based on the materials of the description books of the patriarchal estates in the Yelets and Lebedyansk uezds)	8
<i>I.N. Shamina</i>	
The description of the monastic estates of the Kolomna Diocese, 1701–1703.....	22
<i>L.G. Stepanova</i>	
Development of the territory of the Rostov and Slavonic Serbian uezds of Yekaterinoslav province in the first half of the 19th century (according to the materials of the General Land Survey).....	33
<i>A.N. Dolgikh</i>	
Noble projects for solving the peasant question in Russia in the first half of the XIX century	45
<i>M.D. Kniga</i>	
Main spheres of activity of agrarian schools of European Russia in the context of state reforms of the XIX century	55
<i>O.V. Smurova</i>	
Legal regulation of the activities of peasants in the spheres of trade and small industry in the pre-revolutionary period (a historiographical study)	71
<i>E.P. Barinova</i>	
The projects of the Special Council on the needs of the agricultural industry	84
<i>Yu.B. Budkina</i>	
Special Meeting on the needs of the agricultural industry and small loans for Russian peasantry	93
<i>N.M. Aleksandrov</i>	
The participation of peasants in the development of state policy in relation to the communal landownership at the beginning of the 20th century (based on the materials of the local committees on the needs of the agricultural industry of the Kostroma and Yaroslavl provinces)	106
<i>A.V. Posadsky</i>	
Groups of rural population in the Civil War	116
<i>D.A. Safonov</i>	
The peasantry after the Civil War: continuity and innovations in the socio-cultural appearance and social activity	126
<i>O.V. Bershadskaya</i>	
Specifics of land lease and use of hired labour in the rural areas of the Black Sea region in the 1920 s.....	134

<i>I.D. Petrishina</i>	
The income of peasant households during the NEP period.....	139
<i>O.B. Mozokhin</i>	
Combating sabotage in the agriculture in the USSR.....	149
<i>V.B. Laperdin</i>	
MTS as a social elevator in the rural areas of West Siberia in 1930s	161
<i>O.N. Argunov</i>	
"Dual power" in the Kursk village in the spring – autumn of 1943: on the problem of survival of the population of the collective farms.....	170
<i>A.G. Gallyamova</i>	
Transformation of the human resources in the agrarian industry of the Tatar ASSR in the late Soviet period	180
<i>I.V. Logunova</i>	
Restructuring of agricultural society during the agrarian reform of the 1990s – early 2000s	195
<i>O.V. Gorbachev, L.N. Mazur</i>	
Depeasantization in the focus of domestic and foreign historiography	204
Summary	216

Предисловие

В томе «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» публикуется часть статей, написанных на основе докладов и сообщений XXXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоявшейся в Липецке 20–23 сентября 2022 г. Сессия была посвящена теме «Государственная власть и крестьянство». Ее организаторами выступили Секция по проблемам аграрной истории Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории, Институт российской истории РАН, Институт славяноведения РАН и Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. Вошедшие в том статьи охватывают хронологический период с XVIII века по начало XXI столетия.

В статьях по XVIII в. рассмотрены вопросы о секуляризации церковных владений, а также состоянии монастырских вотчин в период реформ Петра I.

Эпоха XIX – начала XX вв. отражена в статьях по историографии государственного правового регулирования торгово-ремесленной деятельности крестьян, о хозяйственном освоении регионов, аграрных школах, дворянских и правительственных проектах решения крестьянского вопроса и поддержки крестьянских хозяйств, участии крестьян в выработке государственной политики по отношению к общинному землевладению.

В статьях по советскому периоду характеризуется участие крестьян в Гражданской войне, рассматривается их социокультурный облик, состояние и деятельность крестьянских хозяйств в годы нэпа, затрагивается дискуссионный в историографии вопрос о так называемом «вредительстве» в сельском хозяйстве СССР в 1930-е гг., освещается роль МТС как социального лифта для колхозного крестьянства, приводятся новые данные о тяжелом продовольственном положении колхозников в годы Великой Отечественной войны на освобожденных от оккупантов территориях страны, трансформации кадрового корпуса в аграрной отрасли народного хозяйства в позднесоветский период.

Статьи тома посвящены анализу состояния аграрной экономики и сельского населения России в постсоветский период, а также проблеме раскрестьянивания в фокусе отечественной и зарубежной историографии.

Редколлегия

К ВОПРОСУ О СЕКУЛЯРИЗАЦИИ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАДЕНИЙ В НАЧАЛЕ XVIII В.(НА МАТЕРИАЛАХ ОПИСНЫХ КНИГ ПАТРИАРШИХ ВОТЧИН В ЕЛЕЦКОМ И ЛЕБЕДЯНСКОМ УЕЗДАХ)

В статье изложены некоторые итоги исследования секуляризации владений церкви в ходе реформы Петра I. Сформулирована гипотеза, согласно которой, в результате преобразований патриаршие вотчины и крестьяне стали не «государственными», как полагал И.А. Булыгин, а «государевыми», или, в современной терминологии, дворцовыми.

Ключевые слова: церковная реформа Петра I; секуляризация; патриарх; вотчина; крестьяне.

Современные исследования церковной реформы Петра I в значительной мере базируются на трудах, опубликованных в XIX – первой четверти XX в. (М.И. Горчаков, С.Г. Рункевич, П.В. Верховской и др.). Возрождение интереса к этой теме происходит в середине 1950-х гг., вначале за рубежом, а затем и в отечественной науке. Историки, по мнению которых действия петровского правительства в сфере государственно-церковных отношений являлись секуляризацией, характеризовали ее как «частичную» или «частичную и временную» (Н.М. Никольский, Б.Г. Слицан, Н.И. Павленко). Отдельные авторы различали секуляризацию земельных владений церкви и секуляризацию ее доходов (Н.М. Никольский, Т.С. Майкова) [9, с. 43–44; 10, с. 188].

Основные положения концепции И.А. Булыгина, согласно которой в начале XVIII в. была осуществлена «полная» секуляризация церковных владений, были изложены в статье, опубликованной в 1974 г. в журнале «Вопросы истории». По мнению исследователя, «в 1701 г. была произведена фактически полная секуляризация церковных владений и имуществ». «Вопрос о лишении духовенства права владеть землей и крестьянами, – уточняет он свою мысль, – в рассмотренном законодательстве не поднимался, то есть юри-

¹ Соколова Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, natalia_sokolova@outlook.com, Россия, г. Москва.

дически вотчины остались принадлежащими духовенству. Но это право превратилась в чистую фикцию, так как управление вотчинами и распоряжение доходами с них перешли к государству, а церковные крестьяне фактически стали государственными крестьянами» [2, с. 87].

В 1977 г. вышла монография И.А. Булыгина «Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в.» [3]. Стремясь добавить исследованию «диссертательности»¹, он включил в текст специальную главу о церковной реформе Петра I. По мнению С.И. Реснянского, для Булыгина «характерен в значительной мере упрощенный взгляд на изучение церковной политики русского государства в XIX – начале XX вв.», ряд его выводов «не соответствует действительности», а «появление их в научной публикации, очевидно, связано с тем, что, во-первых, автор исследования знакомился с содержанием работ русских исследователей XIX – начала XX веков лишь в самых общих чертах, а, во-вторых, ему был известен очень ограниченный круг таких работ» [11, с. 266–267]. Но, справедливости ради, следует подчеркнуть, что, оставаясь в рамках марксистской парадигмы, И.А. Булыгин ввел в актуальный исследовательский дискурс – после длительного их замалчивания – важнейшие труды дореволюционной историографии по данной теме. К сожалению, он не всегда корректен в отношении предшественников, вследствие чего у неподготовленного читателя может создаться искаженное представление о степени «реферативности» посвященной церковной реформе главы, мере заимствований и фактическом исследовательском вкладе автора².

Уже в главе «Историография и характеристика источников» И.А. Булыгин декларирует: «Факты свидетельствуют, что в 1701–1705 гг. Петром I была произведена не частичная и временная, а фактически полная секуляризация. Затем правительство несколько отступает от этой своей политики и переходит на позиции частичной секуляризации, которая и осуществляется в 1705–1710 гг. Но и мероприятия 1705–1710 гг. неправильно считать времен-

¹ В декабре 1977 г. им защищена докторская диссертация с тем же названием.

² Так, весьма показательны результаты сопоставления некоторых фрагментов книги И.А. Булыгина и опубликованных диссертаций М.И. Горчакова. См., напр.: [3, с. 81–83, 85–86; 5, с. 129–133; 6, с. 466–468].

ной секуляризацией, потому что все доходы с “заопределенных” вотчин, несмотря на то что непосредственное управление ими в 1720 г. было возвращено монастырям, по-прежнему шли в казну вплоть до 1764 г. К тому же все отобранные в казну оброчные угодья (мельницы, рыбные ловли и др.), а также некоторые пожалованные и проданные светским владельцам земли не были возвращены церкви» [3, с. 20–21].

Характеризуя первый этап реформы, автор воспроизводит основные положения своей статьи 1974 г. «*В 1701 г. была произведена полная секуляризация церковных владений и имуществ* (курсив автора. – Н.С.). Закона об отнятии у духовенства права владеть землями и крестьянами, как мы видели, не было издано, т.е. юридические права на владение ими оно сохраняло, юридически вотчины еще принадлежали духовенству, но это право превратилось в чистую фикцию. Фактически, потеряв право управления вотчинами и право распоряжения доходами с них, церковь лишилась их, и они стали государственной собственностью» [3, с. 79]. По его мнению, «государство выступает здесь как полный хозяин церковных вотчин, которые оно может навечно жаловать светским лицам, продавать их, приписывать к казенным предприятиям и городам, сдавать на оброк и т.д., другими словами, распоряжаться ими как казенными имениями. Поэтому с полным основанием можно утверждать, что в это время церковные крестьяне превращаются в один из разрядов государственных крестьян» [3, с. 95].

Отношение к тезису И.А. Булыгина о «полной» секуляризации в начале церковной реформы Петра I в отечественной историографии неоднозначно. Так, в рецензии на монографию, опубликованной в журнале «История СССР», А.И. Комиссаренко отмечал, что «один из основных выводов автора о проведении полной секуляризации земель духовенства в 1701–1705 гг. нуждается в более глубокой аргументации» [8, с. 191]. «По сути дела, – писал в 1989 г. В.И. Буганов, – Петр провел частичную секуляризацию, продолжил попытки своих предшественников и предвосхитил полную секуляризацию, объявленную Екатериной II в 1764 г.» [1, с. 59]. Нельзя не упомянуть точку зрения П.В. Седова, согласно которой «никаких прямых свидетельств о намерении Петра про-

вести полную секуляризацию церковных земель нам не известно», «действия Петра I по изъятию церковных доходов восходили к традиционной практике XVI–XVII вв., когда государь патронировал церковь как титульный собственник», «термин “секуляризация” представляется не совсем точным для выражения сущности отношений “священства” и “царства” второй половины XVII – начала XVIII в.», а «приведенный материал, скорее, позволяет говорить не о секуляризации, а о мероприятиях по изъятию церковных доходов» [12, с. 140–142]. Для других исследователей выводы И.А. Булыгина относительно «церковной реформы, которая первоначально предполагала, *как установил автор* (курсив мой. – Н.С.), полную секуляризацию церковных владений», не подлежат сомнению [7, с. 120]. Впрочем, нередко вопрос вообще «выносят за скобки», ограничиваясь ссылками на монографию Булыгина.

Обращение к описным книгам, которые были составлены в 1701–1703 гг. в ходе описания, во исполнение указа 31 января 1701 г., владений Патриаршего дома в 17 уездах¹, показывает, что проблема секуляризации церковно-монастырских владений начала XVIII в. по-прежнему актуальна².

Стольник Михаил Терентьевич Толубеев описывал патриаршие вотчины в Елецком уезде в апреле 1702 г., в Лебедянском – в мае того же года. Сохранились подлинники обеих описей³. На внешнем боковом поле листов они имеют скрепу переписчика – «Стольник Михаило Толубеив». В описных книгах Лебедянского у. на боковом же поле присутствует скрепа дьяка Монастырского приказа Ивана Иванова. На нижнем поле листов этой описи читается рукоприкладство одного из участников процедуры описания: «К сим переписным книгам Иван Тяпкин руку приложил». Его статус установлен по тексту («А по скаске домовых вотчин святейшаго патриарха села Куймани и села Лубны стряпчего Ивана Левонтьева сына Тяпкина...»), но это имя встречается и в дру-

¹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 4. № 1834. С. 139. Подробнее об источнике: [13, с. 153–171; 14, с. 127–140].

² Понятие «секуляризация» в данной статье употребляется в его более узком, «историческом», значении, как обращение церковно-монастырской собственности, прежде всего земли, в светскую.

³ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 960–981 об. (Лебедянский у.), Л. 982–991 (Елецкий у.).

гих документах разных лет¹¹. На нижнем поле описи села Студенец Елецкого у. помещено рукоприкладство приходского священника:

«К сим книгам села Стюденца поп Кондрат вместо старосты Феодота Лапе[ни]на [и] крестьян того села Стюденца по их велению руку приложил». Выполненная в отдельной тетради опись елецкого же села Истобное² и деревни Русакова имеет только скрепу М.Т. Толубеева.

Описные книги патриарших владений Елецкого и Лебедянского уездов являются типичными не только для этого конкретного переписчика, но и в целом для удаленных от Москвы, условно говоря, «провинциальных», уездов, — как с организационной точки зрения, поскольку перепись в соседних административно-территориальных единицах нередко осуществлялась силами одной писцовой комиссии³, так и по времени проведения работ, ибо на весну- лето 1702 г. приходится большая часть описаний церковно-монастырских вотчин, располагавшихся вне уездных городов.

К особенностям данных книг следует отнести отсутствие сопоставления демографических сведений нового описания с предыдущей общегосударственной переписью. Объяснение этому есть в самом источнике:

«А та вотчина село Студенец поселена вновь после переписных книг 186-го и 187-го годов»⁴. В «Книге переписной, сколько за Святейшим патриархом в разных уездах крестьянских и бобыльских дворов», данный тезис распространен и на крупнейшее село лебедянской вотчины («Село Куймань и село Студенец. Оные села поселились после переписных книг 186 году»)⁵. Согласно «скасам» мирских старост и крестьян, поданным во время переписи Лебедянского у. И.А. Домогацким в 1710 г., они были «переведены из Тульского и Володимирского уездов ис патриарших же вотчин и поселены после переписных

¹ Там же. Л. 981. См. напр.: *Горчаков М.И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. Приложения. № 17. С. 109; Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам ссентября 1698 по август 1699 г. / под ред. А.А. Титова. СПб., 1890. С. 300; и др.

² В описных книгах М.Т. Толубеева топоним читается как «Истобное».

³ М.Т. Толубеев переписывал также церковно-монастырские владения и имущество в Белгороде, Воронеже, Данкове, Епифани, Новосиле, Одоеве, Орле и уездах (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 21, 36, 58 и др.).

⁴ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 988.

⁵ Там же. Д. 157. Л. 285.

книг 186-го году»¹. Речь идет о вотчинах домового патриаршего Николаевского Веневского монастыря² и патриаршей Баглачевской волости на правом берегу р. Клязьма южнее Владимира. В одной из «скасок» фигурирует также «поступшик лебедеянец Иван Кузьмин сын Тяпка», вероятно, потому, что «мена» с ним принесла кафедре не только землю, но и инфраструктуру вотчинного комплекса в селе Лубны – мельницу, владельческий двор, хозяйственные постройки, а также 12 крестьянских дворов³.

В подобных случаях переписчиками уделялось особое внимание «пришлым» крестьянам из вотчин других землевладельцев и новопоселенцам иного социального статуса. М.Т. Толубеев записал со слов мирских выборных елецкого патриаршего села Студенец: «А которые пришлые крестьяне явились и они вся про себя, кто откуда и по каким крепостям в той вотчине живут, сказали имянно, а иных пришлых, и беглых салдат, и государевых дворцовых сел и волостей, и помещиковых, и вотчинниковых крестьян, и никаких пришлых людей <...> нет»⁴. Крестьянские «скаска» были одним из источников при составлении описных книг. Так, подворная опись села Студенец распадается на две неравные части. Первая, включающая 36 записей, содержит вполне традиционные для того времени подворные перечни д. м. п., с указанием возраста и семейного положения. По-видимому, это те крестьяне, чье происхождение из патриарших вотчин могло быть подтверждено переписными книгами 1678 г. Во второй группе, под рубрикой

«В селе ж Студенцах пришлых крестьян», насчитывается 12 записей. В них дополнительно включена информация из «скаска» дворовладельца об его происхождении, времени появления в вотчине, кем он был принят (обычно это имя приказчика). Поскольку в селе Куймань (Лебединский у.) работала та же писцовая комиссия, его подворное описание имеет сходный формуляр. К пер-

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1134. Л. 99 об., 103.

² Согласно «табелю», представленному Патриаршим дворцовым приказом «в Розряд» в 1710 г., «в Тульском уезде Венева монастыря из вотчин перевезено и сами вышли Азовскую губернию в Лебединский уезд и запустело 155 дворов» (РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 157. Л. 86 об.).

³ РГАДА. Ф. 281. Оп. 12. Д. 6980. Подробнее см.: [4, с. 108–124].

⁴ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 988.

вой группе отнесены 116 дворов, 17 – записаны под рубрикой «В селе ж Куимани пришлых всяких чинов людей и живут на тягле во крестьянех». В описях остальных поселений подобная градация отсутствует. В селе Лубны Лебедянского у. описаны 16 крестьянских дворов, в «тянувшей» к нему деревне Сухая Лубенка – 12 крестьянских дворов и один бобыльский. В селе Истобное Елецкого у. зафиксировано 13 крестьянских дворов, в деревне Русакова – два. Всего же в двух уездах в вотчинах кафедры было 225 живущих дворов, еще пять – стояли пустые.

Описание церковно-монастырских имуществ начала XVIII в. не предполагало измерения земель, потому особую важность для изучения землевладения Патриаршего дома приобретает ретроспективное картографирование. Самым ранним источником стал план окрестностей села Студенец, представленный в июне 1689 г. «домовым стряпчим» Иваном Ивановичем Шараповым в связи с разбирательством по челобитным на патриарших крестьян¹. Также были использованы две карты, выполненные в 1724 г. Корнеем Бородавкиным и Никитой Сомароковым, из собрания Жозеф-Николя Делиля в Национальной библиотеке Франции («Territoire de Lébédian», «Territoire de Talets»)², планы Генерального межевания Задонского, Липецкого и Лебедянского уездов из РГАДА. Большинство ойконимов из описных книг стольника М.Т. Толубеева удалось нанести на карту. Картографирование выявило, что вотчины патриарха в Елецком и Лебедянском располагались на сопредельных землях, что позволяло кафедре рассматривать их как единый административно-хозяйственный комплекс. Иными словами, хозяйственная структура этих патриарших владений, как она представляется по описям 1702 г., была детерминирована географическим фактором, а не обусловлена какими-то специфическими особенностями источников.

Целью данного исследования было установить наличие/отсутствие в формуляре и содержании известных на сегодняшний день описных книг патри-

¹ РГАДА. Ф. 281. Оп. 11. Д. 4626. Л. 14–15.

² [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr> (дата обращения – 12.08.2022).

арших владений 1701–1703 гг. признаков изменения статуса вотчин кафедры в результате церковной реформы и превращения их населения «в один из разрядов государственных крестьян».

Появление писцовой комиссии стольника М.Т. Толубеева в елецких и лебедянских вотчинах патриарха от январских указов 1701 г. отделяло более года. Но в представленных вскоре в Монастырский приказ беловых описях объекты описания обозначены вполне традиционно: «В Лебедянском уезде вотчина святейшаго патриарха село Куймань...», «В Елецком уезде в Засосенском стану вотчина святейшаго патриарха село Студенец...» и т. п.

Впрочем, согласно тому же источнику, так называемые записные книги мирских целовальников, «что с той десятинной пашни в гумнах по окладу и по опыту, и в житницах бывает всякого хлеба порознь, сколько чети в приходе и в росходе», ранее были «посланы к великому государю к Москве в Патриарш дворцовый приказ»¹. Эта формула, вероятно, является проекцией указа от 18 октября 1700 г., которым предписывалось «по преставлении святейшаго Адриана патриарха Московского и всеа Руси, в Патриарше дворцовом приказе грамоты, куды ни есть о каких делех послать доведутся, также и указы о всяких делех и челобитные писать на свое великого государя имя»².

Монастырский приказ упомянут в описных книгах один раз. Однако контекст («А по скаске романовца посацкого человека Степана Юрьева сын Тюрпугова, тое мельницу со всяким заводом откупил он на Москве в Монастырском приказе»³) позволяет говорить о реализации в патриаршем селе Студенец указа от 11 марта 1701 г., которым объявлялось о новых торгах, а де-факто – о лишении церкви права на доходы от оброчных статей, в том числе – с мельниц⁴.

О характере рентных отношений в патриаршей вотчине можно судить по «скасам» «домового стряпчего» Ивана Тяпкина и мирских старост. В них зафиксировано, что «денежного оброку и никаких поборов и податей с них нет,

¹ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 981 об.

² Цит. по РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 80. Л. 40. Опул.: Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. Приложения. № 44. С. 125.

³ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 988 об.

⁴ ПСЗ. Т. 4. № 1839. С. 159–160.

для того что пашут десятинную пашню и подати великого государя всякие платят». В лебедянском селе Куймань пахали «тое десятинную пашню села Куймани крестьяне». В селе Лубны к полевой барщине привлекались как крестьяне Лебедянского у. (село Лубны, деревня Сухая Лубенка), так и жители села Истобное (Елецкого у.). Крестьяне елецкого же села Студенец работали на патриарших десятинах вблизи своего поселения. В книгах стольника Толубеева констатируется, что рожь к 1702 г. посеяна на всех владельческих озимых полях, а весной увеличена запашка под яровые культуры в селе Куймань (на 15 десятин).

В описных книгах патриарших сел стольника М.Т. Толубеева нет каких-либо сведений об актуальных на тот момент связях вотчины с Троицкой Яблоновой пустыней – патриаршим домовым монастырем в Лебедяни. Очевидно, что имеющееся в литературе утверждение, что «в XVII–XVIII веках Троицкий монастырь управлял патриаршей вотчиной в Лебедянском уезде», некорректно [16, с. 159–240]. На момент описания «посельских старцев» в патриарших селах в Елецком и Лебедянском уездах нет, что свидетельствует об исполнении еще одного положения указов начального этапа петровских преобразований. Утверждать, что до реформы они здесь были, позволяет запись под 29 сентября 1698 г. в «Расходной книге Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам» («Отпущено села Куйма[н]и посельскому старцу Логину на пол-года рыбы 3 белуги, да на дорогу 2 чалбуша осетрих ему и крестьяном»)¹. Однако в описных книгах Яблоновой пустыни 1702 г. такого монаха нет². С учетом отсутствия у насельников этого монастыря опыта по организации вотчинного хозяйства со значительными десятинными запашками, а также отмеченного выше переселения сюда крестьян Николаевского Веневского монастыря³, вероятность отправки «на поселье» в село Куймань именно веневского монаха представляется весьма высокой. Косвенным аргументом в пользу такого предположения служит еще одна запись в тех же пат-

¹ Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану. С. 305.

² РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–61.

³ Оттуда же родом жившие в Куймани слуги, а также конюх и дворник скотного двора (РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 973–975).

риарших расходных книгах: «Генваря 5. Поселскому старцу Логину, которой живет в Веневе монастыре: белуга, осетр, 2 семги»¹.

Наряду с монахами-«посельскими» в вотчину посылались и светские слуги – патриаршие «домовые стряпчие» с весьма широкими полномочиями, как ввиду удаленности этих владений патриарха, так и в связи с активной стяжательской политикой кафедры. Светские управители фигурируют не только в описных книгах 1702 г. («В селе ж Куймани домовый двор, что живут на приказе стряпчие», «А принял ево жить в то село Куймань прикащик Борис Лопухин»), но и в документах о приобретении новых земель и крестьян². В ходе церковной реформы их функции претерпели принципиальные изменения. С одной стороны, были запрещены сделки с церковно-монастырскими землями, в том числе «мены», осуществление которых было основным содержанием работы «домовых стряпчих» в лебедянских и елецких вотчинах, с другой – ликвидация института «посельских» существенно расширила хозяйственную составляющую их деятельности. Уже известный читателю И.Л. Тяпкин в документе, датированном 7 марта 1703 г., назван не «стряпчим», а приказчиком: «По указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великая и Малая и Белая Росии самодержца боярин Иван Алексеевич Мусин Пушкин будучи на Воронеже приказал: в Лебедянском и в Елецком уездах святейшаго патриарха в домовых селех в Куймани и в Студенце с селы и з деревнями быть на приказе Леонтью Маркову сыну Лопухину. И у прежняго прикащика Ивана Тяпкина приняв все росписатца. Да ему ж Леонтью быть на Воронеже у дворового строения. И учинить ему все по наказу, каков ему прислан будет с Москвы ис Патриарша дворцового приказу»³. Иными словами, Лопухин определен «на приказ» в села, которые в тексте по-прежнему названы «святейшаго патриарха домовыми», по указу Петра I и по приказу И.А. Мусина-Пушкина. Упоминание Патриаршего дворцового приказа в связи с «наказом» новому приказчику, а

¹ Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану. С. 313.

² РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 970 об., 974; Ф. 281. Оп. 11. Д. 4630, 4643; Оп. 12. Д. 6978, 6979, 6981, 6982 и др.

³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 351. Л. 280.

также «припись» на данном документе дьяка Семена Черного свидетельствуют, что делопроизводство, касающееся владений кафедры, велось именно там. Документы, посылаемые в вотчины, скреплялись патриаршей печатью¹. При этом, будучи под управлением того же И.А. Мусина-Пушкина, приказ фактически находился в подчинении у Монастырского приказа².

Сохранилось письмо приказчика Л.М. Лопухина, адресованное на имя царя и доставленное в Патриарший дворцовый приказ 22 июня 1704 г. Спустя три с половиной года после начала церковной реформы (и два – после описания стольника Толубеева) он докладывал: «В нынешнем, государь, 1704 году, мая в розных числах, посеено в Лебедянском и в Елецком уездах *в твоих государевых домовых вотчинах домовья десятинные пашни еровым домовым всяким хлебом*. А что, государь, сколько, государь, десятин посеяно, и в котором селе, и каким хлебом, и что семян четвертей порознь всякого ерового хлеба вышло, и то государь писано под сею отпискою, ниже сего, в посевном списке имянно»³.

20 сентября 1704 г. тому же Леонтию Лопухину была послана указная память с распоряжением «по указу великого государя ... пашенных слуг поверстать во крестьяны в ровенстве». Таким образом, новеллы коснулись не только десятинной пашни кафедры и земель, из которых наделялись поместьями патриаршие дворяне и «дети боярские»⁴, но и положения рядовых, непривилегированных, слуг. Челобитная села Кумань, реакцией на которую стал этот указ, показывает, что статус крестьян не изменился («А окладных тяглых жеребьев ничего на них слугах нет, и дела никакова домового не делают, и в города никуда за их крестьян и за домовым делом не ездят, и домовые десятинной пашни с ними в ровенстве не пашут, и всякой домовой работы и поделки не работают,

¹ «1702-го генваря в 1 день по указу великого государя ... боярин Иван Алексеевич Мусин Пушкин с товарищи приказал: Дому святейшаго патриарха вотчины к прикащиком и к старостам которые доведутца послать по челобитью тех вотчин прикащиков и старост и крестьян или иных домовых чинов людей памяти, и те памяти печатать домовой святейшаго патриарха печатью, которая з благословляющею рукою. И печатные пошлины с тех памятей иматъ в Патриарш казенной приказ» (Там же. Д. 6526).

² Как ни парадоксально, в новейшей статье, посвященной патриаршим приказам в начале петровской реформы, о Дворцовом приказе нет ни слова [15].

³ РГАДА. Ф. 236. Оп. 2. Д. 65. Л. 1 об.

⁴ Об «отписке на государя» поместий патриарших дворян (выморочных или как наказание за какую-то вину) см., напр., Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. Приложения. № 80–81. С. 154–155.

и податей никаких не платят, и с подводы с ними никуда не ездят»)¹.

Не только сохранение у патриарших крестьян прежних повинностей, но и увеличение отработочной ренты в форме полевой барщины, фактическая консервация системы управления вотчинами, как центрального, так и местного, агенты которого входили в мельчайшие детали как владельческого хозяйства, так и крестьянского землепользования, – все это плохо коррелирует с тезисом И.А. Булыгина о превращении уже в 1701 г. церковно-монастырских земель в «государственную собственность», а крестьян, ранее принадлежавших церкви, в «государственных».

В переписной книге ландрата Ф.Г. Ляпунова 1716 г. была использована уже иная формула: «В Лебедянском уезде в новоописной *государевой вотчине*, что была наперед сего за святейшим патриархом, в селе Лубне...»². В «скаске», поданной тому же Ляпунову 21 июня 1719 г., выборные крестьяне сел Куймань и Лубны, деревень Вешеловка и Донская называют себя «новоописной *государевой волостью*, что была вотчина светлейшаго патриарха село Куймань с приселки» (или, как вариант, – «государевой Куйманской волостью»)³.

Как представляется, имеет право на существование гипотеза, согласно которой, в ходе петровской реформы церковно-монастырские земли и крестьяне, в том числе в бывших патриарших владениях, в стали не «государственными», как полагал И.А. Булыгин, а «государевыми», или, в современной терминологии, дворцовыми. «Слова “все де ныне государево”, звучавшие в 1702 г. из уст самых первых сановников государства» [12, с. 135–136], по-видимому, могут быть интерпретированы именно в этом смысле. Так называемое дворцовое хозяйство в начале XVIII в. обеспечивало потребности не только царской семьи, но государства и господствующего класса в целом, то есть не являлось исключительно домениальным. Традиционная практика раздачи дворцовых земель в качестве поместья и вотчины лежала в основе механизмов дальнейшего перераспределения земельных владений церкви в петровскую эпоху. Соответственно, необхо-

¹ РГАДА. Ф. 236. Оп. 2. Д. 994. Л. 2–2 об.

² РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 225. Л. 556.

³ Там же. Оп. 2. Д. 1697. Л. 575–575 об.

димо включение секуляризации начала XVIII в. в контекст проблем земельной собственности в России в период позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Литература

1. *Буганов В.И.* Петр Великий и его время. М., 1989. – 187 с.
2. *Булыгин И.А.* Церковная реформа Петра I // Вопросы истории. 1974. № 5. С. 79–93.
3. *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. – 327 с.
4. *Гамаюнов А.И.* Троицкий монастырь и боярин Тяпка. Легенды и были Лебедяни // Записки Липецкого областного краеведческого общества. М., Липецк, 2005. С. 108–124.
5. *Горчаков М.И.* Монастырский приказ. (1649–1725 г.): Опыт историческо-юридического исследования. СПб., 1868. – 296, 159 с.
6. *Горчаков М.И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода (988–1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. – 558, 252 с.
7. *Иванов В.И.* Илья Андреевич Булыгин: человек, ученый, педагог (к 85-летию со дня рождения) // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. № 1. С. 116–123.
8. *Комиссаренко А.И.* И.А. Булыгин. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. [Рецензия] // История СССР. 1979. № 3. С. 189–191.
9. *Майкова Т.* Петр I и православная церковь // Наука и религия. 1972. № 7. С. 38–46.
10. *Никольский Н.М.* Церковная реформа Петра // Три века: Россия отсмыты до нашего времени. Исторический сборник. Т. 3. М., 1912. С. 180–197.
11. *Реснянский С.И., Киенков А.А.* Церковно-государственная политика Петра I в отечественной историографии. Орехово-Зуево, 2016. – 372 с.
12. *Седов П.В.* «Все де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сборник статей. СПб., 2013. С. 122–142.
13. *Соколова Н.В.* Северная война и церковная реформа Петра I // Вестник

МГИМО-Университета. 2021. Т. 14. № 6. С. 153–171. DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-153-171

14. *Соколова Н.В.* Описание владений Патриаршего дома начала XVIII века как источник по истории Русской православной церкви // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 127–140. DOI:10.31518/2618-9100-2022-2-8

15. *Устинова И.А.* Начальный этап церковной реформы Петра I: преобразование патриарших приказов // Вестник церковной истории. 2022. № 3/4 (67/68). С. 223–235.

16. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Лебедянский район. Часть I / А.И. Гамаюнов, А.Ю. Клоков, А.А. Найдёнов. Липецк, 2009. С. 159–240.

© *Н.В. Соколова, 2023*

ОПИСАНИЕ МОНАСТЫРСКИХ ВОТЧИН 1701–1703 ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛОМЕНСКОЙ ЕПАРХИИ

В статье представлены итоги исследования переписных книг вотчин монастырей Коломенской епархии 1701–1702 гг. Благодаря этому источнику можно составить представление о составе монастырских владений, количестве в них тяглых дворов и численности крестьян, а также категориях населения, населенности дворов и организации хозяйства.

Ключевые слова: переписные книги 1701–1703 гг.; Коломенская епархия; монастырские вотчины; монастырские крестьяне.

Весной 1701 г. в рамках реализации первого этапа церковной реформы Петра I началось описание архиерейских домов, монастырей и приходских церквей Российского государства. Его инициировал воссозданный двумя месяцами ранее – 24 января 1701 г. – Монастырский приказ, светское государственное учреждение для управления церковью. Перепись продолжалась до 1703 г. За это время задача учета имущества в целом оказалась выполнена. Монастырский приказ получил сведения о подвластных ему архиерейских домах, монастырях и приходских храмах.

Требования к описанию монастырских вотчин, судя по всему, были прописаны в наказах переписчикам. Содержание одного из таких наказов, полученного дворянином А.Б. Палицыным, который направился описывать юго-западные уезды государства, сохранилось, в частности, в переписной книге белевского Преображенского монастыря: «А что в Белевском уезде того Преображенского монастыря вотчин, и что в тех вотчинах по переписным книгам 186-го году крестьянских и бобыльских дворов, и во дворах по имяном крестьян и бобылей, и что у них детей, и внучат, и племянников, и зятьев, и приимышев, и захребетников, и что явилось сверху переписных книг, и то писано ниже сего по стотьям. А что в том уезде по наказу где явилось патриаршие и

¹ Шамина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН, shaminy@yandex.ru, Россия, г. Москва.

архиерейския, и что за соборами и на погостех за церквами и в тех вотчинах что крестьян и бобылей и у них детей, и внучат, и племянников, и приимышев, и захребетников, и всяких угодей, и те писаны особыми книгами»¹. За основу, в качестве приправочных материалов, были взяты переписные книги 1678 г.

Задача настоящего исследования – на примере переписных книг вотчин монастырей Коломенской епархии, составленных в 1701–1702 гг., охарактеризовать содержание этого источника и показать его значимость для изучения социально-экономической истории обитателей на рубеже XVII и XVIII вв. Описания монастырских вотчин вошли в состав книги 58, которая хранится в фонде Монастырского приказа РГАДА². Здесь же собраны описания Коломенского архиерейского дома и самих монастырей, а также приходских церквей Коломенской епархии.

Описание начала XVIII в. проводилось по уездам, на что обратил внимание еще И.А. Булыгин [4, с. 34]. Затем полученные на местах данные в Монастырском приказе группировали в отдельные книги: по епархиям, по владельцу (например, патриаршие монастыри) и др. На территории Коломенской епархии на момент проведения переписи функционировали 12 монастырей и пустыней, располагавшихся в Коломне и Коломенском уезде, а также в Туле, Орле, Крапивне, Орловском и Каширском уездах. В описании ее территории принимали участие два стольника. Коломну, Каширу и Тулу описывал Иван Васильевич Кикин, а Орел и Крапивну – Михаил Терентьевич Толубеев. Описание монастырей и их владений началось весной 1701 г. и завершилось летом 1702 г.

Вотчинами, населенными крестьянами, в начале XVIII в. в епархии владели 5 монастырей – коломенские Спасо-Преображенский, Богоявленский Голутвин, Рождественский Бобренев, тульский Иоанно-Предтеченский и орловский Успенский. Наиболее крупная вотчина принадлежала коломенскому Голутвину монастырю. Она располагалась в нескольких станах и волостях Коломенского уезда. Ее составляли 10 сел и деревень с 237 крестьянскими двора-

¹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 21. Л. 11.

² Там же. Д. 58.

ми, в которых жили 1159 тяглых крестьян. Однако следует заметить, что в переписную книгу монастыря вошли описания не всех владений. Помимо сел и деревень в Коломенском уезде, Голутвину монастырю принадлежало также село Сычево в Рузском уезде. В переписной книге в числе монастырских насельников назван приказчик этого села Власко Порошин [8, с. 157], однако описания самого села в ней нет.

Небольшие вотчины без тяглого населения имелись и у коломенского Брусенского девичья монастыря – две пустоши, «что было селцо Труново» и «Ефремова, Псарское тож» [8, с. 224]. Крапивенский же Троицкий монастырь к началу XVIII в. свою вотчину утратил. В переписной книге сказано, что ею «насильством» завладели некто «Мартин Иванов сын Стрекалов с племянником с Никитою Стрекаловым. А на речке Сукроминке владеет Васильевская жена Бегичева вдова Марина и поселяны крестьяне»¹.

Структура переписных книг 1701–1703 гг. в целом повторяет структуру подобных описаний XVI–XVII вв. Перепись монастырских вотчин включает в себя поочередное перечисление сел и деревень, определяется их географическое расположение – указаны уезд и стан. Описания сел, в которых находились приходские церкви, как правило начинаются подробной информацией о последних. Главное же внимание уделено населению монастырских вотчин: перечислены дворы священнослужителей и церковного причта, монастырские, «служение», крестьянские. Во дворах отмечены их владельцы и члены семей мужского пола – сыновья, внуки, племянники, зятья и проч. Указан возраст детей, а для лиц старше 14 лет поясняется их семейное положение – женат или холост.

Подавляющее большинство населения (в целом около 90%) в вотчинах монастырей Коломенской епархии безусловно составляли тяглые крестьяне. Сопоставим данные 1678 г., опубликованные И.А. Булыгиным по некоторым из рассматриваемых монастырей [4, с. 44], с полученными мною по переписным книгам 1701–1702 гг. [8, с. 125–131, 164–195, 211–212; РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 58. Л. 561–577].

¹ Там же. Л. 688 об. – 689.

Количество крестьянских дворов в вотчинах монастырей
Коломенской епархии по переписным книгам 1678 и 1701–1702 гг.

Монастырь	Количество крестьянских дворов		
	1678 г.	1701–1702 гг.	Насколько увеличилось
Богоявленский Голутвин	203	252	49(24 %)
Спасо-Преображенский	46	69	23(50 %)
Богородице-Рождественский Бобреньев	8	12	4(50 %)
Иоанно-Предтеченский	64	85	21(33 %)
Всего	321	418	97(30 %)

Видим, что численность крестьянского населения в рассмотренных монастырях с 1678 по 1701–1702 гг. увеличилась примерно на треть. В коломенских Спасо-Преображенском и Бобреньеве это число достигло 50%. Такая тенденция была характерна и для других монастырей Российского государства, что неоднократно отмечалось исследователями. В частности, И.А. Булыгин сравнил численность крестьянского населения вологодского Спасо-Прилуцкого, а также Троицкого Калязина и Пафнутьева-Боровского монастырей и пришел к выводу, что за период с 1678 по 1701 г. население монастырских вотчин увеличилось в среднем на 36% [4, с. 56].

Переписные книги 1701–1703 гг. показывают, что с 1678 г. увеличилась населенность крестьянских дворов. Исследователи связывают эту тенденцию с введением в 1679 г. подворного обложения. Для облегчения налогового бремени крестьяне стремились объединять свои дворы, особенно на время переписи. По моим подсчетам, в монастырях Коломенской епархии населенность крестьянского двора в начале XVIII в. составила в среднем 4,2 души м. п. Эта цифра оказалась сопоставима с населенностью крестьянских дворов Русского Севера. Так, населенность двора в вотчине вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря с 1678 по 1701 г. увеличилась с 3,2 до 4 душ м. п. [4, с. 56]. В то же

время населенность крестьянского двора в вотчине рязанского Солотчинского монастыря оказалась существенно ниже и, как установила Н.А. Горская, в 1680-х гг. составляла в среднем лишь 2,6 душ м. п. [5, с. 28].

Исследователи пришли к выводу, что в одном крестьянском дворе во второй половине XVII в. проживала, как правило, малая семья – родители и неженатые/незамужние дети [1, с. 36; 7, с. 71]. О половом составе семьи переписные книги 1701–1703 гг. сведений не содержат. Иногда указываются вдовы. Единичный случай упоминания вдовы в вотчинах монастырей Коломенской епархии обнаружен в переписной книге коломенского Бобренева монастыря: «Да в той же деревне Бобрулино двор пустой. А по скаске старосты с крестьяны, что жил в нем крестьянин Васка Федосеев и в прошлых годах умре. А после ево осталась жена ево вдова Хрестюшка Иванова дочь, а у ней детей было: Сенка осмнатцети годов, Ивашко двенатцети годов. И те де ныне Сенка кормится в монастыре, а мать ево с Ывашкою кормится нищетою»¹.

Во дворах часто проживали по несколько братьев со своими семьями. Иногда в одном дворе перечислены и другие родственники главы семьи: зятя, шурины, дядя, а также пасынки и приемыши.

Большой интерес представляют данные о крестьянских повинностях, которые были двух видов – барщина и оброк. В основном в монастырских вотчинах Коломенской епархии была распространена барщина. Как правило, в источнике указывался размер тягла – количество земли, которую крестьяне обязывались обрабатывать на монастырь, перечислены пункты и размер натурального оброка. Барщина имела место, например, в вотчине коломенского Спасо-Преображенского монастыря: «А живут-де они на тягле, а тегла на них тритцеть осмаков. А пашни на монастырь пашут по десятине, а хлеб сеют из монастырских житниц» [8, с. 128]. В деревне Семеновской вотчины Спасо-Преображенского монастыря по переписной книге 1701 г. числился 51 крестьянский двор, следовательно на 1 двор приходилось 0,6 осмака тягла. Крестьяне же деревень Березовка и Ситка вотчины тульского Иоанно-Предтеченского

¹ Там же. Л. 394 об. – 395.

монастыря жили на оброке: «На монастырь вышеписанные крестьяне пашни не пашут, а платят оброчной хлеб ржи по тритцати чети, овса то ж. Круп овсяных две чети, толокна две чети, круп грешневых две чети, масла коровья по тритцати по два фунта. Да возят дровпо пяти сажень в год»¹.

При каширских Соколовой и Саввиной пустынях, приписанных к Коломенскому архиерейскому дому, в начале XVIII в. жили бобыли. Если XVI–XVII вв. бобылями называли обедневших крестьян, которые не могли самостоятельно вести хозяйство [см., например: 6], то в начале XVIII в., как следует из описания, они, как и крестьяне, имели свои дворы и являлись, по сути, тяглым населением. Так, бобыли Соколовой пустыни заявили, что «живут они на тягле, а тягла на них три осмака. А на осмак пашут они в архиерейской дом по десятине в поле, а в дву потому ж... А иные доходы платят они во архиерейской дом против протчих домовых крестьян все сполна»².

Бобыли жили также в подмонастырной слободке тульского Иоанно-Предтеченского монастыря, но у них, как следует из переписной книги, основной повинностью до 1697 г. являлся денежный оброк – «со двора по рублю», однако в последующие 4 года они от оброка были освобождены³.

Переписные книги зафиксировали в монастырских вотчинах ибестяглых крестьян, которые не несли никаких повинностей. Они отмечены во владениях коломенских Спасо-Преображенского и Голутвина, а также тульского Иоанно-Предтеченского монастырей. Бестяглые крестьяне облагаемых налогами дворов не имели. О том, где они жили, переписные книги не говорят. Лишь в одном случае – о бестяглом крестьянине Иоанно-Предтеченского монастыря – сказано: «Максим Евдокимов сын Острекон старинной монастырской, женат на стрелецкой жене и живет в ее дому»⁴. Судя по всему, представители аналогичной группы населения в описании вологодского Павлова Обнорского монастыря 1702 г. определены как «бездворные бобыли», а в переписной книге во-

¹ Там же. Л. 577.

² Там же. Л. 436.

³ Там же. Л. 558.

⁴ Там же. Л. 560

логодского Иннокентиева монастыря – как «нищие безпахотные бобыли» [2, с. 438].

Часть крестьянского населения (27 человек) на момент переписи находилась в бегах. Причем многие из них покинули свои дворы во второй половине 1690-х гг. На 1690-е гг. как время наибольшего бегства крестьянобращали внимание и исследователи монастырей других регионов государства [2, с. 446]. Следует заметить, что именно в эти годы значительно увеличилось и количество постригов в женские монастыри Коломенской епархии – коломенский Брусенский и тульский Успенский [9, с. 242]. Можно предположить, что причиной побегов крестьян из монастырских вотчин, как и увеличение постригов в женские монастыри в эти годы стал голод, распространившийся практически по всей территории страны. В частности, о масштабном голоде в стране, послужившем возможной причиной стрелецкого восстания 1698 г., упомянул В.И. Буганов [3, с. 51].

В переписных книгах описаны также дворы приходского духовенства и церковнослужителей. В некоторых случаях приводятся размеры этих дворов в аршинах. Имеется информация и об угодьях, находящихся во владении священно- и церковнослужителей. В вотчине Голутвина монастыря, в сельце Бачманове, в 7 дворах жили монастырские слуги – всего 12 человек. Примечательно, что в двух «служних» дворах главами указаны женщины – Агрипинка Ипаткина жена Осипова и Акилинка Гаврилкова жена Свищова. Названа и причина этого: их мужья были «отданы в даточные» [8, с. 171–172].

Переписные книги позволяют в той или иной мере охарактеризовать организацию хозяйства в монастырских вотчинах. Они содержат описание монастырских дворов в селах, а также различных хозяйственных служб – мельниц, скотных дворов, конюшен и др. Так, например, выглядел монастырский двор в селе Покровском вотчины тульского Иоанно-Предтеченского монастыря: «Строения келья двойная, перед ней сени, изба, житница, баня, конюшня, клеть, сарай рубленой. Круг двора сараи ж... Против того двора две житницы.

Погреб с напогребницею. На гумне хлеба ржи два скирда»¹. В деревне Михеевой в вотчине Спасо-Преображенского монастыря помимо хозяйственных построек находился также монастырский сад.

В ряде монастырских селений имелись и мельницы. Сразу двумя мельницами владел тульский Иоанно-Предтеченский монастырь – на реках Упе и Тулице. При мельнице на р. Упе жили мельники. Они занимали 4 двора и «работали всякую мелничную работу». Однако на момент описания выяснилось, что «ныне-де они работы не работают и оброку ничего в монастырь не платят»². В переписной же книге орловского Успенского монастыря приведена история приобретения и потери им мельницы на р. Рыбнице. Как следует из источника, ею «поступился орловской подьячей Семен Иевлев», однако затем «тою мельницей завладел насилством орловской драгун Алексей Мартинов сын Неручев»³.

Хозяйством монастыря в вотчинах управляли приказчики из числа монастырских слуг, которые по именному указу Петра I от 11 марта 1701 г. заменили посельских старцев⁴. Так, в Голутвине монастыре все они названы в описании монастыря вместе с остальными монастырскими насельниками: «В селце Четрякове прикащик Гришка Суров... В селе Бачманове прикащик Костка Иванов сын Порошин... Села Парфеньева да деревни Пестриковой прикащик Оска Прокофьев сын Свищов Села Федосьина прикащик Варфоломушка Андреев» [8, с. 157]. Однако в ряде сел, как например, в селе Волинцево тульского Иоанно-Предтеченского монастыря, не было и приказчика: «А посельских-де старцев и прикащиков у них в том селе нет и доходов с них на них не идет»⁵. В организации работ в вотчине принимали участие также житенные старцы. Они, в частности, контролировали процесс уборки зерна.

В переписных книгах монастырей Коломенской епархии имеются сведения об аренде мельниц, торговых лавок, а также земельных угодий – сенокосов и пустошей, указаны имена арендаторов, сроки аренды и размер арендной

¹ Там же. Л. 573 об. 574.

² Там же. Л. 558 об.

³ Там же. Л. 682–682 об.

⁴ ПСЗ-I. Т. 4. № 1839.

⁵ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 58. Л. 563.

платы. Больше всего фактов аренды известно из переписной книги Голутвина монастыря. Среди объектов, сдаваемых в наем, – мельница в сельце Четряково: «А наемщик – того сельца Четрякова крестьянин Максимко Васильев сын Со-рокин». Мельница была отдана в аренду на 5 лет за 2 руб. с полтиной. Кроме того, арендатор обязывался молоть на монастырь «без уговору, что доведетца, всякой хлеб» [8, с. 178].

В описании вотчины коломенского Голутвина монастыря есть информация и о внаделном землепользовании крестьян [8, с. 178]. Судя по всему, часть земли сдавалась в аренду также в каширской Соколовой пустыни, однако ответить на вопросы, что именно находилось в кортоме, бобыли, жившие при ней, не смогли, сославшись на то, что «про то ведомо в домовых приходных и расходных книгах на Коломне во архиерейском приказе»¹.

Большую ценность представляет помещенный в переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и тульского Иоанно-Предтеченского монастырей, составленных стольником И.В. Кикиным, пересказ распоряжений Петра I. Текст зачитывался переписчиком в каждом селе и заверялся подписями священников и сельских старост. Первое его положение требовало, чтобы крестьяне не принимали в села беглых солдат «и никаких служилых людей» и крестьян из вотчин других владельцев. За нарушение предписаний предполагалось наказание: «А буде кто примет, и тем учинена будет смертная казнь. А того села крестьяном за то, что они про тех беглых людей и крестьян не известят, учинено будет жестоко наказание». Второе положение касалось монастырских приказчиков. Им запрещалось чинить крестьянам «разорение» и «нападки». Приказчикам не позволялось также брать с крестьян взятки, а требовалось оберегать от «посторонних обид» и «питаться указным». Крестьяне же в свою очередь обязывались «прикащику и монастырским людям, которые к ним присылаютца для всяких дел, посулов... не давать, а в зборе великого государя податей быть им послушны». Запре-

¹ Там же. Л. 437.

щалось также до особого распоряжения «курить вино»¹. На основании каких именно указов Петра I был составлен этот текст, установить не удалось. Очевидно, можно говорить об общих правительственных мерах, касавшихся всех категорий населения.

Таким образом, переписные книги монастырей Коломенской епархии являются ценным источником для изучения монастырских вотчин и их населения на начальном этапе петровских церковных преобразований. Основной задачей описания 1701–1703 гг. являлась фиксация источников дохода монастырей и архиерейских домов, а также опись предметов, имевших продажную ценность. Во многом задачи описания были продиктованы и начавшейся в 1700 г. Северной войной, которая требовала дополнительных источников финансирования. Вотчинные описания по содержанию во многом уступают писцовым и переписным книгам XVII в., тем не менее, опираясь на них, можно составить представление о составе монастырских вотчин, количестве тяглых дворов и численности крестьян. На их основании можно судить о категориях населения монастырских вотчин и населенности крестьянских дворов, организации монастырского хозяйства в вотчинах.

Рассмотренные переписные книги вотчин монастырей Коломенской епархии содержат также информацию о повинностях крестьян, отдельные сведения об аренде и внаемном землепользовании. Эта информация позволяет восполнить лакуны в изучении коломенских обитателей конца XVII – начала XVIII в. Для многих монастырей епархии рассматриваемые переписные книги – это едва ли не единственный сохранившийся источник для изучения их социально-экономической истории.

Литература

1. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. М., 1976. – 221 с.
2. Башнин Н.В., Черкасова М.С., Шамина И.Н. Описи вологодских монастырей

¹ Там же. Л. 362–362 об.

как источник по аграрной и демографической истории // Переписные книги вологодских XVI–XVIII вв.: исследование и тексты / Отв. ред. М.С. Черкасова. Вологда, 2011.

3. *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. – 440 с.

4. *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977. – 326 с.

5. *Горская Н.А.* Монастырские крестьяне Центральной России в XVII веке. М., 1977. – 365 с.

6. *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1954. – 473 с.

7. *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. – 244 с.

8. *Шамина И.Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 96–226.

9. *Шамина И.Н.* Социальный портрет монашествующих Коломенской епархии в конце XVII – начале XVIII в. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX вв.: Сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М., 2021. С. 407–428.

© *Шамина И.Н.*, 2023

**ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОГО
И СЛАВЯНОСЕРБСКОГО УЕЗДОВ
ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ)²**

В статье анализируются сведения баз данных, составленных на основании Экономических примечаний к Генеральному межеванию Ростовского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии. Они позволяют выяснить количественный состав населения, количество и качество имеющихся природных ресурсов, различных категорий земель, которые осваивались на новых территориях.

Ключевые слова: Российская империя; южные окраины; заселение; землеустройство; межевание; Экономические примечания; Новороссия.

Аграрное перенаселение районов старого заселения приводило к усилению миграционных потоков на южные окраины Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. Среди переселявшихся на южные территории, присоединенные к России в XVIII в. в результате русско-турецких войн, были представители различных слоев населения, в том числе однодворцы, купцы, мещане, отставные солдаты, священнослужители, иностранные колонисты. Однако заселение и освоение южного региона, получившего название Новороссия, напрямую связывалось с переселением крестьян. Новые территории заселялись государственными крестьянами, переезжавшими сюда из внутренних губерний Российской империи, крепостными крестьянами, переселяемыми помещиками, беглыми крепостными. Только по Таврической губернии в 1798 г. количество переведенных помещичьих крестьян из различных губерний России и выведенных из заграничных мест составляло 7 487 м.д.³ Численность казенных и помещичьих крестьян по 5 ревизии на территории бывшего Екатеринославского

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, Кубанский государственный университет, liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28- 00330, <https://rscf.ru/project/22-28-00330/>

³ РГИА. Ф. 558. Оп. 2. Д. 263. Л. 12–14.

наместничества в 1799 г. составляла 501 198 душ¹. Однако ведомости убыли и прибыли населения за дальнейшие годы по сравнению с данными пятой ревизии говорят о постоянно меняющемся количестве населения. Среди причин выявлявшейся разницы называется естественная смертность, побег с этих мест, изменявшееся административно-территориальное устройство.

Современники освоения территории Новороссии подчеркивали ее бескрайние просторы и нетронутую человеком природу и все еще отмечающуюся малонаселенность территории. Побывавший в 1799 г. в Новороссии Павел Иванович Сумароков обращал внимание на степи, где по имевшимся дорогам, кроме построенных для почт землянок и двух небольших слободок, не было никаких селений. Его поражали необъятные просторы необработанной земли и полное отсутствие деревьев [8, с. 5].

Природные условия Новороссии должны были способствовать ее быстрому хозяйственному освоению. Южные территории привлекали более теплым климатом и большими земельными просторами. Однако, как отмечал один из первых историков Новороссийского края Аполлон Скальковский, долгие годы эта плодородная земля, «лежащая в прекраснейшем климате, прорезанная множеством больших и малых рек, близкая к двум морям, способная к производству всех богатств земледелия и промышленности, оставалась в пусте» [5, с. 3].

Новороссия стала одним из основных заселяемых районов страны в начале XIX в. Хозяйственное освоение региона зависело от природных особенностей местности и традиционного хозяйственного уклада, который приносили с собой переселенцы, представлявшие различные социальные слои и народы. Приросту населения на южных территориях благоприятствовали не только неосвоенные черноземные земли, но и меньшее развитие крепостничества. Так, если в Черноземном Центре доля крепостных составляла 60%, в Поволжье – около 40%, то в Новороссии – не превышала 30% [1, с. 51–52]. Однако освоение региона шло очень медленно. Многие земли продолжали использоваться для скотоводства. Трудности в развитии земледелия были вызваны новыми

¹ РГИА. Ф. 558. Оп. 2. Д. 154. Л. 3 об.

природно-климатическими условиями, к которым не успели приспособиться переселенцы, и связанными с освоением региона нерешенными вопросами землепользования и межевания. Основные работы по межеванию Новороссии проводились в первой половине XIX в. В Новороссийской губернии Генеральное межевание затянулось на долгие десятилетия, что было связано с протекавшими процессами заселения и хозяйственного освоения территории, принятием новых законов и правил межевания, затянувшимися земельными спорами. Нередко возникали спорные ситуации, за разрешением которых приходилось обращаться в верховные органы власти.

До нынешнего времени Генеральное межевание, проводившееся на территории Новороссийской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в., оказывалось в центре внимания лишь некоторых исследователей. Среди современных работ стоит выделить работы И.В. Петровой, посвященные изучению становления системы кадастрового учета и анализу основных нормативно-правовых документов, которые сформировали юридическую основу Генерального межевания на Юге Украины [4, с. 165]. На основе материалов Генерального межевания Херсонской губернии базируется работа Д.З. Фельдмана, изучающего еврейскую колонизацию Северного Причерноморья [9, с. 426–427]. Проектам предстоящего межевания земель Крыма в рамках изучения его интеграции в состав Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. уделил особое внимание Д.В. Конкин [2, с. 47–48]. Л.Л. Кузьмина рассмотрела создание фонда государственных земель и частных земельных владений дворянства на Крымском полуострове, его источники и ход начавшегося процесса межевания земель в конце XVIII в. [3, с. 30].

Проблемы заселения новых южных регионов Российской империи в первой половине XIX в., их землеустройства и межевания на сегодняшний день нуждаются в обстоятельном исследовательском изучении, как с точки зрения внутренних особенностей региона, так и с позиций процессов политической, социальной и аграрной эволюции южно-российской деревни, являвшейся перспективным источником наращивания земледельческого потенциала Россий-

ской империи. Для исследования процессов заселения Новороссии и складывающегося на этой территории землепользования, изучения проводившихся работ по межеванию земли были привлечены материалы Генерального межевания, в том числе полевые записки землемеров, мелочные и спорные дела, и Экономические примечания к планам Генерального межевания. Материалы Генерального межевания по различным уездам Новороссии позволяют оценить не только хозяйственное положение отдельных земельных владений, но и имевшиеся демографические ресурсы, складывающуюся структуру землепользования. Это дает нам возможность выявить степень освоенности территории и структурно-формирующие факторы – устойчивые условия, влияющие на саму систему расселения на конкретной территории.

В межевом отделе РГАДА сохранились Экономические примечания к Генеральному межеванию южных губерний Российской империи, расположенных в Новороссии. В 1798–1828 гг. были составлены Экономические примечания к генеральным планам на дачи, обмежеванные в Екатеринославской губернии. К 1798–1818 гг. относятся Экономические примечания Верхнеднепровского, Екатеринославского и Новороссийского уездов¹, к 1798–1806 гг. – Бахмутского уезда², к 1798–1808 гг. – Елизаветградского уезда³, к 1798–1818 гг. – Херсонского уезда⁴, к 1799–1804 гг. – Новомосковского уезда⁵, к 1798–1806 гг. – Павлоградского уезда⁶. И несколько особняком стоят Экономические примечания, составленные по Славяносербскому⁷ и Ростовскому⁸ уездам, относящиеся уже к 1828 г.

В первую очередь, необходимо выделить отличительные особенности этих территорий. Ростовский уезд Екатеринославской губернии относился к самым отдаленным ее территориям. Особенностью уезда было его обособленное местонахождение и отсутствие смежных границ с другими уездами губер-

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 360.

² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 369–372.

³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2039–2050.

⁴ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 2066, 2067.

⁵ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 369–372.

⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 385–388.

⁷ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 392, 393.

⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 389, 390.

нии, соприкосновение его земель с землями Войска Донского и нахождение на его территории городов, имеющих особое управление. Ростовский уезд был образован в 1797 г. в Новороссийской губернии, с 1802 г. входил в Екатеринославскую губернию. Земли уезда располагались в низовьях р. Дон и по северо-восточной оконечности Азовского моря вплоть до Ейского лимана. Они были совершенно отрезаны от остальных уездов Екатеринославской губернии землями Войска Донского, с юга граничили с землями черноморского казачества.

Образование Славяносербского уезда Екатеринославской губернии связано с исторической областью Славяносербия, появившейся в Российской империи в 1753 г., когда на правый берег Северского Донца прибыли сербы, переселившиеся из Австрии. Местом их поселения стала территория от Бахмута до Лугани. Она находилась между землями запорожских и донских казаков и практически тянулась вдоль Украинской линии. Поначалу на ее территории располагались сербские гусарские полки Ивана Шевича и Райкоде Прерадовича (Депрерадовича). В каждом из них были сформированы по 10 рот. На местах их дислокации строились военные укрепления – шанцы, давшие жизнь новым поселениям. В 1764 г. с образованием Новороссийской губернии территория Славяносербии вошла в состав Славяносербского и Бахмутского уездов.

На основании Экономических примечаний к планам Генерального межевания созданы базы данных по Ростовскому и Славяносербскому уездам Екатеринославской губернии. Сравнительный анализ их сведений показывает, что в более ранних Экономических примечаниях по другим уездам Екатеринославской (Новороссийской) губернии землемеры выделяли гораздо большее количество различных категорий земли и при межевании и описании самого процесса использовали более тщательную их градацию. Так, в Экономических примечаниях по Новороссийскому (Екатеринославскому) уезду, составленных в конце XVIII – начале XIX в., имеются сведения не только о землях под поселениями, пашней сенокосами, дровяным лесом и мелким кустарником, но и степи, способной к хлебопашеству и скотоводству. Отдельно землемеры выделили также землю под садом, виноградниками, реками и речушками, прудами и ли-

манами, бечевниками¹ и песками, кручами болотами, солонцами [6, с. 163]. В Бахмутском уезде землемеры описывали не только земли под поселениями, пашней и сенокосами, но и степь. Причем при в 1800 и 1802 гг. землемеры межевали в этом уезде вместе пашню и степь [7, с. 83–84.]. В Славяносербском и Ростовском уезде в Экономических примечаниях землемеры выделили только земли под поселениями, пашней, сенокосами, лесом и неудобными местами. Важным является и сам период составления Экономических примечаний. Так, если по Бахмутскому уезду Экономические примечания по результатам межевания были составлены в 1798–1806 гг., то межевание и составление Экономических примечаний Славяносербского уезда растянулось во времени. Изучение фондов полевых записок и спорных дел по Славяносербскому уезду показывает, что межевые работы начали проводиться на территории уезда в 1800 г. и завершились только в 1828 г.²

Сохранившиеся в РГАДА Экономические примечания Славяносербского уезда включают описания 130 дач. Количественные показатели земельных угодий дач вошли в составленную базу данных, которая в целом охватила 460 091 дес. 1 024 саж. земли. Статистическая обработка сведений базы данных показывает, что к пашне землемерами было отнесено 124 010 дес. 2 153 саж. земли (27%), сennым покосам – 245 366 дес. 1 768 саж. (53,3%), лесу строевому и дровяному – 14 030 дес. 1 382 саж. (3%), неудобным местам – 73 428 дес. 1 496 саж. (16%), к землям поселений – 3 254 дес. 1 425 саж. (0,7%).

В базу данных вошли также демографические показатели, зафиксированные в Экономических примечаниях. В целом на описанных дачах землемеры насчитали 42 974 душ обоего пола (22 689 м.д. и 20 285 ж.д.), проживавших в 7 741 дворах и 120 поселениях. Средняя численность двора в уезде составила 5,6 души обоего пола (2,9 м.д. и 2,6 ж.д.). Среди материалов межевания Славяносербского уезда сохранился составленный землемерами уездный табель, в котором приведены сведения о жителях. Среди населения уезда значились кре-

¹ Бечевник (бичевник) – береговая полоса вдоль сухопутных рек. См.: Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка: в 4 т. М., 2006. Т. 1: А–З. С. 91.

² РГАДА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 584–607; Оп. 2. Д. 912–932.

стьяне удельного ведомства и однодворческие – 1 027 душ обоего пола (488 м.д. и 539 ж.д.), однодворческие и казенные крестьяне – 1 572 души (791 м.д. и 781 ж.д.), однодворческие и казенные поселяне – 506 душ (255 м.д. и 251 ж.д.), крестьяне казенного ведомства – 1 862 души (988 м.д. и 874 ж.д.), казенные поселяне – 6 943 души (3 577 м.д. и 3 366 ж.д.), отмежеванные в казенное ведомство – 1 012 душ (496 м.д. и 516 ж.д.) и помещичьи крестьяне – 25 746 душ (13 452 м.д. и 12 294 ж. д.). Кроме них в Славяносербском уезде насчитывалось 1 006 душ (496 м.д. и 510 ж.д.) военных поселян и войсковых обывателей и 3 303 души (1 644 м.д. и 1 659 ж.д.), числящихся на казенном литейном заводе¹.

Таким образом, за прошедшие полвека от поселения сербов на южных рубежах России до проведения работ по Генеральному межеванию территория бывшей исторической области Славяносербия оказалась достаточно хорошо освоенной. Здесь находились большие площади пашни, однако в степи еще имелись резервы земли для распашки. Первые поселения, где располагались сербские роты, разрослись и в большинстве случаев стали крепкими селами, что свидетельствует об их удобном расположении на местности. В базу данных вошли сведения о качестве грунта на 108 дачах Славяносербского уезда. Как показывает ее анализ в уезде преобладали черноземные и серопесчаные почвы. Различные виды чернозема зафиксированы на 63 дачах (58,3%), серопесчаные виды грунта – на 27 дачах (25%), сероглинистый грунт – на 18 дачах (16,7%). Причем чисто черноземный грунт отмечен на 27 дачах (25%), чернозем в сочетании с серопесчаным грунтом на 15 дачах (13,9%), чернозем с местами каменистым грунтом – на 13 дачах (12%). На 4 дачах чернозем сочетался с глинистым и каменистым грунтами, на двух дачах – с сероглинистым грунтом и еще на двух – с сероиловатым и солонцеватым грунтом. Чисто серопесчаный грунт имелся на 11 дачах (10,2%), на 7 дачах (6,5%) он был частично каменистым и солонцеватым, еще на 7 дачах (6,5%) – местами иловатым и на двух дачах – серопесчаным и каменистым.

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 392. Л. 64.

Среди выращиваемых культур в Славяносербском уезде преобладала пшеница, посевы которой землемеры зафиксировали на 100 дачах (92,6%). Пшеница высевалась на всех видах черноземного грунта и сероглинистом грунте и почти всегда – на серопесчаном, за исключением дач, где он местами был иловатым. Посевы ржи присутствовали на 92 дачах (85,2%). Рожь не зафиксирована землемерами на грунте серопесчаном и каменистом, отмечена только на половине дач, где чернозем соседствовал с серопесчаным грунтом, и не всегда ее посевы отмечались на чисто черноземном грунте. Посевы ячменя в уезде имелись на 90 дачах (83,3%). По данным Экономических примечаний, ячмень зафиксирован на всех дачах с сероглинистым грунтом и на грунтах, где местами почва была каменистая или сероглинистая. Ячмень не всегда высевался на чисто черноземном грунте и практически отсутствовал на чисто серопесчаном грунте. Важную роль в структуре зерновых культур на территории Славяносербского уезда занимало просо, посевы которого имелись на 71 даче уезда (65,7%). Просо фактически не высевалось на серопесчаном грунте (оно отмечено только на двух дачах, где серопесчаный грунт сочетался с каменистым). Основные его посевы имелись на черноземном и сероглинистом видах грунта. Причем, посевы проса зафиксированы только на половине дач, где чернозем сочетался с серопесчаным грунтом. Посевы овса в Славяносербском уезде землемеры отметили на 66 дачах уезда (61,1%). Он высевался на 34 дачах с черноземным грунтом, в том числе на чистом черноземе и черноземе, который сочетался с каменистым и серопесчаным грунтом. На черноземных грунтах, где местами встречался еще и сероглинистый и глинистый грунты, его посевы не зафиксированы. Среди дач с серопесчаным грунтом овес отсутствовал среди посевов там, где этот грунт сочетался с иловатым или каменистым. Землемеры выделили также горох среди посевов на 17 дачах (15,7%). Он был зафиксирован на 8 дачах с сероглинистым грунтом и на 9 дачах на черноземном, местами каменистом грунте.

Сведения базы данных позволяют получить представление о природных особенностях Славяносербского уезда, в том числе об имеющихся лесах и их видовом составе, зверях и птицах, встречающихся на его территории, и рыбах

местных реках. В первую очередь стоит отметить упоминание различного вида леса на 100 дачах (76,9%) из 130 дач, описанных в Экономических примечаниях, причем на 97 дачах имелся дровяной лес, на 7 дачах – мелкий и только на 19 дачах – строевой лес. Среди деревьев по видовому составу в нем чаще всего упоминался дуб (98 дач), но также очень часто встречался терн (88 дач), относящийся к колючим кустарникам или небольшим деревьям. Далее по распространенности выделялись клен (68 дач) и береза (54 дачи). На части дач в лесу можно было встретить липу (26 дач), иву (21), ольху (20), тополь (16) и вяз (10).

Состав животного мира в Экономических примечаниях по Славяносербскому уезду описывается очень скупо: на 21 даче среди зверей упоминаются волки и зайцы и на 14 дачах – лисицы. Среди птиц чаще всего называются куропатки, перепелки, жаворонки (21 дача) и соловьи (15), в уезде также имелись дикие утки и кулики (8), щеглы (6), дикие гуси (4), рыболовы и бекасы (1). Гораздо лучше землемеры описали видовой состав рыбы в реках и речках, протекающих по территории уезда. Однако среди 13 видов рыбы, упоминающихся на 95 дачах (73,1%), к ценным относятся только голавли (62 дачи) и стерлядь (22). Чаще всего среди вылавливаемых рыб назывались плотва (90 дач), щука (80), пескари (67). В реках также водились судаки (34), лещи (29), сомы (24), сазаны (22), ерши (21), язи и лини (17), окуни (12).

В составленную базу данных по Ростовскому уезду на основании Экономических примечаний вошли 64 дачи с 357 225 дес. 1 659 саж. земли. Несмотря на то, что Ростовский уезд отличался от других уездов Екатеринославской губернии своим приморским расположением и фактически представлял собой безлесную и совершенно открытую равнину, землемеры при межевании выделили на его территории привычные категории земель. К ним относились пашня – 60 824 дес. 1 266 саж. (17%), сенокосы – 244 100 дес. 1 215 саж. (68,3%), лес – 135 дес. 112 саж (0,04%), неудобные места – 51 112 дес. 1 840 саж. (14,3%) и земли под поселениями – 1 042 дес. 2 026 саж. (0,3%). На описанных дачах землемеры зафиксировали 26 804 душ обоего пола, в том числе 15 361 м.д. и 11 443 ж.д. Как показывают расчеты, в среднем на один двор в уезде приходи-

лось 6,3 души (3,6 м.д. и 2,7 ж.д.).

Состав и качество грунта в Ростовском уезде землемеры описали на 59 дачах (92,2%). Как показывают сведения базы данных, на большинстве дач (42 дачах или 71,2% от всего их количества) грунт был отнесен землемерами к серопесчаному. На 30 дачах грунт оценивался как чисто серопесчаный, на 6 дачах он сочетался с солонцеватым, еще на 6 дачах – с каменистым грунтом. На 17 дачах (28,8%) зафиксирован черноземный грунт, причем на одной даче в сочетании с солонцеватым. Среди высеваемых культур в Ростовском уезде по данным Экономических примечаний преобладала рожь, посеvy которой зафиксированы на всех 59 дачах (100%) с указанием грунта земли. На 58 дачах (98,3%) со всеми видами грунта высевался овес. Просо сеялось на 52 дачах (88,1%), причем не всегда его посеvy фиксировались на чисто серопесчаном грунте и грунте серопесчаном и солонцеватом. Посевы пшеницы на территории уезда отмечены только на 45 дачах (76,3%). Пшеница высевалась на всех видах черноземного грунта. Она присутствовала в севообороте на всех дачах, где серопесчаный грунт сочетался с солонцеватым или каменистым видами грунтов, и только на половине дач с чисто серопесчаным грунтом. Гораздо меньшими в уезде были посеvy ячменя, который зафиксирован на 27 дачах (45,8%). Его посеvy практически отсутствовали на грунте серопесчаном и солонцеватом и грунте серопесчаном и каменистом. Не всегда ячмень высевался на дачах с чисто черноземным и чисто серопесчаным видами грунтов.

На территории Ростовского уезда в Экономических примечаниях лесупоминался только на 6 дачах, причем только дровяной, к тому же на двух дачах – мелкий. Среди деревьев в лесу в первую очередь назывался терн (на 4 дачах из 6), затем бузина (на 3 дачах), береза, осина и ива (на 2 дачах) и на одной даче – дуб и клен. Типичный состав зверей и птиц описан только надвух дачах. На них водились волки и зайцы, на одной даче упоминалась лисица. В составе птиц названы куропатки, перепелки, дикие гуси, утки, кулики, соловьи, на одной даче – тетерева и бабы (пеликаны).

Однако при описании в Экономических примечаниях 37 дач (57,8%) зем-

лемеры зафиксировали 22 вида рыбы, которая водилась в реке Дон и Азовском лимане, а также в реках, впадающих в Азовское море. Среди ценных видов особенно выделялись севрюга (17 дач), осетры (16), белуга (14), стерлядь (11), белорыбица (3). Но в основном сведения Экономических примечания демонстрируют обилие менее ценных видов рыб, среди которых называются щуки и окуни (26 дач), судаки и лини (25), плотва (23), тарань (21), лещи (18), сомы (17), чехонь (14), язи и караси (11), сельди и пескари (7), сазаны (4), ерши (3) и голавли (2).

Таким образом, материалы Экономических примечаний по Ростовскому и Славяносербскому уездам Екатеринославской губернии, ставшие основой для составления баз данных о земельных ресурсах, населении и поселениях данных территорий, позволяют провести оценку имеющихся демографических ресурсов, видов земель и степени их освоения, Статистическая обработка сведений баз данных открывает возможности для выявления важнейших факторов дифференциации структуры землепользования и их дальнейшего анализа. Выясняется, что при составлении Экономических примечаний по Ростовскому и Славяносербскому уездам Екатеринославской губернии землемеры выделяли только основные категории земель. К ним относились земли под поселением, пашней, сенокосом, лесом и неудобной земли. В отличие от других ранее обмежеванных уездов южных губерний Экономические примечания по Ростовскому и Славяносербскому уездам уже не содержат сведения о пригодной к распашке степи. Это объясняется тем, что Экономические примечания по данным территориям составлялись гораздо позже, чем по соседним уездам, когда часть земель была уже освоена поселенцами под пашню. Существенно сокращена и градация земель по отдельным категориям. Но даже несмотря на фактическое отсутствие лесных массивов в Ростовском уезде землемеры по-прежнему выделяют землю под лесом в качестве отдельной категории, что подчеркивает ее несомненную ценность. Составленные базы данных позволяют уточнить сведения о поселениях и населении данных уездов в первой трети XIX в., среди которых важнейшими являются сведения о количестве крестьян и обеспеченности их пашенными и другими угодьями.

Литература

1. *Кабузан В.М.* Население Российской империи в XVIII в. // Исследования по истории России XVI – XVIII вв. Сборник статей в честь 70-летия Я.Е. Водарского. Москва: Институт российской истории РАН, 2000. – 257 с.
2. *Конкин Д.В.* Проблема землевладения крымских татар в проекте К.И. Габлица «О разделе Новороссийской губернии и организации управления и хозяйства в Крыму» (1802 г.) // Материалы к истории Причерноморья в Новое время. Симферополь: Крымский федеральный университет, 2016. С. 47–48.
3. *Кузьмина Л.Л.* О земельных отношениях в Крыму в конце XVIII в. // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3 (ноябрь). С. 27–33.
4. *Петрова И.В.* Деятельность Симферопольской межевой конторы (1829–1843 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12-3 (38). С. 162–166.
5. *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1731–1823. Одесса: Городская типография, 1836. Т. 1. – 289 с.
6. *Степанова Л.Г.* Генеральное межевание и освоение южных территорий Российской империи в XVIII – начале XIX в. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. – 227 с.
7. *Степанова Л.Г.* Население и территория Бахмутского уезда Новороссийской губернии по материалам Генерального межевания // Международная научно-практическая конференция «Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: К 80-летию начала Великой Отечественной войны». Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 81–85.
8. *Сумароков П.И.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. Москва: Университетская типография, 1800. – 250 с.
9. *Фельдман Д.З.* Экономические примечания к планам Генерального межевания как источники по истории еврейской земледельческой колонизации Северного Причерноморья в начале XIX в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 422–428.

ДВОРЯНСКИЕ ПРОЕКТЫ РЕШЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье рассмотрены основные параметры дворянских проектов решения крестьянского вопроса в России в период правления Александра I и Николая I.

Ключевые слова: крепостное право; российское самодержавие; дворянство; владельческие крестьяне.

Одной из особенностей нашего подхода к проблеме источников по истории крестьянского вопроса в России в первой половине XIX вв. стало широкое использование материалов разного рода дворянских проектов решения крестьянского вопроса той эпохи, в основном, касавшиеся положения владельческих крестьян (хотя иногда косвенно затрагивавшие и иные слои крестьянского сословия империи). Данный тип исторического источника весьма важен для характеристики дворянских настроений того времени. Ведь до сих пор в современной историографии, тем более в исторической публицистике, бытуют разного рода огульные оценки (именуемые: «так, например»), свойственные иногда и прежним исследователям. Типичным явлением здесь можно считать своеобразный описательный характер, например, уровня помещичьей эксплуатации, что довольно трудно подсчитать в большой России, а также уровень помещичьего угнетения личностейладельческого крестьянина или дворового человека.

Например, в свое время в этом отношении Н.И. Тургенев замечал: «В общем, положение крестьян тем лучше, чем богаче помещик. Конечно, они немало терпят от управляющих; но здесь, как и в случае с государственными крестьянами, взятки берутся с большого числа лиц и каждый в отдельности страдает меньше. Во владениях же мелких помещиков ужасы крепостничества особенно дают о себе знать. Я вовсе не утверждаю, что все крупные помещики

¹ Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, ФГБОУ ВО Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, adonli@mail.ru; Россия, г. Липецк.

– хорошие господа, а все мелкие – дурные: случалось, что крупные помещики, просвещенные люди, носившие самые аристократические фамилии и проводившие часть жизни за границей, вели себя со своими крепостными самым возмутительным образом; бывали мелкие землевладельцы, поступавшие справедливо и гуманно по отношению к своим крестьянам. Злоупотребления помещичьим правом многочисленны и часты; я имею в виду лишь то, что отступает от общего правила, которое, как и само рабство, уже является чудовищным злоупотреблением» и др. [12, с. 226].

Подобный подход по-прежнему сохраняется и в науке, так как крайне трудно посчитать реальную степень помещичьего угнетения в отношении их «подданных». Так, считается, например, что подавляющее большинство помещиков той эпохи либо были ярыми крепостниками, либо выступали за сохранение существующих порядков в деревне, и «лишь ничтожное меньшинство дворян ставило вопрос шире и глубже – о полной ликвидации крепостного права», как замечала об этом в свое время И.И. Игнатович, ученица В.И. Семевского. Н.М. Дружинин писал в советское время, что «передовые помещики, понимавшие необходимость отмены крепостного права, составляли сравнительно небольшую группу; подавляющее большинство дворян состояло из убежденных крепостников, которые привыкли к использованию дарового труда, тратили больше, чем получали, и старались поправить пошатнувшееся состояние денежными ссудами под залог своих крепостных душ» [5, с. 15; 6, с. 243].

Это мнение, как и противоположное ему, не изжиты и сегодня. Так, американская исследовательница Ц.Х. Виттекер в недавней книге отмечала, что «общество при Николае все больше склонялось в пользу освобождения крестьян, и к середине девятнадцатого века мнение образованной, или просвещенной, публики было почти без исключения за отмену крепостного права. Не только радикальные интеллигенты, но и молодые чиновники новой волны, которых готовила система просвещения, ожидали скорой реформы». При этом, однако, как замечал И.К. Пантин, даже в период непосредственной подготовки

самой реформы 1861 г. «ни либерально настроенные дворяне, ни тем более откровенные крепостники – никто не выказывал ни малейшего намерения руководствоваться при освобождении интересами большинства населения» [3, с. 119; 7; 14, с. 84; 15].

Чтобы бороться с этими и им подобными огульными утверждениями, надо привлекать более значительный круг источников, прежде всего дворянских проектов решения крестьянского вопроса. Традиционно в литературе использовалось максимум 3–4 десятка подобных проектов за полвека перед реформой 1861 г. Авторы многих тогдашних проектов остаются неизвестными. Особенностью нашего исследования является резкое расширение этого списка, при этом многие проекты, записки и мнения нами впервые опубликованы и введены в научный оборот. Эту практику сегодня продолжает Т.В. Андреева [1; 2; 16]. Сюда входят не только созданные специально по указанию монарха или иных деятелей «верхов» империи записки, но и всякого рода записки, отправленные по инициативе авторов во властные структуры, прямо или косвенно касавшиеся данной тематики, сюда же отнесем выступления и мнения различных чиновников и военных деятелей, представленные в Государственном совете, Комитете министров, Правительствующем сенате, разного рода комитетах, но также высказывания многих представителей правящего сословия в переписке и частных беседах, записи в дневниках и др.

В течение многих лет наши поиски в этом отношении [4; 8; 9; 10] привели на сегодняшний день к следующим итогам. За время трех царствований – Павла I, Александра I и Николая I мы насчитали 2116 проектов или высказываний этого рода (39 при Павле, 928 при Александре, 1149 при Николае). Всего за год в среднем более 36 проектов. При этом небольшое количество подобных проектов при Павле I, связанное и с определенной атмосферой той эпохи, и, видимо, с некоторыми другими проблемами, не дает нам настоящего ощущения валидности их. Иное дело – эпохи Александра I и Николая I.

При этом по пятилетиям наибольшее их количество имело место в 1801–

1805 гг. – 209, в 1816–1820 гг. – 330, в 1841–1845 гг. – 286, в 1846–1850 гг. – 365, что, кстати, совпадает по времени с наиболее активными мерами самодержавия в данном отношении. Речь идет здесь о мерах по крестьянскому вопросу, так или иначе связанным с Негласным комитетом, учреждении «вольных хлебопашцев», остзейских реформах 1816–1819 гг. и попытке их распространения на другие регионы, указе об обязанных крестьянах 1842 г., инвентарных реформах в западных губерниях империи и др.

Наименьшее количество проектов представлено за 1796 – начало 1801 гг. – 39, за 1811–1815 гг. – 103, за 1831–1835 гг. – 117, за 1836–1840 гг. – 101, за 1851– начало 1855 гг. – 100. В целом же, налицо постепенное нарастание интереса правящего сословия, в особенности потомственного дворянства (около 96% авторов; мы ограничились этим кругом, специально не изучая мнения других слоев общества, тем более что именно эта часть правящего сословия во многом определяла курс внутренней политики, в том числе по крестьянскому вопросу), к данной проблеме по мере усиления кризисных явлений в социально-экономической и политической жизни в последние десятилетия перед реформой 1861 г. (с чем не согласны ряд современных исследователей, например, Б.Н. Миронов, Л.М. Рянский, настаивающие на иных оценках этих явлений, отрицающие для этой эпохи кризис крепостничества и т.д.).

В силу того, что эти данные носят (по определению) все же выборочный характер, и нет им видимого предела, и многие подобные факты остаются за кадром, стоит обратить особое внимание на их валидность (или на обоснованность и пригодность применения методик и результатов исследования в конкретных условиях). Поэтому надо крайне осторожно относиться к этим достаточно примерным данным, тем более что они отражают в некоторой степени лишь мнения наиболее активной части потомственного дворянства. Естественно при этом выделить тенденции повремени, показательные для правлений Александра и Николая, по крайней мере, процентное соотношение сходных параметров, но не абсолютные цифры. Однако, в любом случае, эти

данные более показательны, чем рассуждения по печально известному и упомянутому выше типу «так, например». При этом количество авторов превосходит количество самих проектов. Цифра здесь примерная – 3706, так как в ряде случаев у тех или иных проектов и мнений было несколько авторов, которых не всегда можно вычислить, особенно если речь шла о разного типа мнениях на региональном уровне. Очевидно преобладание среди них, во-первых, потомственного дворянства, по принятому нами разделению – лиц первых 4-х классов – в среднем 55,1%, при Павле – 59%, при Александре – около 50%, при Николае – 58%. Остальные – в основном чиновники и офицеры более низшего уровня и чина. Доля титулованного дворянства при Павле – 22,7%, при Александре – 24,3%, при Николае – 22,7%, – остается примерно на одном уровне.

Остановимся и на мотивах создания этих проектов. Конечно, данный сюжет выглядит несколько условно, так как он специально не просматривается в ряде документов подобного рода, а в некоторых из них можно найти и несколько разных мотивов, но, в целом, при выделении основного из них все же выстраивается некоторая картина на сей счет. Нами выделены три группы мотивов – гуманизм (под чем понимаем всякого рода сожаление насчет бедствий угнетенных слоев общества, в том числе исходя из христианских идей о защите сирого и убогого), экономический момент (и в отношении выгод помещичьего хозяйства, и в отношении государственном), а также иные факторы (где господствующим выглядят опасения в отношении государственной безопасности и сохранении самого существования империи). Гуманизм как господствующий мотив в александровскую эпоху составил 54,7% от общего числа проектов (508), в николаевскую – 36,6% (421 проект). Тенденция здесь налицо. Зато экономический мотив дает иную картину: при Александре 29,7% (275), при Николае – 38,3% (441 проект). Остальные (третьего типа) мотивы также по-своему показательны: при Александре – 15,6% (145), при Николае – 25,1% (285). Не нужно здесь делать скоропалительных выводов, но принимать во внимание данные мотивы нужно, и это лучше делать не навскидку, а при анализе значительного и постоянно нарас-

тающего материала подобного рода. Кстати, опыт сбора подобных документов на протяжении многих лет показывал примерно ту же картину.

Наиболее значимы цифры по группировкам проектов: так называемые реакционные проекты (т.е. ухудшавшие в чем-либо реальное положение крепостных или соглашавшиеся с теми или иными крайностями крепостничества вроде продажи людей без земли и др.) – при Павле – 2,6% от общего числа их за эту эпоху, при Александре – 6,4%, при Николае – 10,3%, в среднем – 8,4%. Цифра эта выглядит реальной. Скажем так, 1 из 10 помещиков явно выглядел здесь монстром, прямым реакционером. Но это значит, что примерно 90% дворянства не поддерживали Салтычих. Но, с другой стороны, иная группировка материала тоже показательна. Примерно 70% дворян-помещиков (судя по этим данным) за всю изучаемую эпоху (полстолетия) не стремились к освобождению крестьян (при Павле – около 72%, при Александре – около 66%, при Николае – 71%). Цифры схожи, они тоже выглядят реально. Ясно, что 7–8 из 10 помещиков стремились сохранить существующее положение. При этом около одной трети из общего числа, судя по всему, были все же сторонниками радикального решения этого застарелого вопроса, но если внимательно посмотреть на эти цифры и способы и формы грядущего освобождения, выдвигавшиеся этими авторами проектов, то увидим, что примерно половина из них только предполагали это освобождение, видимо, в некотором отдаленном будущем, не очень-то распространяясь насчет того, как проводить эту меру. В целом, данная картина распределения этих проектов по различным параметрам практически не менялась в эти полстолетия.

Интересно сопоставить эти примерные данные с мнениями «высшего круга тамбовского общества» 1848 г., своеобразно интерпретировавшего выступление императора 21 марта 1848 г. при приеме депутации петербургских дворян, где он говорил о ситуации в стране и в особенности в деревне. Дворянство региона, по сведениям III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, определило, что государь полагал, что из 50 человек

дворян «15 считается очень хороших, 25 посредственных и 10... негодных». Если в число негодных включить ярых крепостников, нарушающих некие нормы отношений к их крестьянам, что было с точки зрения верховной власти чревато возможным взрывом, опасным для интересов государственной безопасности, то как раз и получится примерно то же число, что и по нашим выкладкам. Можно, конечно, считать подобную интерпретацию мнения монарха натяжкой, но ведь дворянство на местах примерно представляло ситуацию с помещиками [13, с. 133–134]. Поправки процентного отношения этих данных в сравнении с предложенными нашими здесь могут быть вполне связаны и с регионом Черноземья, где, в целом, дворянство, видимо, было более консервативным, чем, например, в Нечерноземье, – но это примерный вывод, который мы выше осуждали.

Приведем в этой связи здесь лишь некоторые наши данные относительно дворянских проектов (или разного рода мнений) в отношении решения крестьянского вопроса николаевского времени. Итак, число сторонников освобождения «поселян», судя по проектам, равнялось, например, в николаевскую эпоху примерно 29,0% (334 из 1149), причем, если рассматривать подробно их, то в 312 рассматривался вопрос об освобождении при участии государства или самими помещиками (219 и 93), в 241 был поднят вопрос об освобождении с землей и без земли (114 и 127), в 132 – сразу или через время (56 и 76), бесплатно или за выкуп – в 196: 17 и 179. Это означает тот факт, что данный вопрос даже в эту эпоху, близко находившуюся по времени к будущей реформе 1861 г., мало детализирован в дворянских проектах всякого рода (в среднем около 65%), т.е. часть проектов, действительно, реально рассматривавших данный вопрос, составляла около 18% от общего числа. (Удивительно, что наши выкладки по александровской эпохе дали в данном случае примерно такой же результат).

За смягчение крепостного права высказались в николаевскую эпоху авторы 402 проектов (35,0% от общего числа за эти годы). То есть, реально, завычетом не столь значительного числа явных реакционеров (118 проектов – 10,3%),

авторы примерно 90% проектов придерживались мнения о необходимости тех или иных изменений в сфере крепостного права, но более двух третей их не ставили вопроса об окончательном освобождении владельческих крестьян, хотя и выступали за ликвидацию крайностей крепостничества. Эта цифра нам представляется более или менее реальной, особенно имея в виду то очевидное обстоятельство, что и в предложениях откровенных крепостников иногда звучали нотки сожаления, например, о существующей продаже людей без земли, излишней помещичьей жестокости и др. Весьма показательны и такие выкладки. Если за александровскую эпоху взять группы консерваторов (не реакционеров) и сторонников смягчения крепостничества, то их общий процент – менее 60 ($23,0+36,3=59,3$), в николаевскую эпоху – чуть более 60 ($25,7+35,0=60,7$). Везде – около 60%. Количество проектов за эти годы постоянно росло, но этот параметр оказался устойчивым, что нас и удивило. Среди мер смягчения крепостничества доминирует таксация повинностей: эта идея присутствует в 138 проектах при Александре I, 264 при Николае I (всего 402); продажа людей без земли: в 117 проектах при Александре и в 215 при Николае (всего 332); ограничение наказаний крестьян помещиками: 101 и 229 (всего 330); организация правительственного контроля за помещиками: 150 при Александре и 293 при Николае (всего 443). Цифры несколько условны, но и болевые точки крепостничества очевидны, и тенденция их развития по мере приближения к реформе понятна. Но особенно показательно здесь сравнение соответствующих параметров в отношении критики помещичьих взаимоотношений с крестьянами и с дворовыми людьми. Казалось бы, что начать освобождение владельческой деревни легче, начиная с дворовых людей, тем более что они часто «висели на шее» дворян и их не надо было, в принципе, наделять землей, но реально цифры в отношении собственно крестьян, т. е. «сидящих на земле», по крайней мере, вдвое или втрое превышают подобные же данные в отношении дворовых. Так, они близки лишь в отношении продажи людей без земли: в отношении крестьян – 117 и 215, всего 332, в отношении дворовых – 89 и 186 – всего 275,

хотя последние данные не очень точны, так как обычно в дворянских проектах данный вопрос не детализировался. Зато, например, в отношении помещичьих наказаний крестьян их упоминание таково: 101 и 229, всего 330, в отношении дворовых – 24 и 98, всего 122; применительно к мерам контроля за помещиками в отношении их с собственно крестьянами, «сидящими на земле» – 150 и 293, всего 443, в отношении дворовых – 25 и 156, всего 181. Кстати, насчет освобождения крестьян это сравнение выглядит так: 318 и 334, всего 652, освобождение или ликвидация дворовых (включая и ограничение их числа) – 57 и 194, всего 251. Разница кардинальна, ее невозможно не заметить.

С нашей точки зрения, это сопоставление не очевидно изначально, оно существенно дополняет взгляды в том числе и разного рода эмансипаторов из дворянского сословия. Можно, конечно, пытаться найти объяснение этому неочевидному феномену. Полагаем, что его нужно искать либо в связи с невозможностью помещикам обходиться без всякого рода обслуги, желанием жить по-барски (в сущности, часто не по средствам) [11, с. 206–207], нежеланием их связываться «с рынком» этого и подобного ему рода, а также из-за определенного отношения к дворовым со стороны землевладельцев-дворян, воспринимавших их как людей недобросовестных, пьяниц и бездельников, которые не стоят их благотворительности. Остальные параметры проектов, выделенные нами, не столь показательны. Так или иначе, использование подобной цифри, пусть и без специальных математических формул, дает все же некоторое новое знание по данной проблематике.

Литература

1. *Андреева Т.В.* На дальних подступах к Великой реформе: крестьянский вопрос в России в царствование Николая I. Исследование и документы. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. – 728 с.
2. *Бочкарев В.Н.* Дворянские проекты по крестьянскому вопросу при Николае I // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание: В 6 т. / Ред. А.К. Дживелегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичеты. Т. 3. М., 1911. С. 155–174.

3. *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время /Пер. с англ. Л.Н. Лужецкой. СПб.: Академический проект, 1999. – 350 с.
4. *Долгих А.Н.* Крестьянский вопрос в России в дворянских проектах конца XVIII – первой четверти XIX в.: опыт анализа // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3(41). С. 25–31.
5. *Игнатович И.И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века. М.: ИСЭЛ, 1963. – 467 с.
6. История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. IV. М.: Наука, 1967. – 744 с.
7. *Керженцев Б.* Окаянное время. М.: Вече, 2013. – 320 с.
8. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. Сборник документов и материалов. В 4 т. / Подг. мат., коммент. и ввод. ст. А.Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. Т. 1 – 349 с.; Т. 2 – 371 с.; Т. 3 – 370 с.; Т. 4 – 362 с.
9. Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX вв.: власть и общество: Сборник документов: В 4 т. / Сост. и автор коммент. А.Н. Долгих. Липецк, 2008. Т. 1 – 360 с.; Т. 2 – 360 с.; Т. 3 – 369 с.; Т. 4 – 341 с.
10. Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): дворянское общество и власть: сборник документов: В 2 т. / Подг. мат., ввод. ст. и коммент. А.Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2005. Т. 1 – 364 с.; Т. 2 – 320 с.
11. *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2005. – 543 с.
12. *Николай Тургенев.* Россия и русские / Перевод с французского и послесл. С.В. Житомирской, коммент. А.В. Курилкина. М.: О.Г.И., 2001. – 774 с.
13. *Нифонтов А.С.* Россия в 1848 году. М.: ГУПИ МП РСФСР, 1949. – 316 с.
14. *Пантин И.К.* Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке. М.: Политиздат, 1973. – 358 с.
15. *Савельев А.Н.* Выдумки о темном царстве крепостничества // Русский дом. 2011. № 2. [Электронный ресурс]. URL: [http:// russdom.ru/node/3671](http://russdom.ru/node/3671) (дата доступа – 26.22.2022).
16. *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 2. СПб., 1888. – 625 с.

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АГРАРНЫХ ШКОЛ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ XIX В.

В статье рассматривается изменение приоритетных направлений деятельности аграрных школ, целей их создания, видов, учебных программ, подходов к обучению, территориального расположения в контексте государственных реформ XIX в.

Ключевые слова: крестьянство; аграрные школы; сельскохозяйственное образование; реформы XIX в.

Длительное время традиционное российское общество не нуждалось в аграрном просвещении. До XIX в. целью деятельности немногочисленных школ аграрной направленности являлся не подъем сельского хозяйства, а защита государственных интересов. Выпускников землемерных школ готовили для фиксации приграничных территорий и земельного межевания, учеников конюшенных школ использовали в армии. Вопросы подготовки сельскохозяйственных кадров на правительственном уровне не рассматривались. Единственной попыткой начать обучение крестьян аграрному промыслу с целью его усовершенствования стало создание в 1797 г. школы сельского хозяйства недалеко от Санкт-Петербурга, но опыт оказался неудачным: ученики не понимали, для чего им нужно внедрять новые земледельческие орудия и повышать урожайность. К началу XIX в. произошли существенные изменения: появились отдельные отрасли сельскохозяйственного производства, оформилась отечественная аграрная наука, возникли учебные заведения в Крыму, Кизляре и Аккермане, школа садоводства при Никитском ботаническом саде [2]. В 1822 г. Московское общество сельского хозяйства открыло земледельческую школу, и это стало демонстрацией научного подхода к подготовке специалистов.

В XIX в. в Российской империи проведено несколько государственных

¹ Книга Марина Давидовна, доктор исторических наук, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, marinakniga@mail.ru; Россия, г. Воронеж.

реформ. Рассмотрим, как реформы влияли на эволюцию целей и задач деятельности аграрных школ.

Когда в 1802 г. при Александре I началась министерская реформа, создание отдельного ведомства по управлению сельским хозяйством не предусматривалось. Эти функции были возложены на Министерство внутренних дел и Министерство финансов. Департамент государственных имуществ Министерства финансов (а с 1836 г. V отделение Собственной е.и.в. канцелярии) занимался, в том числе, государственными крестьянами. Помимо министерской реформы, в 1810 г. началась реализация проекта военных поселений, направленного на создание резерва войск без увеличения финансовых расходов. Военные поселения стали одним из государственных институтов, оказавших значительное влияние на формирование политического курса страны и особой ментальности у определенной части ее жителей [11, с. 5].

Оптимизация расходов на армию поставила на повестку дня вопрос об улучшении ситуации в сельском хозяйстве и, соответственно, о распространении научной информации с помощью аграрных школ. Школы создавались в Новгородской, Могилевской, Слободско-Украинской, Херсонской, Екатеринославской и др. губерниях, вовлеченных в реформу. В этих регионах власть расширила масштабы земледелия и скотоводства, что потребовало новых знаний и умений от поселян. Для трансляции передового опыта в 1840-е гг. в округах кавалерии были созданы школы шелководства, садоводства, фельдшерские, коновальские и другие учебные заведения, как правило, небольшие (около 20–30 учеников) [6, с. 35]. Комплектовались они принудительно.

Для того времени уровень преподавания в сельскохозяйственных школах был достаточно хорошим. Так, в созданном в 1842 г. учебном заведении в Чугуеве аграрные дисциплины читали специалисты с аттестатом Московской земледельческой школы¹. Выпускники Чугуевской школы работали учителями на учебных фермах, ученики-кантонисты были востребованы в Москве. Двадцать пять воспитанников ежегодно обучались в учрежденной в 1849 г. школе

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 405. Оп. 4. Д. 8614. Л. 3 об. – 4.

шелководства в слободе Ново-Борисоглебск Украинского поселения¹. В Новороссийском поселении в поселке Новая Прага и г. Новомиргороде были созданы фермы, которые готовили агрономов для военных округов [7, с. 345]. На фермах использовались устойчивые к неблагоприятным погодным условиям семена, в том числе, зарубежные². Ученикам, состоявшим на службе в казенном саду г. Вознесенск Новороссийского поселения, преподавалось садоводство³.

Поиски новых форм комплектования армии под руководством А.А. Аракчеева имели своим последствием локальные, но конкретные агрокультурные улучшения жизни поселян. Жители губерний, вовлеченных в государственный проект, раньше крестьян других местностей использовали сельскохозяйственные машины, удобрения, развивали новые земледельческие отрасли. В 1810–1857 гг. в своих экономических районах аграрные школы стали центром распространения научного знания, повлияли на общую культуру поселенцев, улучшили их хозяйственный быт [6, с. 41; 7, с. 345]. Когда Вольное экономическое общество организовало в 1850 г. Всероссийскую сельскохозяйственную выставку, округа кавалерии приняли в ней участие и продемонстрировали экспонаты: молотильную машину, зерноочистку, соломорезку, результаты урожая зерновых, и получили 15 серебряных медалей. Более того, многие предметы этой экспозиции были выставлены в 1851 г. в Лондоне и также получили медали и свидетельства⁴.

В 1826 г. министр финансов Канкрин предложил подобные мероприятия провести и среди государственных крестьян, однако Николай II идею не поддержал. Император, памятуя о неграмотности сельских жителей, выразил сомнение в результатах просветительской работы [3, с. 64].

Для удельных крестьян в 1832 г. было учреждено Удельное земледельческое училище – среднее учебное заведение, которое готовило смотрителей общественных запашек. Училище возглавил министр Императорского двора кн.

¹ Там же. Д. 7804. Л. 1 об. – 2.

² Там же. Д. 8341, 8614.

³ Там же. Д. 8045. Л. 31.

⁴ Там же. Д. 6534. Л. 2.

П.М. Волконский, директором назначен (и занимал эту должность более 17 лет) профессор математики и агрономии Харьковского университета М.А. Байков. При обучении учитывалось природно- климатическое разнообразие европейских регионов, для чего практические занятия проводились в двух усадьбах: Саратовской (или Южной), соответствовавшей условиям юга России, и Владимирской, типичной для средней полосы. Воспитанники обучались 6 лет, причем, последние два года занимались исключительно практикой. Училище обладало хорошей технической базой, слушатели первого выпуска целенаправленно готовились для работы в 15 европейских губерниях в хозяйствах, которые имели малоплодородные почвы. Цель подготовки специалистов в данном учебном заведении определялась так: убедить селян в том, что «обширность угодий и естественное их плодородие не составляют исключительной необходимости в сельском хозяйстве, что при науке, умении и трудолюбии, пески и болота обращаются в пашню и луга, а улучшенные способы земледелия доставляя всегда выгоды верныя и значительныя, обеспечивают быт поселянина»¹.

Следующая страница истории аграрного образования связана с проведением реформы П.Д. Киселева. Поскольку урожаи казенных крестьян являлись одним из источников прибыли государства, власть задалась вопросом, как этот доход увеличить. Управление государственными крестьянами было изъято из ведения Министерства финансов и передано в созданное в 1837 г. Министерство государственных имуществ (МГИ). Планировалось, что, наряду с другими задачами, Министерство будет осуществлять меры по улучшению аграрного производства. Под «мерами к поощрению и усовершенствованию сельского хозяйства» понималось и «распространение сельскохозяйственных знаний при помощи учебных заведений, образцовых ферм, сельскохозяйственных обществ, выставок, специальных изданий» [5, с. 29].

Реформа проводилась в Пермской, Оренбургской, Казанской, Тамбовской и др. губерниях. В 1838–1841 гг. изданы законоположения о введении нового

¹ Описание Удельного земледельческого училища, составленного Владимиром Бурнашевым. СПб., 1839. С. 197–198.

управления государственной деревней, о землеустройстве крестьян, упорядочении податной системы, организации начального образования, медицинской и ветеринарной помощи. Идеологи преобразований системно подходили к реформированию государственной деревни, полагая, что важнейшей задачей является создание административно-правовых и культурных условий подъема сельского хозяйства [3, с. 502]. Одним из путей повышения эффективности земледелия казенных крестьян стало обучение их азам аграрной грамотности. В составе созданного Министерства государственных имуществ был образован Департамент сельского хозяйства. Он координировал работу всех сельскохозяйственных учебных заведений.

В 1841 г. принято Положение «Об учреждении учебных ферм». На фермы возлагалась задача «усовершенствования по всем отраслям сельского хозяйства»¹. Предполагалось, что созданные низшие сельскохозяйственные учебные заведения станут образцом хозяйствования для государственных крестьян. Сначала организовали пять ферм, потом еще три, всего 8 [1, с. 70]. В Вологодской губернии (Северная ферма, 1843), Тамбовской (Центральная ферма, 1844), Самарской (1844), Казанской (1846), Харьковской (1847) внедрялись рациональные основы земледельческой культуры, успешно функционировали Мариинская и Екатеринославская фермы. Эти учебные заведения имели плодопереносное полеводство, травосеяние, улучшенный инвентарь, племенное скотоводство, конские заводы, рациональное пчеловодство, плодовые питомники. В архивах сохранились данные о покупке для этих площадок машин, оборудования, перспективных пород скота². Вопросы использования выпускников ферм по назначению курировала Палата государственных имуществ, она же оказывала крестьянским детям материальное содействие. В отчете Воронежской палаты за 1832 г. сообщалось, что окончившие обучение на Тамбовской учебной ферме, вернулись в свои семьи, а выпускники-сироты «впредь до усмотрения поступили к помещикам и купцам для управления земледельческою частью,

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе. Т. XVI. № 4585. С. 407.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 398. Оп. 7. Д. 1979. Л. 49; Ф. 515. Оп. 15. Д. 689; Ф. 398. Оп. 11. Д. 3611. Л. 3; Д. 3610, Л. 12.

садоводством и огородничеством. За поведением и занятиями их наблюдают местные окружные начальники»¹.

В учебных заведениях обучались не только государственные крестьяне. В 1836 г. в казенном имении Могилевской губернии была учреждена Горыгорецкая школа для усовершенствования земледелия, в которую принимались дети личных дворян, священников, купцов, мещан, разночинцев и западных однодворцев².

Эффективность использования специалистов учебных заведений была низкой, поскольку отсутствовал массовый спрос на услуги агронома и рациональные знания не были востребованы. Характерен следующий эпизод. Один из выпускников Тамбовской фермы принял решение организовать образцовую усадьбу, но сход выступил категорически против. В итоге новатор отказался от своей идеи и заявил, что «у него нет возможности показать себя против общества ученым человеком»³. Часто выпускники выбирали профессии, не связанные с профилем учебного заведения, в лучшем случае, применяли свои знания в административной либо учебно-педагогической сфере, связанной с сельским хозяйством. Затраты на подготовку специалистов были велики, так, в школе земледелия А.А. Самборского она составляла 90 руб. в год, в Земледельческой школе при Московском обществе сельского хозяйства – до 500 руб.⁴ Еще одним тормозом развития сети профессиональных аграрных заведений стало то, что до 1883 г. отсутствовало правовое регулирование деятельности подобных учебных заведений в масштабах империи.

До отмены крепостного права успешно функционировали Санкт-Петербургская практическая школа земледелия, Смоленская образцовая усадьба, Луганская образцовая ферма, Удельное земледельческое училище, учебные фермы, сельскохозяйственная школа при Маримонтском институте сельского хозяйства и лесоводства. В 1845–1857 гг. при хуторе Московского общества сельского хозяйства работала земледельческая школа для рабочих.

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-24. Оп. 1. Д. 500. Л. 79, 79 об.

² ПСЗ РИ. Собрание второе. Отд. I. Т. XI, № 9097. С. 435–443.

³ Государственный архив Орловской области. Ф. 82. Оп. 1. Д. 1566. Л. 37–37 об.

⁴ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 472. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

Наиболее пытливые землевладельцы и ученые, видя архаичность сельского хозяйства, предлагали внедрять аграрные новшества, однако их не поддержало большинство чиновников и помещиков. Такова была участь проектов предпринимателя С.И. Мальцева, агронома А. Болотова. Землевладельцы, знакомые с европейской культурой, пришли к выводу о том, что экстенсивный путь развития сельского хозяйства неперспективен, а основным тормозом являются невежество населения и приверженность его трудиться «по старинке» [8, с. 16]. Некоторые помещики проявляли инициативу и создавали свои школы. Среди учредителей частных школ отметим графиню С.В. Строганову (Новгородская губерния), помещиков Д.П. Шелехова (Тверская губерния), П.И. Прокоповича (Черниговская губерния), Е.С. Карповича (Ярославская губерния), А.А. Ребиндера (Курская губерния).

Картина аграрного образования начала коренным образом меняться после либеральных реформ 1860–1870-х гг. Правда, в первые годы преобразований правительство было сосредоточено на решении организационных проблем и не уделяло должного внимания сфере профессионального образования как необходимого условия создания эффективного аграрного производства. Сельское хозяйство продолжало развиваться на основе традиционных и архаических подходов. По словам Н.М. Дружинина, в большинстве губерний Европейского Центра «доходы от земли... не могли удовлетворить даже элементарной потребности в пропитании» [4, с. 132]. Общество и государство стояли перед необходимостью найти ответы на вопросы, каким должно быть содержание профессионального сельскохозяйственного образования, на кого преимущественно оно должно быть ориентировано, иными словами, «чему учить», «как учить» и «кого учить». Перед страной стояли проблемы доступности и качества обучения, актуальные и сегодня.

В России существовало серьезное противоречие: с одной стороны, блестящая духовная культура и выдающиеся научные открытия, с другой – неграмотность подавляющего большинства населения, не обладающего элементарными культурными и гражданскими навыками. По мнению авторов официаль-

ного сборника, опубликовавшего итоги переписи населения 1897 г., «грамотность в России еще крайне низка»¹. По уровню грамотности страна занимала в начале XX в. одно из последних мест в Европе. По развитию школьной сети Россия также занимала одно из последних мест в мире. Вопрос о доступности начального образования был признан демократической общественностью одним из самых животрепещущих и требующих быстрого решения. Ну, а что касается лиц с образованием выше начального, то даже в европейской части России их количество едва превышало 1% всего населения, в азиатской части оно было еще меньше². На Втором съезде сельских хозяев в 1870 г. землевладелец и основатель одной из первых в России опытных станций И.Н. Шатилов выразил мнение многих помещиков: «Преуспевание сельского хозяйства хозяев немыслимо в стране, где большинство деревенского населения коснеет во мраке невежества»³.

Пореформенный период характеризовался созданием правительственных комиссий, целью которых было выяснение причин неблагополучного состояния сельского хозяйства. Первой стала комиссия под руководством министра П.А. Валуева. В течение 1872 г. комиссия собирала информацию о сельском хозяйстве через губернаторов, председателей сельскохозяйственных обществ, командированных в губернии чиновников, а также с помощью анализа министерской документации. Большинство опрошенных отмечали архаичный характер аграрного производства, преобладание отсталых методов. Культурно-хозяйственный быт крестьян по-прежнему определялся дореформенными общинными традициями. В 1888 г. была учреждена комиссия под председательством В.К. Плеве для исследования причин падения хлебных цен, которая рассмотрела и более широкие аграрные проблемы, в том числе касающиеся аграрно-научного просвещения. В 1901 г. создана комиссия по исследованию вопроса «о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-

¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. XX.

² Там же.

³ Второй Съезд сельских хозяев при Императорском Московском обществе сельского хозяйства с 21 декабря 1870 г. – 3 января 1871 г.: [протоколы]. М., 1871.

земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России» [1, с. 76]. Наконец, в 1902 г. организована самая представительная комиссия – Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством С.Ю. Витте. Одним из способов выхода из подобного состояния комиссии называли создание национальной системы профессионального аграрного образования и подготовку квалифицированных кадров.

После отмены крепостного права социально-экономическое развитие страны получило мощный импульс, малоповоротливая до этого времени экономика пришла в движение. Она нуждалась в образованных людях. Перед сельскохозяйственными учебными заведениями поставлены новые цели и задачи: теперь выпускники должны были уметь действовать в условиях свободного найма рабочей силы. Учредителями сельскохозяйственных школ были правительство, земства, общества сельского хозяйства, церковь, отдельные энтузиасты. В течение 1871 – 1881 гг. в России открылось 6 низших школ в губерниях: Курляндской (Альт-Сатенская, 1863), Минской (Мариино-Горская, 1876), Тверской (Едимоновская, 1871), Костромской (Уткинская, 1881) и Владимирской (Успенская, 1881) [1, с. 262]. Что касается черноземного региона, то в 1875 г. сельскохозяйственная школа открылась в с. Шебекино Белгородского уезда Курской губернии.

В 1883 г. издан первый общеимперский акт, регулирующий деятельность учебных заведений аграрного профиля – Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах¹. Согласно этому документу цель низших школ заключалась в «распространении в народе основных познаний по сельскому хозяйству и необходимым для него ремеслам, преимущественно путем практических занятий»². Предусматривалось существование школ двух видов – общих, т.е. широкого профиля, и специальных – для обучения отдельным отраслям аграрного производства. И общие, и специальные школы делились на два разряда, но срок обучения в них был одинаковым – три года. Нормальное положение

¹ ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. III. № 1919. С. 491–494.

² Там же. С. 492.

ускорило оформление системы сельскохозяйственного профессионального образования. На основе этого документа открыто 50 низших сельскохозяйственных школ, например, в 1892 – 5, в 1893 – 10 и т.д. Что касается средних профессиональных школ, то к концу 90-х гг. XIX столетия их насчитывалось семь.

Активизировалась частная инициатива, выразившаяся в созыве сельскохозяйственных съездов. Съезды вырабатывали рекомендации по улучшению сельского хозяйства в конкретных губерниях, выводы направлялись в министерство. С 1880 г. в Европейской России под эгидой МГИ было учреждено 12 окружных съездов¹, но с 1882 г. эта работа приостановлена². Не реализована также идея созвать в Петербурге общий центральный съезд под председательством министра государственных имуществ. На съездах по техническому и профессиональному образованию констатировалась недостаточная эффективность аграрного образования: «крестьянское население не получает непосредственной пользы от сельскохозяйственных школ»³. В качестве причин назывались слабый профотбор учеников, длительная оторванность их от привычной среды, ориентация школьной практики на крупное хозяйство. Кроме того, отмечалось, что отсутствует взаимодействие с агрономическими организациями, а «сумма знаний, приобретаемых в школах, гораздо выше того, что в существующих условиях может быть применено в крестьянском хозяйстве»⁴.

После выхода Положения о губернских и уездных земских учреждениях в 1864 г. к голосам участников сельскохозяйственных съездов присоединилось местное самоуправление. Земцы предлагали оказывать помощь всем крестьянским хозяйствам, повышать культурный уровень селян, в результате чего общинники под воздействием социально-экономических изменений сами смогут определить вектор своего развития.

В Задонском уезде Воронежской губернии в 1889 г. земство учредило Конь-Колодезное сельскохозяйственное училище. Из специальных предметов

¹ ЦГА Москвы. Ф. 419. Оп. 1. Д. 1989. Л. 1–13.

² ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. II. № 607. С. 16.

³ Энциклопедический словарь /под ред. И.А. Андреевского. Т. XXXIXA. СПб., 1903. С. 629.

⁴ Там же.

1 классе изучались огородничество, пчеловодство, земледелие, птицеводство. Во 2 классе преподавали садоводство, огородничество, пчеловодство, скотоводство, геодезию, в 3 классе – законоведение, скотоводстве, земледелие. Экзамены были открытыми, на них присутствовало руководство уездов и губернии, им предшествовала серьезная подготовка¹. Училище работало в тесном контакте с чиновниками и воронежским губернским агрономом, которые читали лекции и принимали экзамены у выпускников². В 1894 г. в Смоленской губернии дворянка М.К. Тенишева открыла недалеко от села Талашкино на хуторе Фленово уникальную по тем временам школу, собрав превосходных преподавателей и богатейшую библиотеку. Целью школы была подготовка крестьянских детей к рациональному ведению собственного хозяйства. Ученики изучали геодезию, земледелие, скотоводство, при обучении использовали наглядные пособия, технические средства, механизмы, коллекции трав, минералов. При школе организовывались курсы плодоводства и огородничества для народных учителей. В 1900 г. Министерство земледелия преобразовало это заведение в низшую сельскохозяйственную школу I разряда. [10]. В специальных школах европейских губерний готовили кадры для работы в сфере виноделия, садоводства, пчеловодства, молочного хозяйства и др.

Со временем появился новый тип аграрных школ – сельские ремесленные мастерские, их деятельность регламентировалась Положением 1897 г. Еще в 1895 г. Министерство финансов подготовило проект закона о сельских ремесленных мастерских, который прошел экспертизу в Министерстве внутренних дел, Министерстве народного просвещения и Министерстве юстиции³. В законе зафиксировано, что мастерские «имеют целью готовить для сельского хозяйства рабочих, опытных в уходе за земледельческими машинами и орудиями, в ремонте их и в изготовлении заново орудий и несложных частей названных машин, а также и других предметов сельского обихода, для производства коих

¹ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 7854. Л. 20–30.

² Там же. Л. 186 об.

³ РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Д. 48. Л. 34–37.

требуется знание плотнично-столярного и кузнечно-слесарного мастерства»¹. Таких специалистов с 1872 г. готовили в Горецком ремесленном училище (Могилевская губ.) Программа преподавания общеобразовательных дисциплин соответствовала программе двухклассных сельских училищ. Помимо этого, ученики изучали начальные сведения по физике и общей механике, технологию металлов и дерева, сельскохозяйственные орудия и машины, рисование и черчение. В 1898 г. открыты Петровская (Вологодская губ.), Щигровская (Курская губ.), Новосильская (Орловская губ.), Екатеринославская и Черноморская ремесленные мастерские. В течение 1898–1901 гг. земствами, обществами и частными лицами было учреждено 13 сельских мастерских с численностью обучающихся 432 человека². Мастерские состояли в ведении Департамента торговли и мануфактур.

В 1892 г. создано Кологривское низшее сельскохозяйственно-техническое училище – одно из лучших технических училищ дореволюционной России. Оно находилось в усадьбе Екимцево, недалеко от г. Кологрива Костромской губернии. Училище выпускало специалистов для аграрного производства и пищевой перерабатывающей промышленности. Ученики могли выбрать специальность, связанную с кожевенной, сыроваренной отраслью или переработкой льна. Освоить практический курс помогало наличие фермы и скотного двора. Технические предметы изучались в механической мастерской и нескольких небольших учебных заводах. В первый класс принималась молодежь не моложе 13 и не старше 15 лет, требовался аттестат об окончании курса городского училища, уездного или двухклассного сельского, а от поступающих в приготовительный – аттестат об окончании курса народной школы. Часть детей проживало в интернате при училище. Плата за обучение составляла для приходящих 6 рублей в год, проживающие в пансионе платили 10 рублей, для бедных учеников имелось 20 стипендий имени мецената и промышленника Ф.В. Чижова, по 100 руб. каждая. Педагогический коллектив (по состоянию на 1894–1895 гг.) состоял из директора, законоучи-

¹ ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XVII. № 13846. С. 110.

² РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Д. 48. Л. 334–335.

теля, одного преподавателя общеобразовательных предметов, двух преподавателей специальных дисциплин, один – графических, руководители: по сельскому хозяйству, по кожевенному производству, по технологии переработки льна, сыровар, кузнец, слесарь, столяр¹.

В пореформенный период стали востребованы специальности, связанные с женским трудом. Ранее в общественном мнении долго господствовало мнение о том, что «назначение жизни женщины – это семья, всякого рода познания, и общеобразовательные, и ремесленные, нужные ей в семье и для семьи»². Первым против такого подхода в 1890 г. на съезде деятелей по техническому и профессиональному образованию выступил профессор и известный агроном И.А. Стебут. В статье «Нуждается ли русская интеллигентная женщина в специальном сельскохозяйственном образовании?» (1891) Стебут предложил свое видение системы женского аграрного образования [9, с. 616].

В конце XIX в. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов в записке министру народного образования Н.П. Богомолу предложил провести по этому вопросу «особое Совещание из представителей заинтересованных ведомств и других лиц»³. 15 марта 1900 г. Департамент земледелия эту идею реализовал⁴. На совещании концепция женского сельскохозяйственного образования получила свое государственное оформление. По мнению И.А. Стебута общая концепция женского образования не должна отличаться от мужской. Для девушек предлагались варианты учебных заведений: школы сельского домоводства (усадебного хозяйства) и школы по подготовке мастериц-специалистов по отдельным сельскохозяйственным профессиям⁵. Дискуссии вызвал вопрос о соотношении в деле аграрного образования центральной и местной инициативы. Совещание 1900 г. пришло к выводу:

¹ Сборник материалов по техническому и профессиональному образованию. Вып. 4. Промышленные училища имени Ф.В. Чигова. СПб., 1895. С. 216.

² Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. 1889–1890. Труды IV отделения. СПб., 1890. С. 16.

³ РГИА. Ф. 741. Оп. 1. Д. 679. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 301. Л. 126–127.

⁵ Совещание по вопросу о постановке женского сельскохозяйственного образования в России // Известия министерства земледелия и государственных имуществ. Т. 1. 1900. № 19. С. 286.

учреждать за счет казны школу там, где нет местной инициативы, – значит «назначать премию за бездеятельность»¹. Оптимальным вариантом было признано финансирование учебных заведений правительством и местными властями на паритетных началах. Самыми распространенными специальными женскими заведениями были школы молочного хозяйства и животноводства. К ним относились Едимоновская школа сыроварения и маслоделия (Тверская губ.), Павликовская практическая школа маслоделия (Новгородская губ.), Ждановичская женская школа молочного хозяйства (Минская губ.) и другие. Общий нормальный устав школ молочного хозяйства 1890 г. определил основные принципы работы подобных заведений. Согласно этому документу женщины могли обучаться во всех школах молочного хозяйства, кроме школ швейцарского и голландского сыроварения, куда принимались только мужчины². В течение двух лет учащихся обучал коллектив, состоящий из «учителей и учительниц, мастериц и старшего скотника»³. Программа предусматривала изучение сыроварения, ведение записей по скотному двору, молочной и сыроварни, а также счетоводства, все в форме практических занятий.

Таким образом, на протяжении XIX в. модифицировались приоритеты деятельности аграрных учреждений. Типы школ, учебные программы, подходы к обучению, территориальное расположение были тесно связаны с целями государственных проектов. В начале XIX в. задача аграрных школ состояла в улучшении быта военных поселян, в ходе реформы П.Д. Киселева – во внедрении рационального земледелия в государственной деревне. И в первом, и во втором случае состав учеников комплектовался на принудительной основе, государство уделяло внимание лишь тем регионам, которые были вовлечены в определенную реформу. После проведения либеральных реформ социально-экономическая ситуация стала иной, изменились и цели подготовки персонала для сельского хозяйства. Постепенно начала складываться стройная система

¹ Там же. С. 288.

² Сборник сведений по сельскохозяйственному образованию. Вып. XV. Действующие распоряжения по сельскохозяйственным учебным заведениям по 1910 г. СПб., 1910. С. 52.

³ Там же. С. 51.

аграрного профессионального образования, и этот процесс затронул все губернии Европейской России. Система включала школы I и II разрядов, средние учебные заведения. Учредителями сельскохозяйственных школ были правительство, земства, общества сельского хозяйства, церковь, отдельные энтузиасты. Деятельность профессиональных учебных заведений способствовала оздоровлению обстановки в деревне и благотворно влияла на уровень аграрной культуры. В дальнейшем нормативное регулирование осуществлялось на основе Положения 1904 г.¹ Вместе с тем к концу XIX столетия количество сельскохозяйственных школ было относительно невелико. Задачу увеличения численности аграрных специалистов и их использования для массовой просветительной работы среди крестьян на новом уровне стали решать государственные и общественные структуры уже в годы Столыпинской реформы.

Литература

1. Агрономическая помощь в России / под ред. В.В. Морачевского. Петроград, 1914. – 653 с.
2. *Борищук Н.Д.* Становление сельскохозяйственного образования в Таврической губернии в XIX в.: к постановке проблемы // Научный вестник Крыма. 2017. № 4 (9). [Электронный ресурс]. URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/215/pdf> (дата обращения – 10.03.2020).
3. *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М., 1946. – 635 с.
4. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М., 1978. – 287 с.
5. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ 1837–1887. Ч. 1. СПб.: Паровая скоропечатная Яблонский и Перрот, 1887. – 271 с.
6. *Кандаурова Т.Н.* Военные поселения в России XIX в.: социокультурные аспекты развития // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 4 (84). С. 32–43.
7. *Кандаурова Т.Н.* Аграрные учебные заведения юга России первой половины XIX в.: земледельческие фермы Новороссийского военного поселения // Доку-

¹ ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XXIV. Отд. I. № 24628. С. 544–553.

мент. Архив. История. Современность : сборник научных трудов. Екатеринбург, 2021. Вып. 21. С. 344–376.

8. *Козлов С.А.* Российские учёные-аграрники XIX – начала XX в.: Историко-биографические очерки. М., 2019. – 967 с.

9. *Стебут И.А.* Нуждается ли русская интеллигентная женщина в специальном сельскохозяйственном образовании? // Избранные сочинения. Т. I. М., 1956. – 791 с.

10. *Тенишева М.К.* Впечатления моей жизни. Воспоминания. М., 2002. – 396 с.

11. *Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006. – 444 с.

© Книга М.Д., 2023

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ТОРГОВО-РЕМЕСЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯН
В ГОРОДЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД
(К ОЦЕНКЕ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)**

Статья посвящена истории изучения государственного правового регулирования торгово-ремесленной деятельности крестьян в городе в дореволюционный период. В ней выделены три периода в изучении данной темы: вторая половина XIX – начало XX в.; 40-е – 90-е гг. XX в.; постсоветский период.

Ключевые слова: государственное правовое регулирование; торгово-ремесленная деятельность; крестьяне; историография.

Изучение развития торговой и ремесленной деятельности крестьян в городе в дореволюционный период невозможно без знания правовой базы того времени. Инструментами регулирования перемещений сельского податного населения из деревни в город и торгово-ремесленной деятельности крестьян в городе главным образом выступали паспортная и налоговая политика, а также городское, торговое и ремесленное законодательство.

Истоки изучения данной темы – в дореволюционном прошлом. Уже тогда при изучении истории русского города рассматривалось правовое положение лиц, которые вели торгово-ремесленную деятельность [3, 15]. Историографию русского города XVIII в., включая дореволюционный период, подробно изучил Ю.Р. Клокман [10]. Различные аспекты государственно-правового регулирования торгово-ремесленной деятельности крестьян в городах более пристально стали изучаться в 40-е – 90-е гг. XX в. На тот момент эта тема еще не оформилась в самостоятельное направление. Но она присутствовала в исследованиях, посвященных формированию городов, городскому законодательству [9], истории формирования рабочего класса [8, 23], а также в общих работах по исто-

¹ Смурова Ольга Вениаминовна, доктор исторических наук, olga-smurova@mail.ru, Россия, г. Кострома.

рии крестьянства[6], отходничества [25, 26], цехового устройства ремесленной деятельности в городах [16].

Особое место в историографии данной темы советского периода следует отвести работам П.Г. Рындзюнского [19, 20]. Исследователь впервые четко обозначил предмет изучения – крестьяне в городе. Так же, как и предшественники, он рассматривал правовые вопросы прихода и пребывания крестьянина в городе не самостоятельно, а в контексте роста городов. Но делал он это иначе. Он не рассматривал законодательные акты самостоятельно, а оценивал их в контексте жизненных ситуаций, используя при этом большой массив архивных источников. Именно такой подход позволил ему обнаружить, что «процесс горообразования в основном шел по узаконенному пути»[19, с. 40]! Почему складывалась такая ситуация? Потому что закон отставал от реальной жизни. Крестьяне стремились укрепить свои связи с городом, чтобы упрочить тем самым свою относительную экономическую самостоятельность. А политика дворянского правительства преследовала цель усилить сословные ограничения для крестьян, затруднить их утверждение в городе. Один из примеров проведения политики «сдерживания» – функционирование адресных учреждений [19, с. 34]. Он пришел к выводу: политика правительства в дореформенный период носила явно ограничительный характер. Это сдерживало «юридическое переселение» в город и вынуждало крестьян сохранять статус неофициальных горожан. В связи с этим, вполне естественно, возник вопрос, а кого, собственно, следует считать горожанином? «Считать ли горожанами тех бывших крестьян, которые фактически жили в городе длительный срок, или только тех, которые уже успели оформиться в соответствующем сословном звании?» (19, с. 33). Автор склонен был разделять первую точку зрения.

В 60-е гг. XX в. городское законодательство второй половины XVIII в. анализировалось Ю.Р. Клокманом в контексте изучения развития городов России этого времени [9, 10]. Он детально изучил городское законодательство 60–80-х гг. XVIII в., используя не только печатные источники, в частности законодательный материал, но и большой массив архивных источников, позво-

лявших ему рассматривать на конкретных примерах из жизни практику применения законов, реакцию российского населения на те или иные установления. В числе прочих вопросов затрагивались правовые основания перехода крестьян в город. Автор подчеркивал сложность перехода крестьянина из деревни в город, вызванного необходимостью получения на то одобрения крестьянского схода (как правило, после уплаты отступного миру), разрешения помещика или ведомства, к которому он принадлежал, уплаты двойного налога (по крестьянству и по купечеству) до проведения очередной ревизии. Многие крестьяне, перешедшие в купечество, не выдерживали такой налоговой нагрузки и вынуждены были просить, чтобы их вернули в прежнее состояние. В целях сдерживания роста городского населения и уменьшения сельского населения (ибо это не соответствовало казенной пользе, уменьшая доходы) в 1782 г. указом Сената было запрещено записывать крестьян в мещанское сословие. Ю. Клокман в результате проведенного анализа пришел к выводу, что городское законодательство этого времени выполняло классово-охранительную роль.

В 60-е гг. XX в. хронологические рамки исследований по данной проблематике чаще ограничивались XVII–XVIII вв. [5, 22, 25, 26]. Г.В. Яровой обратил внимание на законодательство, касавшееся положения государственных крестьян в первой половине XIX в. [27]. Ценность его статьи заключалась в том, что автор предпринял попытку самостоятельного рассмотрения правового положения данной категории крестьян. Автор сделал вывод, что «в XIX в. в связи с развитием товарно-денежных отношений несколько расширился правовой статус этого сословия, стал более доступным его переход в другие сословные группы податного населения, занимавшие более привилегированное положение (мещане, купцы)» [27, с. 166]. В 1801 г. казенным крестьянам было разрешено свободно торговать не только внутри страны, но и за границей. В 1811 г. государственные крестьяне получили право участвовать в подрядах, которые не интересовали купечество. В 1824 г. был издан закон, который позволял государственным крестьянам переходить в другие сословия без санкции Сената, а лишь по распоряжению губернской казенной палаты. Значительно облегчены

были также условия приобретения государственными крестьянами домов в городах и их переезд туда на жительство [27, с. 171–172].

70–80-е гг. были отмечены выходом в свет двух значимых публикаций: статьи Б.Н. Казанцева [7] и монографии П.Г. Рындзюнского [21], в которых рассматривалось законодательное регулирование отхода крестьян на заработки в города, правовое положение крестьянина в городе, правовые основания перехода крестьян в другие сословия. Совершенно новым этапом в исследовании данного вопроса стала статья Б.Н. Казанцева, посвященная анализу законодательства по регулированию крестьянского отхода во второй половине XVII – первой половине XIX вв. [7]. Большая временная протяженность позволила более обстоятельно и всесторонне проанализировать государственную политику в отношении предприимчивых крестьян. Заслугой автора явилось выделение трех крупных периодов: вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.; вторая половина XVIII в.; первая половина XIX в. [7, с. 20] В ходе исследования автор опирался на актовый материал, вошедший в Полное собрание законов Российской империи (собрание первое и второе).

Важно то, что автор, рассматривая вопрос о государственно-правовом регулировании крестьянского отхода, обратился к истокам, к XVII в., что не случайно, поскольку само возникновение государственно-правового регулирования крестьянского отхода было связано, с одной стороны, с окончательным оформлением крепостного права (1649 г.), введением сначала подворной (1678 г.), а затем (в 20-е годы XVIII в.) и подушной подати. С другой же стороны, такое регулирование было обусловлено вызреванием предпосылок для массового крестьянского отхода, вызванного ростом общественного разделения труда, складыванием хозяйственной специализации между отдельными районами, усилением товарного обмена между областями [7, с. 21]. Введение подворной, а затем подушной податей повлекло за собой проведение переписей (1646, 1678, 1710, 1715–1717 гг.) и ревизий (1719–1858 гг.). Б.Н. Казанцев затронул вопрос о складывании государственно-правовых норм о крестьянском отходе в период, предшествовавший введению паспортной системы в России [7,

с. 22]. Он указал на прототипы паспортов: отпускные письма, подорожные (проезжие), кормежные памяти. Настоятельная необходимость усилить борьбу с "незаконным" отходничеством побудила правительство ввести в 1719–1726 гг. паспортную систему в России [7, с. 22].

По мнению автора, примерно с 90-х гг. XVIII в. четко прослеживается усиление непоследовательности правительственной политики в области отходничества. 24 июля 1798 г. издается Указ о заочном продлении паспортов находящихся в отлучках купцов, мещан и крестьян. Вместе с тем, начиная с 80-х гг. XVIII в., прежние ограничения в отношении записи крестьян в мещанское сословие сменяются законами, прямо запрещающими подобные акты [7, с. 25]. Анализируя законодательные изменения, автор показал, как царское правительство настойчиво стремилось внедрить в практику такие формы и сроки найма, которые бы не угрожали существованию господствовавших крепостнических отношений. «Однако проникновение товарно-денежных отношений в крепостную деревню и развитие капиталистического уклада в стране, увеличивая потребности крестьян в отходе, оказывали серьезное влияние на зигзагообразность правительственной политики в крестьянском вопросе» [7, с. 30]. Следует отметить, что на сегодняшний день эта статья остается единственной, в которой системно рассматривается паспортная политика государства второй половины XVII – первой половине XIX вв. в отношении крестьян, отправлявшихся на заработки.

Как уже было сказано выше, П.Г. Рындзюнский в числе первых обратился к теме «крестьянство в городе» дореформенного и пореформенного периодов. Автор рассматривал государственно-правовое регулирование торгово-ремесленной деятельности крестьян в городе, в частности паспортный режим. Исследователь приводил фактический материал о несовершенстве паспортной политики, используя сведения журнала комиссии (1873 г.), которой было поручено составить проект нового устава о паспортах. Интересны подробности системы оформления крестьян в городе в адресной конторе (с 1809 г.). Её функция заключалась в том, чтобы отбирать у пришедших крестьян виды на жительство, а взамен выдавать адресные билеты. Человек не мог покинуть город,

потому что паспорт у него изымался. Крестьянин должен был быть послушен нанимателю, потому что последний при завершении работы делал пометки, характеризующие его как работника [21, с. 102].

П.Г. Рындзюнский рассматривал отходничество как основной способ градообразования. По численности переход крестьян в город «превосходил иные поступления..., сопрягавшиеся с переменой сословной принадлежности» (21, с. 98). Изучая состояние крестьянских хозяйств, П.Г. Рындзюнский положительно оценивал отходничество. По его мнению, состояние деревенских хозяйств в наибольшей степени определялось распространением внедеревенских промыслов. Надельное хозяйство деревни было тем эффективнее, чем больше отрывалась от него основная рабочая сила крестьянской семьи (21, с. 264).

Свежий взгляд на правовое регулирование вертикальной мобильности крестьянства во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. представлен в монографии Б.Н. Миронова [13]. Эффективность того или иного законодательного шага автор измерял статистическими данными. С 1722–1785 гг. официально существовала сословная группа торгующих крестьян. С 1762 г. помещичьим крестьянам стало необходимо получить согласие помещиков на отход. Для прочих категорий крестьянства – согласие администрации. В 1812 г. было возобновлено сословие торгующих крестьян, которых обязали платить наряду с податями по крестьянскому состоянию промысловые налоги, правда, в меньшем сравнительно с прочими гражданами размере. В результате социальные перемещения увеличились почти в 20 раз. В 1824 г. новый министр финансов Е.Ф. Канкрин провел вторую податную реформу, повысив промысловые сборы с крестьян и уменьшив их с граждан. Переходы крестьян в гражданство сразу резко подскочили [13, с. 170]. Но в целом, по мнению Б.Н. Миронова, горизонтальная мобильность крестьянства в XVIII – первой половине XIX вв. находилась на более высоком уровне, чем вертикальная [13, с. 177]. Также как и П.Г. Рындзюнский, автор отводил значимое место нелегальным каналам мобильности крестьянства в российской социальной жизни того времени: «Несмотря на большие юридические, экономические и, психологические трудности,

ему удавалось, хотя и в незначительном (относительно численности крестьянства) размере, участвовать в межсословных, вертикальных, а также и горизонтальных перемещениях. При реализации своих желаний в отношении социальных перемещений крестьяне весьма активно и результативно использовали нелегальные каналы мобильности. Они бежали, записывались незаконно в другие сословия, изменяли профессии, занимались не дозволенными им (часто без уплаты обременительных налогов и пошлин) торговлей, промышленностью, отходничеством и разными другими промыслами, фактически присваивали себе права других сословий, в том числе дворянства, владея под подставными именами заводами, фабриками, землями и даже крепостными» [13, с. 177].

Таким образом, в исследованиях советского периода главное место отводилось законодательному сопровождению выхода крестьянина из деревни, перемещения в другие сословия при обустройстве в городе.

В постсоветский период произошло смещение исследовательского интереса на законодательное оформление условий торгово-ремесленной деятельности крестьян. Следует заметить, что в целом стал наблюдаться всплеск интереса к прежде запретным темам и сюжетам. Одним из направлений исследований стал деловой мир России, включавший в себя предприимчивое крестьянство, купечество, мещанство. Последнее десятилетие отличает рост числа публикаций, обращающихся к историко-правовым вопросам торгово-ремесленной деятельности. Несомненно, интерес к данной проблематике подогревается социально-экономической действительностью, отказом от социалистической модели развития. В связи с этим актуализируются вопросы правового регулирования экономического развития в условиях многоукладной экономики, знание опыта дореволюционного прошлого становится насущно необходимо. Сама проблематика подсказывает рассмотрение темы в междисциплинарном пространстве, объединяющем историков (Г.Н. Ульянова [24], Л.В. Морозов [14] и др.), историков экономики (О.Н. Аборвалова [1]) и историков государства и права (О.Н. Беларёва [2], О.Г. Ларина [12, 17], А.В. Ключева [11, 12], А.В. Плотникова [17, 18] и др.).

Г.Н. Ульянова провела основательный анализ законодательства в сфере регулирования торговли от Городового положения 1785 г. до Гильдейской реформы Е.Ф. Канкрин 1824 г. в контексте изучения становления внутреннего рынка. Несмотря на то, что главный актор торговли того времени – купечество, исследователь уделяет внимание и возрастающей роли крестьянства в торговле. Автор одной из задач своей работы видит необходимость разобраться, как регулировалась торговля по сословному признаку, то есть по отношению к различным группам торгующих – купечеству, мещанству, крестьянству. Какими видами товаров разрешалось торговать представителям разных сословий [24, с. 52]? Г.Н. Ульянова выявила и обстоятельно изучила содержание законодательных документов, касающихся развития торговли в обозначенный хронологический период. Это позволило автору разобраться в том, как развивалось государственное управление сферой торговли, какое место отведено было государством представителям разных сословий в сфере торговли. На основании проведенного анализа автор пришла к следующему выводу: на рубеже XVIII–XIX вв. купечество в экономическом смысле обрело значительный вес, развитие свободного рынка сопровождалось пополнением купеческого сословия лицами, переходящими из крестьянства, мещанства, в меньшей степени из цеховых и среды духовенства [24, с. 65]. Она обратила внимание на то, что в 1806 г. был опубликован именной указ императора Александра I «О городских доходах и расходах». Важной частью закона стало новое положение об акцизе с торгующих крестьян. Разрешение торговли крестьянам вызвало резкое противодействие купечества. По сути же, речь шла о той части крестьян, которые уже занимались торговлей, но в лавках, записанных на купцов. Исследовательница справедливо отмечает, что фактически – это была легализация прежней деятельности. Главную цель нововведений в указанный период автор видит в повышении сборов налогов [24, с. 72].

В постсоветский период стали появляться публикации историков о таком инструменте регулирования торгово-ремесленной деятельности как налоги. В частности, Л.В. Морозов, рассматривая правовые аспекты предпринимательской

деятельности крестьян в конце XIX в., обратился к одному из главных законодательных актов – «Положению о пошлинах на право торговли и других промыслов» (1863–1865 гг.). Раскрывая содержание документа, автор отмечал недостатки налоговой системы: налог не учитывал ни размер оборота и доходность предприятия, ни сумму вложенного в него основного капитала [14, с. 152]. С принятием «Положения» 1898 г. впервые в российской налоговой практике стал присутствовать элемент прогрессивности при исчислении налоговых ставок, правда, весьма ограниченный [14, с. 154]. Вполне справедлив и обоснован вывод автора: «Связывая воедино факты взаимодействия государства и предпринимательства в области налогообложения, следует отметить высокую степень конфликтности во взаимодействии указанных структур. Что касается мелких предпринимателей, для них налоговые ставки были чрезмерно высоки. При недостатке собственных крупных капиталов и ограниченной сфере приложения иногородних подобная политика являлась негативным фактором в процессе формирования крестьянского предпринимательства» [14, с. 154].

Интересным поворотом исследований по данной теме является изучение законодательства, регулировавшего ответственность за нарушение порядка осуществления предпринимательской деятельности [2]. В исторических исследованиях подобное знание бывает крайне необходимо. Так, при работе со справочными книгами о лицах, получивших промысловые свидетельства в рамках составления просопографической базы по костромским крестьянам, и в ходе фрагментарных полевых исследований обнаруживаются зажиточные крестьяне, которые отсутствуют в книгах, но при этом артефакты их жизнедеятельности в деревне свидетельствуют о высоком уровне их доходов, приобретенных в отходе.

О.А. Беларёва рассматривает законодательство об ответственности за нарушение предпринимательской деятельности с историко-правовых позиций. Она пришла к выводу, что подлинное развитие предпринимательства в России началось с правления Екатерины II. В период правления Александра I развитие предпринимательства продолжалось, набирая темп. Именно в этот период при-

нимается множество нормативно-правовых актов, положивших начало регулированию предпринимательской деятельности: Устав о банкротстве 1800 г., Указ о вольных хлебопашцах 1803 г., Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях и преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» 1807 г. [2, с. 107].

Автор отмечала, что период с 1861 по 1913 гг. был самым благоприятным в развитии российского предпринимательства, что влекло за собой и развитие законодательства, регулировавшего предпринимательскую деятельность. Были приняты «Торговый Устав» 1887 г., «Устав о промышленности» 1893 г., «Свод законов гражданских». В этих нормативных актах закреплялось право заниматься торговой и предпринимательской деятельностью всем лицам обоего пола, как российским подданным, так и иностранцам. Однако государство, предоставляя широкую свободу предпринимательства, вместе с этим определяло и границы дозволенного. За нарушение установленных правил и запретов предусматривались различные виды ответственности, в том числе и уголовная [2, с. 108]. Основным источником уголовно-правовых норм в XIX в. являлось «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. (в ред. 1857, 1866 и 1885 гг.). Глава 13 «О нарушении уставов торговых» включала в себя статьи, предусматривавшие ответственность за нарушение постановлений о праве на торговлю, правил производства торговли, постановлений о торговых обществах, товариществах и компаниях, уставов торговых учреждений и т.д. Размер наказания зависел от продолжительности осуществления незаконной торговли и размера оборота товаров или капитала, а не от суммы дохода, полученного в результате такой деятельности [2, с. 108–109].

В меньшей степени исследовано государственно-правовое регулирование ремесленной деятельности крестьян в городах. Историографический обзор изучения городского ремесла в пореформенной России представлен в работе С.М. Жаровцева [4].

Таким образом, в изучении государственно-правового регулирования торгово-ремесленной деятельности крестьян в городах можно выделить три пе-

риода: пореформенный период, 40-е – 90-е гг. XX в., постсоветский период. Следует ожидать выход исследования данной темы на новый уровень обобщения, когда будет оценено государственно-правовое регулирование торговой и ремесленной деятельности крестьян в городе на основе комплекса источников, охватывающих разные аспекты данного процесса: паспортного, городского, торгового, ремесленного, налогового законодательства.

Литература

1. *Аборвалова О.Н.* Российская торговля на рубеже XIX–XX в. // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 3. С. 17–20.
2. *Беларёва О.А.* Законодательство Российской империи, регулирующее ответственность за нарушение порядка осуществления предпринимательской деятельности // Вестник международного института экономики и права. 2013. № 3 (12). С. 107–115.
3. *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1. Города России в XVIII столетии. – 508 с.
4. *Жаровцев С.М.* Городское ремесло в пореформенной России (вторая половина XIX в.): историографический обзор // Общество: философия, история, культура. 2021. № 6. С. 118–123.
5. *Заозерская Е.И.* Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. (К вопросу о начальных формах экспроприации сельского и городского населения в России) // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1958.
6. *Дружинин Н.М.* Русская деревня на переломе. 1861–1880 г. М., 1978. – 287с.
7. *Казанцев Б.Н.* Законодательство русского царизма по регулированию крестьянского отхода в XVII–XIX вв. // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 20–31.
8. *Казанцев Б.Н.* Рабочие Москвы и Московской губернии в середине XIX века. М., 1976. – 182 с.
9. *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М., 1967. – 335 с.
10. *Клокман Ю.Р.* Историография русских городов второй половины XVII–XVIII в. // Города феодальной России: сб. ст. М., 1966. С. 51–64.

11. *Клюева А.В.* Государственно-правовое регулирование торговых отношений в России во второй половине XVII – начале XIX вв.: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Курск, 2013. – 28 с.
12. *Клюева А.В., Ларина О.Г.* Правовые формы организации торговли в России конца XVII–XVIII веков // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 30–36.
13. *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740 – 1860 годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. – 271 с.
14. *Морозов Л.В.* Предпринимательская деятельность крестьян в России в к. XIX в.: историко-правовые аспекты // Вестник Чувашского университета. Юриспруденция. 2010. № 4. С. 152–154.
15. *Муллов П.* Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864. – 197 с.
16. *Пажитнов К.А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. – 211 с.
17. *Плотникова, А.В., Ларина, О.Г., Ламанов, Е.Н.* Закрепление торговых прав в российском законодательстве во второй половине XVIII века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3(104). С. 145– 148.
18. *Плотникова А.В., Сергеев М.И.* Правовое регулирование торговых отношений в России в XVII–XIX веках // Ценности и нормы правовой культуры в новой цифровой реальности : сб. науч. ст. Всероссийской научно- практической конференции, посвященной 55-летию ЮЗГУ / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2019. С. 114–118.
19. *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. – 559 с.
20. *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в дореформенной России // Вопросы истории. 1955. № 9. С. 26–40.
21. *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века : (Взаимоотношение города и деревни в соц.-экон. строе России). М., 1983. – 269 с.
22. *Сакович С.И.* Памяти кормежные, наемные и жилые крестьян-отходников к. XVII в. // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963.
23. *Семенова Л.Н.* Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII века // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.): сб.

ст. Л., 1967. С. 127–167.

24. *Ульянова Г.Н.* Законодательное регулирование торговли в Российской империи (От Городового положения 1785 г. до Гильдейской реформы Е.Ф. Канкрин 1824 г.) // *Tractus Aevorum*. Весна 2018. № 5 (1). С. 50–75.

25. *Шапиро А.Л.* Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время // *Ученые записки / Ленинградский государственный педагогический институт имени М.Н. Покровского*. Л., 1940. Т. V. Вып. 1. С. 23–53.

26. *Шапиро А.Л.* Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время // *Исторические записки*. 1948. № 27. С. 202–239.

27. *Яровой Г.В.* Государственные крестьяне в законодательстве первой половины XIX века // *Ученые записки Уральского государственного университета имени А.М. Горького*. № 42. Сер. Историческая. Вып. 2. Свердловск, 1967. С. 165–174.

© *Смунова О.В.*, 2023

ПРОЕКТЫ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

В статье проанализированы проекты, выдвинутые уездными и губернскими комитетами Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, направленные на обсуждение аграрного законодательства. Отмечается, что обсуждение вопросов, связанных с правовым положением крестьянства, народным образованием, расширением компетенции земств, финансовой политикой государства и гласностью в работе органов власти, предопределяло либеральный характер заключений комитетов. Дискуссия о причинах и характере аграрного кризиса способствовала формированию как правительственной, так и земско-либеральной аграрной программы.

Ключевые слова: аграрная реформа; законодательство; правительство; уездные и губернские комитеты; Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Деятельность Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в советской историографии трактовалась как определенный этап формирования новой аграрной политики самодержавия в начале XX века. В этом совещании приняли деятельное участие либерально настроенные земские деятели и дворяне–землевладельцы [3; 12]. Современные исследователи акцентируют свое внимание на механизме обсуждения проектов и конкретных предложений, которые выдвигались в уездных и губернских комитетах в ходе их работы. Правомерно отмечается их направленность на трансформацию правовой и аграрной политики имперской власти накануне первой российской революции [6; 15]. К числу дискуссионных относятся вопросы о влиянии Особого совещания на формирование аграрной политики в начале XX в. и оформление идеологической и политической программ либеральных политических партий [7].

¹ Баринова Екатерина Петровна, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, rfznz25@yandex.ru, Россия, г. Самара.

Деятельность ряда уездных и губернских комитетов изучалась на региональном уровне, прежде всего, в контексте правительственных аграрных реформ, а также дискуссий по вопросам реформирования волостного суда, арендного законодательства [1; 4; 5; 11; 13; 14; 15]. Отметим, что правовые аспекты проектов местных комитетов изучались ещё современниками Особого совещания [2; 8; 9].

Направление дискурса о предстоящей аграрной реформе на заседаниях уездных и губернских комитетов, безусловно, зависело от социального состава и политических взглядов их участников. По численному составу в губернских комитетах преобладали представители поместного дворянства и чиновничества. Состав уездных комитетов был более демократичен, так как на их заседания приглашались члены уездной земской управы, представители от волостей и сельских обществ, а в целом ряде случаев – все гласные земского собрания¹. Повестка заседаний формировалась уездными и губернскими комитетами самостоятельно. Из обширной программы Особого совещания каждый комитет выбирал для обсуждения наиболее актуальные вопросы для своего уезда и губернии. Б.Н. Миронов на основе статистической обработки заключений местных комитетов выделил наиболее дискуссионные вопросы и охарактеризовал абсолютные и относительные результаты их обсуждения [7, с. 9–13].

Несмотря на то, что круг вопросов, обсуждаемых местными комитетами, ограничивался имперской властью определенными рамками, они превратились в арену острой полемики о необходимости реформ. Центральное место занял вопрос об «общих причинах упадка сельского хозяйства». На заседаниях комитетов была подвергнута резкой критике финансовая и налоговая политика правительства. Так, Суджанский уездный предводитель дворянства А.В. Евреинов отмечал: «Финансовая политика, проводимая Витте, нас разоряет, разоряет всю Россию, пора нам подумать об этом и высказаться открыто о наших нуждах»². Им было внесено предложение о введении прямого прогрессивно-

¹ Общий обзор трудов местных комитетов / Сост. С.И. Шидловский. СПб., 1905. С. 8–9.

² Государственный архив Курской области (ГАКО) Ф. 1. Оп. 1. Д. 7016. Л. 108.

подходного налога и снижении косвенных налогов [7, с. 14]. В центре обсуждения оказалась экономическая политика государства, критиковавшаяся за ее нацеленность преимущественно на развитие промышленности, а также за развитие окраин государства в ущерб благосостоянию центра. Острой критике подверглось правительство за политику в сфере земских финансов. Комитеты единодушно указывали на отсутствие у земств достаточных средств и предлагали различные способы увеличения их доходов [7, с. 16].

Активность членов местных комитетов различалась и зависела как от степени осознания причин обсуждаемых проблем, так и от остроты социальных и экономических проблем в том или ином уезде или губернии. Либерально настроенное дворянство и земская интеллигенция, воплощая в жизнь решения Всероссийского съезда земских деятелей 23–26 мая 1902 г., использовали трибуну комитетов для пропаганды своих взглядов на дальнейшее экономическое и политическое развитие страны. При определении выбора путей развития России они отдавали предпочтение движению к правовому государству через ряд реформ, в необходимости которых местное самоуправление должно было убедить верховную власть.

Экономическое положение деревни в целом и положение крестьян в частности оценивалось на заседаниях комитетов крайне эмоционально и негативно. В выступлениях участников заседаний преобладали высказывания об оскудении, упадке и снижении жизненного уровня крестьянства. Так, гласный Воронежского губернского земства Н.Ф. Бунаков считал, что причины аграрного кризиса кроются в политической отсталости страны, в «...полном бесправии, подавленности всех общественных сил, отсутствии свободы слова, антагонизме и взаимном недоверии сословий»¹. В этой связи он предлагал обсудить общие причины упадка сельского хозяйства. Подобная критика звучала в выступлениях либералов и на заседаниях других комитетов (Суджанского уездного комитета Курской губернии, Темниковского уездного комитета Тамбовской губернии, Моршанского и Елецкого уездных комитетов Орловской гу-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1005. Л. 22.

бернии, Самарского губернского комитета и др.). Члены Балашовского комитета Саратовской губернии сформулировали тезис оневозможности обойтись «без широких реформ нашей общественной, правовой и экономической жизни»¹.

Вывод об упадке сельского хозяйства поддерживали фактически все члены комитетов, независимо от их политических воззрений. В дискурсе о судьбах русской деревни конца XIX – начала XX вв. преобладали негативные оценки состояния сельского хозяйства, что было обусловлено как последствиями аграрного кризиса, который резко сократил доходность экстенсивного сельскохозяйственного производства, так и оценкой экономического курса правительства в этот период. Для участников совещания первоочередной задачей стала разработка мер для преодоления бедственного положения русской деревни и снижения социальной напряженности.

Признавая в качестве причин обеднения деревни крестьянское малоземелье, культурную и правовую отсталость крестьянства, члены комитетов, в зависимости от идеологических убеждений, предлагали различные пути решения проблем русской деревни. Дискуссия велась об общинном и подворном землевладении, о необходимости облегчить крестьянам выход из общины, уравнивании их в правах с другими сословиями. Отдельные члены комитетов высказывались категорически против общины, считая ее «тормозом поднятия деревни из недр примитивного хозяйства». По их мнению: «Крестьяне должны быть не временными арендаторами, а полномочными собственниками»². Они предлагали принять меры для перехода крестьян к подворному или «вотчинному» владению землей³. Но продолжала сохраняться и традиционная точка зрения. Противники разрушения общины предостерегали от правовых и экономических коллизий, полагая, что в условиях правовой безграмотности большинства крестьянства, упразднение общины приведет к пролетаризации населения⁴. Детали же выхода

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXVII. Саратовская губерния. СПб., 1903. С. 67.

² Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXVIII. Орловская губерния. СПб., 1903. С. 15.

³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLI. Тамбовская губерния. СПб., 1903. С. 345.

⁴ Там же. С. 115.

крестьян из общины не обсуждались. Зачастую комитеты акцентировали внимание на различных аспектах правовых отношений, что затрудняет анализ предлагаемых проектов [6, с. 61]. В заключениях ряда комитетов предлагалось трансформировать сельские общины в кооперативный союз или артель. Как противники сохранения общины, так и ее защитники выдвигали проекты правового урегулирования механизмов земельных переделов и считали необходимым изменение закона от 8 июня 1893 г.

Обсуждались вопросы о необходимости оказания правовой помощи сельскому населению, предоставления безземельным крестьянам права покупать землю и об отмене круговой поруки. Для устранения крестьянского малоземелья предлагались различные проекты, включающие такие меры как переселение наиболее бедных крестьян на окраины страны, оказание им помощи в приобретении земли через Крестьянский поземельный банк и путем увеличения наделов за счёт прирезки казенных земель. Акцентировалось внимание и на упорядочение земельной аренды. Среди тех, кто выступал за ликвидацию сельской общины, преобладали дворяне. Они предлагали оказывать крестьянам содействие в покупке земли. По их мнению, необходимо было превратить крестьянина в собственника земли, который становился надежным союзником первенствующего сословия [1; 5; 11].

В решении многих правовых вопросов, особенно касающихся землевладения и землепользования, регулирования арендных отношений и найма сельскохозяйственных рабочих, отчетливо проявлялся социальный подтекст, поскольку они затрагивали взаимоисключающие интересы крестьян и землевладельцев. Особенно наглядно это проявлялось в губерниях, на территории которых происходили «аграрные беспорядки» [термин имперской власти. – Е.Б.] 1902 г. консервативно настроенное дворянство для предотвращения протестных выступлений крестьян предлагало использовать проверенные временем меры: усиление карательных мер для охраны частной собственности, введение ответственности родителей за проступки детей и внушение «уважения к

чужому праву»¹.

Воронежский уездный комитет в качестве меры для предотвращения крестьянских волнений предложил «национализацию», которая могла быть реализована путем создания государственного земельного фонда из казенных земель, пополняемых впоследствии за счет покупки частных земель через Крестьянский поземельный банк. Члены Комитета предлагали обеспечить свободу личности крестьянина для развития творческой самодеятельности населения. Это повлекло бы за собой нормальное удовлетворение нужд сельского хозяйства. В этих идеях воплотилась попытка дворянского либерализма найти выход из сложившейся кризисной ситуации в сельском хозяйстве страны. Члены комитета за эти «конституционные заявления» были обвинены в «политической неблагонадежности» и подвергнуты административным взысканиям.

Выступая за уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, отмену телесных наказаний, развитие крестьянского самоуправления, расширение крестьянского представительства в земстве путем создания мелкой земской единицы, дворяне-землевладельцы традиционно не забывали о расширении своих сословных привилегий. Вновь они заявили о необходимости расширить мероприятия по укреплению помещичьего хозяйства. Они предлагали напомнить правительству о финансовой поддержке дворянства. Пересмотр финансового обложения, открытие опытных полей в помещичьих хозяйствах должны были, по их мнению, не только укрепить дворянское землевладение, но и поднять культурный уровень крестьянских хозяйств.

В заключениях комитетов выдвигались проекты реорганизации местного самоуправления и суда [14]. Комитеты предлагали ввести всесословность земского представительства, расширить прерогативы земства, увеличить их финансовые средства и самостоятельность. В докладе А.В. Евреинова отмечалось, что местное управление не отвечает целям благосостояния населения, так как находится в руках людей, незаинтересованных в нем и безынициативных. В

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. IX. Воронежская губерния. СПб., 1903. С. 6–7.

этой связи предлагалось передать местное управление представителям общества, разграничить функции органов самоуправления и правительства¹. Комитеты почти единодушно предлагали ввести в сельской местности мелкую земскую единицу (МЗЕ) [13].

Значительный интерес представляют оценки результатов работы уездных комитетов, что содержится в воспоминаниях бывшего предводителя дворянства Кирсановского уезда Тамбовской губернии В.М. Андреевского и секретаря Орловского уездного комитета В.А. Оболенского, написанных в эмиграции. Несмотря на различия в политических взглядах и экономическом статусе, общая оценка деятельности комитетов у них совпадает. Как помещик и консерватор В.М. Андреевский, так и заведующий статистическим бюро Орловской губернской земской управы, впоследствии кадет, В.А. Оболенский полагали, что деятельность комитетов не повлияла на развитие сельского хозяйства. Они видели их значение в том, что участие в работе комитетов способствовало пробуждению политической активности их участников. По их мнению, комитеты «...явились как бы преддверием революции 1905 года, начав громко обсуждать государственные вопросы...». На их заседаниях был выдвинут «...целый ряд вскоре популяризированных революцией 1905 года требований» [10]. И тот, и другой мемуарист особенно подчеркивали, что в их уездных комитетах не обнаружилось «никаких попыток заняться “конституциями”», на них обсуждались исключительно экономические вопросы². В их записках содержится информация об оппозиционных выступлениях на заседаниях других комитетов земского гласного, воронежского врача С.В. Мартынова и Темниковского уездного предводителя дворянства Ю.А. Новосильцева. Мемуаристы также констатировали резкую реакцию властей на предпринятые либералами попытки обсуждения политических вопросов.

Несмотря на скромные итоги деятельности местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, обсуждение при-

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7016. Л. 121 об.–136.

² Андреевский В.М. О моем сельском хозяйстве. Автобиографические воспоминания // Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 8. Л. 23

чин и характера аграрного кризиса способствовало выработке правительственной аграрной политики и оформлению программы земско-либеральной оппозиции. На поставленный правительством вопрос об объективной оценке состояния аграрного сектора экономики, либерально-демократической общественностью был дан крайне эмоциональный ответ о необходимости расширения компетенции земств: бессословности земского представительства, отмене закона о предельности земского обложения, организации мелкой земской единицы, созыву общеземских съездов. На первый план в предложениях о способах подъема сельского хозяйства либералы выдвинули идеи развития мелкого кредита и кооперации, которые увязывались с созданием мелкой земской единицы. Пессимистические заявления либералов о безысходном положении крестьянства, консервативными дворянами отвергались. Они традиционно считали, что обнищание крестьян происходит из-за падения нравов и нежелания трудиться. Реальные же нужды крестьян ни либеральными земцами, ни консервативными помещиками не осознавались, что наглядно продемонстрировал размах крестьянского движения в годы первой российской революции.

Литература

1. *Алымова Н.И.* Орловский губернский комитет Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности: дискуссии по аграрному вопросу (1902–1903 гг.) // Российское крестьянство в переломные исторические эпохи (к 160-летию отмены крепостного права в России). Материалы всероссийской научной конференции. Орел, 2021. С. 100–109.
2. *Билимович А.Д.* Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. – 60 с.
3. *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997. – 354 с.
4. *Колесов Н.Б.* Вопрос о формах землевладения крестьян в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1902–1905 гг. Дисс. ...канд. ист. наук. Владимир, 2000. – 195 с.
5. *Костылева Е.Н.* Проблемы улучшения экономического положения крестьян Рязанской губернии в трудах Особого совещания о нуждах сельскохозяйствен-

- ной промышленности (1902–1903 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 123–132.
6. *Лебедев В.Д.* Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904) // Отечественная история. 2001. № 5. С. 58–69.
7. *Миронов Б.Н.* Политика versus истина: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2008. № 1. С. 8–30.
8. Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. Т. 1–2.
9. *Прокопович С.Н.* Местные люди о нуждах России. СПб., 1905. – 275 с.
10. *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. [Электронный ресурс]. URL: https://www.litmir.me/br/?b=570050&p=1#section_1 (дата обращения – 11.07.2022).
11. *Оболешев А.В.* Обсуждение арендного законодательства в комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Орловской губернии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 8(148). С. 157–163.
12. *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. – 252 с.
13. *Сорокин А.А.* Вопрос о мелкой земской единице в решениях губернских комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Государство, общество, церковь в истории России XX– XXI веков. Материалы XXI международной научной конференции. Иваново, 2022. С. 513–519.
14. *Щедрина Ю.В.* Дискуссии о судьбе волостного суда в ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4 (32). С. 32–43.
15. *Щербакова И.К.* Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и Редакционная комиссия Министерства внутренних дел как альтернативные центры обсуждения крестьянского вопроса в начале XX века: 1902–1905 гг. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 2003. – 21 с.

ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И МЕЛКИЙ КРЕДИТ ДЛЯ РОССИЙСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

В статье рассмотрены особенности и результаты обсуждения вопроса о мелком народном кредите на заседаниях Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Большое внимание уделено работе губернских и уездных комитетов. Показано отношение губернаторов, уездных предводителей дворянства и крестьян к мелкому кредиту.

Ключевые слова: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности; местные комитеты; мелкий кредит; губернаторы; уездные предводители дворянства; крестьяне.

Важной частью государственной политики в аграрной сфере стало учреждение 22 января 1902 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по инициативе и под председательством министра финансов С.Ю. Витте (в источниках за совещанием закрепилось название «комиссия Витте»). В его деятельности были объединены усилия всех ведомств, имеющих отношение к сельскому хозяйству. Кроме того, были созданы местные комитеты, в основном губернские (председатель – губернатор) и уездные (председатель – уездный предводитель дворянства), с целью «услышать» голоса тех, кто ближе всего знал насущные проблемы деревни начала XX столетия. Значимым пунктом обсуждаемой программы был вопрос об организации мелкого народного кредита.

В отечественной историографии основные направления деятельности Особого совещания и его местных комитетов рассматриваются прежде всего при изучении времени правления Николая II (С.С. Ольденбург) [7], преобразований С.Ю. Витте (совместная монография Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина) [1], аграрного вопроса (М.С. Симонова, И.К. Щербакова) [8, 9] и сельскохозяйственного кредита (В.С. Дякин) [2]. Существуют и специальные работы

¹ Будкина Юлия Борисовна, кандидат исторических наук, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, jullyb@mail.ru, Россия, г. Рязань.

(Б.Н. Миронов, В.Д. Лебедев, А.В. Оболенев) [5, 4, 6]. Данная тема привлекает внимание и зарубежных авторов (Я. Коцонис, Д. Мэйси) [3, 10]. Однако проблема организации мелкого крестьянского кредита в ходе работы межведомственной комиссии в указанных исследованиях представлена фрагментарно или совсем не затрагивалась.

Вопрос о народном кредите обсуждался первым из 40 пунктов программы Особого совещания как «один из наиболее важных для многочисленного сельского населения Империи»¹. Во многом это было обусловлено личной позицией председателя. С.Ю. Витте воспринимал правильно организованный мелкий кредит, с одной стороны, как способ поднятия налоговой платежности крестьян, а с другой – как средство решения аграрного вопроса.

В общей сложности по «кредитному вопросу» с 30 марта 1902 г. по 10 мая 1903 г. состоялось 7 заседаний. В них приняли активное участие министр внутренних дел В.К. Плеве; министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов; заместитель председателя Департамента государственной экономики Ф.Г. Тернер; управляющий Государственным банком Э.Д. Плеске; государственный секретарь В.Н. Коковцов; председатель Департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета Н.М. Чихачев; член Государственного совета А.А. Половцов; известный ученый-географ, экономист и статистик П.П. Семенов (с 1906 г. Тян-Шанский)².

Весьма показательным являлось первое заседание по мелкому кредиту, определившее приоритеты дальнейшей работы комиссии Витте по этому направлению. На него были приглашены сведущие лица не только из Министерства финансов и Министерства внутренних дел, но и представители российских губерний. Обсуждение строилось на основе представленных записок. В обстоятельной записке Министерства финансов был дан исторический обзор и приведены сведения о состоянии мелкого кредита в России и некоторых за-

¹ Всеподданнейший Отчет по Особому Совещанию о нуждах сельскохозяйственной промышленности. 1902–1904. СПб., 1904. С. 11.

² Журнал высочайше учрежденного Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. № 3. Заседания 30 марта, 24 и 27 апреля и 4 мая 1902 года. [СПб.], [б.г.]. С. 1–2.

падноевропейских государствах, а также намечены меры для его дальнейшего развития. Отмечалось, что за пятилетие (1897–1901 гг.) было организовано 243 ссудосберегательных товарищества, 278 сельских банков и 118 кредитных товариществ. Несмотря на явный количественный рост учреждений мелкого кредита после издания Положения 1895 г., число их было «далеко недостаточно» и распространение по отдельным районам «крайне неравномерно». Причины такого положения заключались, с одной стороны, в незначительном притоке денежных средств и недостатках руководства этими учреждениями, а с другой – некоторыми неблагоприятными условиями крестьянского быта.

Финансовым ведомством был разработан и предложен ряд мер для развития системы мелкого кредита. Отдельное внимание уделялось созданию особого центрального органа – Управления по делам мелкого кредита и земских (губернских и уездных) комитетов для надзора и контроля за организацией и развитием народного кредита. Предлагалось также предоставить право губернаторам утверждать уставы учреждений мелкого кредита на основе образцовых уставов, а органам местного самоуправления – разрешить открывать земские кассы. Среди других мер стоит выделить преобразование сельских банков, вспомогательных и сберегательных касс; привлечение сельскохозяйственных обществ «к живейшему участию в устройстве и направлении учреждений мелкого кредита», а священнослужителей и учителей народных школ к их управлению. Учитывая крайне слабую осведомленность крестьянства в кредитной области, было предусмотрено издание краткой и «удобопонятной» брошюры для объяснения основ мелкого кредита.

В последнем абзаце записки проводилась мысль о том, что успех мелкого кредита напрямую зависит от пересмотра крестьянского законодательства. В этой связи отмечалось, что «предлагаемые меры возымеют свое действие в полной степени... для тех местностей..., которым чужды неблагоприятные для кредита стороны крестьянского склада имущественных и общественных отношений». Основной акцент был сделан на том, что «в коренных же губерниях России, в среде сельского их населения, трудно рассчитывать на особо суще-

ственные результаты от содействия учреждениям мелкого кредита мерами специального свойства»¹.

Министерство внутренних дел, со своей стороны, отстаивало необходимость развития состоящих в его ведении кредитных учреждений сословного типа. По мнению МВД, именно вспомогательные кассы и сельские банки очень тесно были связаны с «сословным крестьянским строем» и отвечали потребностям населения, в то время как кредитные кооперативы отличались сложностью в организации².

В записке Н.М. Чихачева были проанализированы возможные источники денежных средств для реализации проектируемых мероприятий. В качестве основных из них комиссией Витте рассматривались остаточные суммы Особого комитета для помощи нуждающимся в местностях, постигнутых неурожаем в 1891 и 1892 гг. (более 2 млн руб.) и предполагаемое единовременное ассигнование из сумм Государственного казначейства (10 млн руб.). В связи с их нехваткой Чихачев предлагал для указанных целей использовать часть средств сберегательных касс³.

В ходе обсуждения сведений и предложений, содержащиеся в записках, четко обозначилась позиция приглашенных лиц. Некоторые из них видели препятствие для широкого развития мелкого кредита в существовавших условиях имущественного и общественного быта крестьян. Однако местные деятели все же признавали «несомненную потребность» крестьянского населения в кредите и полагали, что «следует безотлагательно принять все доступные меры для наиболее полного ее удовлетворения». По их мнению, «должно быть поощряемо

¹ Исторический обзор и современное положение учреждений мелкого кредита в России, в связи с предположениями о мерах к их развитию // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902. № 21. С. 315–334; Журнал Высочайше учрежденного Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. № 3. Заседания 30 марта, 24 и 27 апреля и 4 мая 1902 года. [СПб.], [б.г.]. С. 4; Журнал Высочайше учрежденного Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. № 14. Заседания 26 апреля и 3 и 10 мая 1903 года. [СПб.], [б.г.]. С. 2.

² По проекту положения о сельских кредитных учреждениях (Записка Министерства Внутренних Дел) // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902. № 22. С. 378–398.

³ Записка члена высочайше учрежденного особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, генерал-адъютанта Н.М. Чихачева по вопросу о мелком кредите // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902. № 22. С. 398–400

образование как сословных, так и кооперативных кредитных учреждений»¹.

Член Особого совещания А.А. Половцов оставил весьма примечательную запись в своем дневнике об этом заседании: «В 8 ½ часов в Сельскохозяйственном совещании заслушиваем заявления вызванных из разных концов России, выдающихся по вопросу о мелком кредите деятелей. Заявления их в итоге сводятся к тому, что доколе крестьяне не получают иного имущественного и личного положения, доколе они не будут иметь твердого права собственности, до тех пор не может быть серьезной речи об открытии им кредита в настоящем смысле»².

С целью подробной разработки предложений по указанному вопросу Особое совещание постановило образовать Подготовительную комиссию под председательством Ф.Г. Тернера, предварительно обсудив руководящие указания для ее деятельности. Комиссия работала с мая 1902 г. по март 1903 г. и представила Особому совещанию несколько проектов организации мелкого кредита.

Наряду с комиссией Тернера в Российской империи с лета 1902 г. работали местные комитеты, которые пристально следили за решениями Особого совещания и обсуждали их с точки зрения практической значимости. В заседаниях, где рассматривался вопрос о мелком кредите, выступали с докладами и участвовали в обмене мнений уездные предводители дворянства, земские начальники, податные инспекторы, председатели и члены земских управ, управляющие губернскими отделениями Государственного банка, представители кредитных кооперативов, землевладельцы и крестьяне. В обсуждении и итоговых решениях губернских комитетов важную роль играли губернаторы. В общей сложности по указанному вопросу было подготовлено свыше 200 докладов, записок, особых мнений, писем и других материалов³. Наиболее детально проблема мелкого кредита обсуждалась в Московской, Нижегородской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Таврической, Тверской и Томской губерниях.

¹ Журнал высочайше учрежденного Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. № 3. Заседания 30 марта, 24 и 27 апреля и 4 мая 1902 года. [СПб.], [б.г.]. С. 6–7.

² Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / сост. О.Ю. Голечкова. СПб., 2014. С. 350.

³ Перечень докладов, помещенных в трудах местных комитетов / сост. С.Ю. Лопатин. СПб., 1905. С. 97–103.

Отношение к мелкому кредиту на губернском и уездном уровнях было неоднозначным. Большинство членов комитетов указывали на необходимость и желательность организации «дешевого» и «доступного» кредита для крестьян в связи с тяжелыми условиями кредитования у ростовщиков. Обозначались и другие причины. Например, по мнению Корчевского уездного комитета (Тверская губерния), «нужда в мелком кредите для крестьянского населения стала особенно ощутительной со времени введения казенной продажи вина, повлекшей за собою закрытие частных трактирных заведений, которые до того времени являлись нелегальными ссудными кассами для крестьянского населения»¹. Из-за того, что разорившиеся крестьяне вынуждены были уходить на заработки в город, Томский уездный комитет рассматривал народный кредит как одно из средств «удержать крестьянина в деревне»². Существенным было и то, что участники Тотемского уездного комитета (Вологодская губерния) считали организацию мелкого народного кредита даже «более важным для поддержания и подъема сельского хозяйства», чем строительство железных дорог³. Нередко постановления местных комитетов ограничивались только общими пожеланиями.

В то же время отдельные комитеты высказались против развития мелкого кредита. Так, Пензенский губернский комитет указал, что «кредит для крестьян, организованный правительством или земством, кроме нравственного и материального вреда народу ничего не принесет». Покровский уездный комитет (Владимирская губерния) постановил «организацию мелкого кредита для Покровского уезда отклонить» и т.д.⁴

Не было единства среди членов местных комитетов в определении понятия «мелкий кредит» (предельный размер ссуд). Одни считали, что ссуда не должна превышать 20–25 руб. для одного заемщика. Другие находили возможным выдавать кредит до 50 руб. Некоторые полагали, что ссуды могут быть от 1 руб. до

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XLII. Тверская губерния. СПб., 1903. С. 80.

² Труды местных комитетов... Т. LVI. Томская губерния. СПб., 1904. С. 286.

³ Труды местных комитетов... Т. VII. Вологодская губерния. СПб., 1903. С. 253.

⁴ Герценштейн М.Я. Мелкий кредит в трудах комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и сберегательные кассы. М., 1904. С. 5, 6.

300 руб. на человека. Встречались и неконкретные предложения. Например, мелкий кредит – это «незначительная ссуда», «небольшая сумма денег»¹.

В Европейской России 4 губернских и 64 уездных комитетов признали желательным организацию сословных учреждений – вспомогательных касс и сельских банков с расширением операций и некоторыми изменениями в их организации. За развитие кредитных кооперативов высказались 7 губернских и 63 уездных комитетов. Из приведенных данных видно, что на губернском уровне предпочтение отдавалось кооперативному кредиту. Вместе с тем отдельно стоит выделить комитеты, которые выступали за учреждение исключительно кредитных (2 губернских и 31 уездных) или только ссудосберегательных товариществ (2 губернских и 9 уездных). Однако если учесть при этом мнения отдельных участников заседаний, то кооперативный кредит все же уступал сословному кредиту. За «широкий простор» в открытии учреждений мелкого кредита, «не предрешая их типа», выступили 10 губернских и 48 уездных комитетов².

В других регионах, например, в Сибири, ситуация принципиально не отличалась, но имела некоторую специфику. Так, в Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниях предпочтение отдавалось волостным и сельским банкам, а в Томской губернии – кредитным и ссудо-сберегательным товариществам. В частности, Томский губернский комитет высказал мнение, что «сельские и волостные банки по своей организации не представляются целесообразной формой народного кредита и не заслуживают поощрения». В Кавказском крае, наоборот, преимущество имели кредитные кооперативы³.

Различные точки зрения были представлены о влиянии общинного землевладения и крестьянского правопорядка на развитие кредитных учреждений. С одной стороны, например, в Псковском уезде оправдывали жизнеспособность

¹ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Кредит / сост. С.В. Бородаевский. СПб., 1904. С. 223.

² Подсчитано по: Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Кредит / сост. С.В. Бородаевский. СПб., 1904. С. 255, 256–257, 259.

³ Свод трудов местных комитетов по Кавказу, Области войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану / сост. А.А. Кауфман. СПб., 1904. С. 720–722.

народного кредита при существовавшем крестьянском правопорядке и высказались «за организацию этого кредита на самых широких основаниях». С другой стороны, по мнению Санкт-Петербургского губернского комитета, «правильная организация мелкого кредита для крестьян-общинников неосуществима». Смоленский уездный комитет отметил, что «при существующих условиях гражданский правопорядок крестьянского населения не может представлять благоприятной почвы для развития правильно организованных учреждений мелкого кредита»¹. При этом стоит иметь в виду, что большинство комитетов не обсуждало этот вопрос на своих заседаниях, очевидно, по политическим причинам.

Рассматривалась роль земства в распространении мелкого кредита среди крестьянского населения. За привлечение земских учреждений к этой деятельности высказался 101 комитет Европейской России². В губерниях, где земств не существовало, члены комитетов выступали за их организацию. Отдельные комитеты имели совершенно иную позицию. В частности, Егорьевский уездный комитет Рязанской губернии считал, что органы местного самоуправления с этой ролью не справятся, так как они «слишком далеко от населения, чтобы точно знать степень нужды каждого отдельного заемщика и иметь за ним надлежащее наблюдение»³.

Участники местных комитетов предлагали различные меры, которые могли бы способствовать правильному развитию мелкого кредита. Среди них упрощение форм счетоводства и отчетности, ознакомление населения с законоположениями и правилами о мелком кредите, освобождение ссудосберегательных и кредитных товариществ от государственного промыслового налога и почтовых расходов. Предлагалось установить контроль за деятельностью учреждений мелкого кредита, который могли осуществлять правительственные чиновники, инспекторы кредитных товариществ, чины местных учреждений Государственного банка или земские органы.

¹ Герценштейн М.Я. Мелкий кредит в трудах комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности и сберегательные кассы. М., 1904. С. 17, 18.

² Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. Кредит /сост. С.В. Бородаевский. СПб., 1904. С. 267–268.

³ Труды местных комитетов... Т. XXXIV. Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 192.

Показательно отношение губернаторов к организации крестьянского кредита, от которых по большому счету зависела содержательная сторона рассматриваемого вопроса в каждой конкретной губернии. Их позицию можно проследить по журналам заседаний и постановлениям губернских комитетов. Губернаторы понимали важность развития мелкого кредита, но в общем. Так, тверской губернатор Н.Д. Голицын считал, что «не следует входить в подробное рассмотрение вопроса о форме, в которой должен быть организован мелкий кредит, а достаточно высказать лишь общее пожелание возможно широкой его организации»¹. Пензенский губернатор А.В. Адлерберг полагал, что можно заложить прочные основы народного кредита «лишь чрез посредство правительственных учреждений и лиц»².

Среди руководителей губерний были чиновники, предлагавшие свои пути решения проблемы. Петербургский губернатор С.А. Толь считал, что в этом вопросе следует погодить, поскольку «в основании всякого кредита лежит возможность ответственности со стороны кредитующегося; наш же крестьянин при общинном землепользовании ничем не отвечает, а потому до создания надлежащей почвы правильная организация мелкого кредита не осуществима»³. Новгородский губернатор О.Л. Медем был убежденным сторонником организации местных ломбардов, которые, по его мнению, сохранят крестьянину «те деньги, которые он переплачивает кулаку усиленными процентами»⁴.

Исторически так сложилось, что П.А. Столыпин, будущий реформатор России, принял активное участие в работе Гродненского губернского комитета. Он отстаивал идею о расселении крестьян на хутора и развитии мелиоративного кредита⁵. Однако отношение его к мелкому кредиту в источниках не отражено.

В отличие от губернаторов уездные предводители дворянства были более свободны в своих суждениях и часто являлись авторами докладов о мелком кредите. Их позиция формировалась на основе материалов, опубликованных в пери-

¹ Труды местных комитетов... Т. XLII. Тверская губерния. СПб., 1903. С. 20.

² Труды местных комитетов... Т. XXIX. Пензенская губерния. СПб., 1903. С. 14.

³ Труды местных комитетов... Т. XXXVI. С[анкт]-Петербургская губерния. СПб., 1903. С. 30.

⁴ Труды местных комитетов... Т. XXV. Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 62.

⁵ Труды местных комитетов... Т. XI. Гродненская губерния. СПб., 1903. С. 1.

одической печати. Так, Мокшанский уездный предводитель дворянства Д.В. Друцкой-Соколинский (Пензенская губерния) высказал мнение, что «мелкий народный кредит крайне желателен, в какой бы форме он ни был организован Правительством»¹. В то же время Старорусский уездный предводитель дворянства Э.П. Беннигсен (Новгородская губерния) считал, что «мелкий народный кредит обязательно должен быть вещным», сославшись при этом на опыт Крестецкого и Демянского уездов². Данковский уездный предводитель дворянства И.П. Бибилов (Рязанская губерния) полагал, что организовать мелкий народный кредит можно только после введения мелкой земской единицы³.

Что же касается крестьян, то их отношение к мелкому кредиту отчетливо не проявилось. Во многом это было связано с тем, что их было слишком мало среди участников уездных и губернских комитетов (по приблизительным подсчетам 1905 человек из 13490 всех участников)⁴. В некоторых уездных комитетах их число достигало более 10 и только в исключительных случаях – более 50 человек. В основном это были волостные старшины и земские гласные. При этом присутствовавшие крестьяне часто не принимали участия в обсуждении. Тем не менее, даже незначительную причастность земледельцев к работе местных комитетов можно расценивать как особенность правительственной политики. Кроме того, это дает возможность рассмотреть отдельные примеры их отношения к мелкому кредиту.

Источники свидетельствуют, что мнение основного населения Российской империи о кредите было неоднозначным. Например, крестьянин Можайского уезда Московской губернии В.В. Филатов в своей записке отметил, что «организация народного мелкого кредита по сущей справедливости является незаменимым благодеянием со стороны Правительства и дает полную возможность поддержать сельское хозяйство»⁵. А крестьянин Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии С.Н. Юбинский считал, что «организация народного

¹ Труды местных комитетов... Т. XXIX. Пензенская губерния. СПб., 1903. С. 13.

² Труды местных комитетов... Т. XXV. Новгородская губерния. СПб., 1903. С. 288.

³ Труды местных комитетов... Т. XXXIV. Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 187.

⁴ Общий обзор трудов местных комитетов / сост. С.И. Шидловский. СПб., 1905. С. 9.

⁵ Труды местных комитетов... Т. XXIII. Московская губерния. СПб., 1903. С. 687.

мелкого кредита – для умного польза, для слабого вред»¹.

Среди крестьян были и противники учреждений мелкого кредита. Так, Васьянский волостной старшина Кашинского уезда Тверской губернии К.И. Стулов утверждал, что «для крестьянского хозяйства никаких особых ссудных денежных учреждений устанавливать не следует». Свою точку зрения он объяснил тем, что «таковые учреждения на практике доказали свою неблагонадежность, а равно и неблагонадежность заемщиков, и, кроме того, на содержание этих учреждений необходимо потребуются немалые расходы»². Известны также случаи, когда крестьяне опасались более тяжелых условий получения ссуд, чем при ростовщическом кредите.

Заседания Особого совещания в 1903 г. были направлены на обсуждение результатов работы комиссии Тернера. В итоге на основе подготовленных материалов (с некоторыми изменениями) Министерством финансов был разработан окончательный законопроект по мелкому кредиту и внесен на рассмотрение Государственного совета. В своих воспоминаниях Ф.Г. Тернер отметил, что «комиссия Витте собрала массу драгоценного материала по отношению к положению крестьян и разработала окончательно некоторые вопросы, но окончательное решение получило только небольшое число этих вопросов, между прочим и вопрос о мелком крестьянском кредите, который удалось даже провести через государственный совет»³.

В конечном итоге по инициативе Особого совещания было принято «Положение об учреждениях мелкого кредита» 7 июня 1904 г.⁴ На основании этого документа было образовано Управление по делам мелкого кредита при Государственном банке, на которое возлагался «высший надзор» за деятельностью подведомственных ему учреждений. На местах создавались губернские (областные) комитеты по делам мелкого кредита. Таким образом, была достигнута основная цель – установлен контроль государства за возникновением и

¹ Труды местных комитетов... Т. XXVI. Олонецкая губерния. СПб., 1903. С. 217.

² Труды местных комитетов... Т. XLII. Тверская губерния. СПб., 1903. С. 276.

³ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. СПб., 1911. С. 317.

⁴ ПСЗРИ. Собр. III. Т. XXIV. Отд. I. № 24737.

функционированием учреждений мелкого кредита. Популярный журнал «Вестник мелкого кредита» оценил Положение 1904 г. как едва ли не как единственный практический результат той колоссальной работы, какая была выполнена Особым совещанием¹.

В чем же заключались причины того, что вопрос о мелком народном кредите (один из очень немногих) получил законодательное разрешение? Одна из них сводится к тому, что «кредитный вопрос» был поставлен своевременно и был хорошо проработан Министерством финансов во многом благодаря заинтересованности С.Ю. Витте, который хотел создать эффективно работающую систему мелкого кредита. Еще до начала работы Особого совещания, читая лекции великому князю Михаилу Александровичу о народном и государственном хозяйстве, Витте проводил мысль о важности организации кредита, «особенно мелкого, близкого народной массе». Он подчеркивал, что «здесь необходима совершенно ясная и строгая постановка вопроса о кредите, не имеющем ничего общего с благотворительностью». По его мнению, «легко достающаяся ссуда в большинстве случаев не идет на производительные цели, а растрачивается; это капитал, потерянный для нации»². Однако в связи с тем, что аграрный вопрос не был решен, Витте в своих «Воспоминаниях» не без сожаления отметил, что Особое совещание разрешило «вопросы сравнительно второстепенные»³.

Другая причина состояла в том, что главные ведомства Российской империи (Минфин и МВД), имевшие разные точки зрения на проблему мелкого кредита, смогли достигнуть соглашения по данному вопросу. Это весьма отчетливо проявилось в Положении 1904 г., где были предусмотрены условия для развития как кооперативного, так и сословного кредита. Однако решающую роль все же сыграла позиция Николая II, который поддержал инициативу комиссии Витте.

Подводя итог, отметим, что Положение 1904 г. способствовало в дальнейшем развитию главным образом кредитных кооперативов под государ-

¹ Граф Сергей Юльевич Витте // Вестник мелкого кредита. 1915. № 10. С. 333.

² Витте С.Ю. Конспект лекций о Народном и Государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912. С. 130.

³ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 2. СПб., 2003. С. 548.

ственным контролем. Такая организация крестьянского кредита во многом помогла реализации аграрных преобразований П.А. Столыпина.

Литература

1. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. – 438 с.
2. *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. (Аграрный кредит в экономической политике царизма). СПб., 1997. – 354 с.
3. *Коцонис Я.* Как крестьян делали отстающими: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М., 2006. – 313 с.
4. *Лебедев В.Д.* Местные комитеты Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1904 гг.) // Отечественная история. 2001. № 5. С. 58–69.
5. *Миронов Б.Н.* Политика versus истина: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 2. Вып. 1. С. 8–30.
6. *Оболешев А.В.* Проблема мелкого народного кредита в комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в Орловской губернии // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 1 (64). С. 35–42.
7. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. – 245 с.
8. *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987. – 252 с.
9. *Щербакова И.К.* Государственная власть и аграрный вопрос в России в начале XX века (1902–1905 гг.). М., 2019. – 240 с.
10. *Macey D.* Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb, 1987. – 380 с.

© Будкина Ю.Б., 2023

**УЧАСТИЕ КРЕСТЬЯН В ВЫРАБОТКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОБЩИННОМУ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЮ
В НАЧАЛЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕСТНЫХ КОМИТЕТОВ
О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
КОСТРОМСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

В работе рассматривается отношение крестьян к общинному землевладению, влияние позиции населения деревни на правительственную аграрную политику.

Ключевые слова: Особое совещание; местные комитеты; крестьянство; община; Костромская губерния; Ярославская губерния.

Финансовый и промышленный кризис, неурожаи 1899 и 1901 гг., сильные волнения в деревне заставили власти вновь обратиться к крестьянскому вопросу. В связи с этим в январе 1902 г. учреждается Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством министра финансов С.Ю. Витте, активного сторонника проведения политики модернизации сельского хозяйства. Задачей совещания было, прежде всего, собрать и обобщить мнение сельских хозяев о мерах по преодолению кризисной ситуации в аграрном секторе. Для этого было решено образовать особые местные комитеты на уровне губерний (председатели – губернаторы) и уездов (председатели – уездные предводители дворянства), в которые вошли бы лица разных сословий и общественного положения. В результате такого решения к работе было привлечено около 12,5 тыс. человек и, по мнению современников, местные комитеты стали первым опытом массового опроса населения России [6, с. 362].

Отличительной чертой местных комитетов являлся широкий диапазон социального и профессионального состава участников. Особенно это касалось уездных комитетов. Так, в составе уездных комитетов 49 губерний Европейской

¹ Александров Николай Михайлович, кандидат исторических наук, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, dreem10@mail.ru, Россия, г. Ярославль.

России первое место принадлежало помещикам (26%), второе – чиновникам по назначению (25,6%), третье – лицам, занимавшим выборные должности в земствах (21,8%), четвертое – крестьянам (16,7%), пятое – представителям сельскохозяйственных обществ, специалистам по сельскому хозяйству (агрономы, землемеры), предпринимателям и прочим лицам (9,9 %). При этом надо учитывать, что общественное и сословное положение членов комитетов указано очень приблизительно, так как одни и те же лица могли быть одновременно причислены к двум и более группам – чиновники или земцы часто являлись помещиками, крестьяне – земцами. Кроме того, общественное положение 15,7% состава местных комитетов так и осталось невыясненным [5, с. 9; 3, с. 8–9].

Из приведенных данных видно, что представители крестьян составили значительную долю принимавших участие в работе местных комитетов. Учитывая тот факт, что к обсуждению насущных проблем деревни были широко привлечены и работники земских учреждений, состав комитетов оказался довольно демократичным.

Необходимо учитывать, что земцы в тот период были увлечены идеей либеральных преобразований деревни. В конце июня 1901 г. состоялся тайный съезд представителей земств, по итогам которого на места было разослано воззвание, содержащее «ближайшие задачи земской оппозиции» по демократическому переустройству общества [1, с. 555]. Местные комитеты могли стать удобной площадкой для либеральных взглядов. Это в действительности и произошло. По мнению историка земства Б.Б. Веселовского, работа местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности была «самым крупным шагом в земской жизни 1902 г.» [1, с. 568].

Особое совещание предложило местным комитетам опираться в своей работе на программу, присланную из столицы. При этом было указано, что они могут, по своему усмотрению, давать ответы на все пункты программы или только на часть из них, а также рассматривать вопросы, связанные с сельским хозяйством, но не вошедшие в нее. На местах по-разному отнеслись к порученному делу. Некоторые комитеты старались не выходить за рамки про-

граммы и стремились ограничиться краткими ответами на поставленные вопросы. Другие же очень внимательно отнеслись к возложенной на них обязанности: в их отчетах содержался анализ положения той или иной отраслсельского хозяйства, приводились данные специальных обследований. Многие комитеты воспользовались правом обсуждать важные для деревни вопросы, не включенные в программу: правовое положение крестьян, расширение прав земств и др. Два уездных комитета, по мнению власти, далеко зашедшие в обсуждении общеполитических проблем, за это были закрыты [6, с. 362–363]. Не обошлось и без арестов некоторых членов местных комитетов. Такой случай произошел с членом Тульского уездного комитета крестьянином М.П. Новиковым. Он написал записку, в которой подробно изложил причины тяжелого положения деревни, закончив ее политическими «требованиями тогдашних левых либералов». Это возмутило некоторых членов комитета. Они нажаловались министру внутренних дел В.К. Плеве. Крестьянин был арестован, отвезен в Петербург и посажен в тюрьму [4, с. 224–227]. Опасаясь за его судьбу, Л.Н. Толстой, хорошо знавший М.П. Новикова, отправил ряд писем с просьбами о его освобождении, в том числе С.Ю. Витте. В переписке председателем Особого совещания Лев Николаевич, зная позицию С.Ю. Витте, выразил уверенность в том, «что пользование комитетами, как ловушкой для вызывания и подавления лучших сил крестьянства, не встретит вашего сочувствия» [9, с. 314].

В большинстве местных комитетов России работа проходила без значительных эксцессов. Участники заседаний обсуждали проблемы села, предлагали пути выхода из сложившейся ситуации.

Степень вовлеченности крестьян в работу комитетов зависела от уровня демократических настроений местной власти. В одних случаях на заседаниях крестьяне были представлены только отдельными представителями сельской администрации – волостными старшинами. В тех местностях, где демократически настроенные земцы играли значительную роль в жизни деревни, крестьянство, как правило, активнее привлекалось в работе комитетов и на заседания приглашали всех крестьян – гласных уездного земства.

В земствах к началу XX в. был накоплен уже большой опыт совместной работы представителей разных социальных групп. В это время не было ничего удивительного в том, что рядом с дворянином-помещиком или чиновником сидел крестьянин и участвовал в обсуждении тех или иных проблем деревенской жизни. Так, в результате выборов 1865–1867 гг. в 29 губерниях страны в губернских земствах гласные из крестьян составили 10,6%. В уездных земствах их доля была значительно больше – 38,4%. В Костромской губернии из 369 уездных гласных 146 человек (38,2%) были крестьянами. В Ярославской губернии общая численность уездных гласных составляла 327 человек. Из них крестьянами были 34,2% [1, с. 49–50].

Кроме гласных и представителей сельской администрации к работе в комитетах могли быть привлечены и приглашены в качестве «экспертов» и «простые» крестьяне. Состав таких крестьян, как и других приглашенных, обычно обговаривался на первом заседании комитета. Так, в Ветлужском уездном комитете Костромской губернии в начале работы было решено, что в связи с тем, что комитету «предстоит выяснение нужд, главным образом, крестьянского населения», пригласить в качестве членов комитета крестьян – гласных земского собрания и лиц крестьянского сословия «выдающихся из их среды по уму или развитию»¹. В результате среди приглашенных оказалось восемь человек крестьян. В соседнем Варнавинском уездном комитете приглашенных крестьян было еще больше – 22 человека².

Руководством Мышкинского уездного комитета Ярославской губернии был составлен список лиц, которым было предложено принять участие в работе комитета и посланы вопросы программы с просьбой дать на них ответы. Список этот включал 38 человек. В него вошли местные чиновники, помещик, управляющие имений, члены земской управы, двое земских гласных из крестьян и четырнадцать крестьян-землевладельцев. Таким образом, крестьяне состави-

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 17. Костромская губерния. СПб., 1903. С. 228–229.

² Там же. Т. 17. С. 204.

ли почти половину всех приглашенных¹.

В некоторых случаях организация подбора представителей от крестьян поручалась земским начальникам.

Уровень активности крестьян в обсуждении рассматриваемых комитетами вопросов был разным. В большинстве случаев все сводилось к краткому высказыванию крестьянами своих позиций по тому или иному вопросу и участию в голосовании. Однако нередко отдельные представители крестьянства выступали с докладами или подавали записки, в которых подробно рассматривали разные проблемы села.

В уездных комитетах для первоначального обсуждения выносимых на общее заседание вопросов и подготовки заключения по рассматриваемым проблемам создавались специальные комиссии. В Кинешемском уезде Костромской губернии комиссия «по крестьянскому управлению» оказалась действительно «крестьянской». Из 18 ее членов 11 – были крестьянами².

В Чухломском комитете той же губернии в подготовительную комиссию вместе с председателем уездной земской управы Н.М. Перелешиним и земским начальником М.Н. Языковым вошел крестьянин И.И. Поляшев³. В данном случае представитель крестьянства оказался одним из главных действующих лиц комитета. Привлечение Ивана Ивановича в состав комиссии не было случайностью. Это был хорошо известный, уважаемый в округе крестьянин. Во время работы комиссии ему уже шел шестой десяток. За плечами были годы занятий строительным отходом в Петербурге, возвращение в деревню и успешная предпринимательская деятельность на родине. В начале XX столетия И.И. Поляшев владел мельницей, лесопильным заводом, несколькими земельными участками. Его дом-дворец являлся местной достопримечательностью [8, с. 318–324].

Приведенные факты указывают, что крестьяне, участвующие в работе комитетов, были достаточно образованы и подготовлены, чтобы доносить до

¹ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 49. Ярославская губерния. СПб., 1903. С. 167.

² Там же. Т. 17. С. 354, 360.

³ Там же. Т. 17. С. 507.

общества и власти свое видение решения проблем села.

Одной из таких проблем была проблема выбора наиболее удобной формы крестьянского землепользования. Несмотря на то, что этот вопрос не был включен в программу, он стал одним из наиболее обсуждаемых в регионе. Причем, как отмечал председатель Костромского губернского комитета, данный вопрос «вызвал, как и следовало ожидать, наибольшее разномыслие среди участвовавших в обсуждении»¹.

Известно, что после реформы 1861 г. землепользование на наделных землях в соответствии с принадлежностью земли распадалось на две крупные разновидности – общинное и подворное. Несмотря на то, что подворное землевание в регионе было развито слабо и абсолютное большинство крестьян пользовались общинной землей, функции общины как регулятора справедливого распределения земли ослабевали. Во многих общинах передел земли не производился со времени отмены крепостного права. Дело в том, что в Нечерноземной полосе земля требовала обязательного удобрения, достаточное и систематическое внесение которого было возможно лишь при продолжительном нахождении земли в одних руках. В начале XX в. Костромской губернии беспеределные общины составляли 76,5% всех общин, а в Ярославской еще больше – 87,0%². В результате значительная масса крестьян-общинников оказалась на положении подворных владельцев.

Проблемы дальнейшей судьбы общинного землепользования обсуждались и до работы Особого совещания. Так, в 1901 г. в одном из ярославских изданий сообщалось, что «заметки и наблюдения сельских жителей, близко соприкасающихся с крестьянским хозяйством, красноречиво свидетельствуют о назревшей необходимости перехода нашей поземельной общины от патриархальной убыточной «чересполосной» к подворно-участковой форме *землепользования*». В то же время автор статьи отмечал, что подворное землепользование при отсутствии индивидуального землевладения слабо изучено на практике [2, с. 18].

¹ Труды местных комитетов... Т. 17. С. 6.

² Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1895. С. 67–68.

В обсуждении наиболее удобной для крестьян формы землепользования представители этого сословия проявляли наибольшую активность. В Костромском губернском комитете рассматривали записку крестьянина С.Ф. Пылаева, содержащую его взгляды на общину. По мнению автора записки, община жестким регламентированием работ снижает производительность труда и для подъема сельского хозяйства «надо отдать землю в собственность», то есть С.Ф. Пылаев выступал за переход к подворному землевладению¹.

Сторонником реформирования существующего землепользования выступал и крестьянин Мышкинского уезда И.И. Ваганов. Он считал, что для введения передовых методов хозяйствования надо полевые участки закрепить за отдельными дворами, а выгоны оставить в общем пользовании².

Противником реформирования общинного землевладения выступил волостной старшина того же уезда Ф.А. Варваричев, считавший это нецелесообразным, так при увеличении семьи двор будет лишен возможности расширения площади надела³.

В докладе о сельской общине крестьянина И.Г. Гаврилова Ветлужскому комитету Костромской губернии предлагалось его решение вопроса. Будучи членом общины, автор считал, что он хорошо знает «ее хорошие и дурные стороны». По мнению И.Г. Гаврилова, современное сельское хозяйство настоятельно требует новых подходов. Община же в принятии нового является сильнейшим тормозом. Переход к подворному землевладению с предоставлением наделной земли на правах частной собственности, по мнению автора доклада, также не решает проблему. В этом случае часть крестьян останется без земли, которая постепенно будет переходить в руки наиболее экономически сильных и энергичных соседей, и образует новый вид сельского жителя – деревенский пролетариат. Надо думать «не о полном уничтожении общины, а о коренной ее переделке». Надельные земли должны быть переданы в пользование семьям крестьян, но без права их продажи, завещания или залога. Необходимо

¹ Труды местных комитетов... Т. 17. С. 127–129.

² Там же. Т. 49. С. 169.

³ Там же. Т. 49. С. 167–168.

дать крестьянину право свободного выхода из общины без земли. Таким образом, автор данного доклада выступал за сохранение общины, при установлении в деревне подворного землепользования.

Доклад крестьянина И.Г. Гаврилова обсуждался на заседании комитета и вызвал оживленную дискуссию. Следует отметить, что отношение к общине не определялось сословной принадлежностью участников дискуссии. Различные взгляды на общину имелись как среди дворянства, так и среди крестьянства¹. Данное положение наглядно показывает ситуация, сложившаяся в Варнавинском комитете Костромской губернии при голосовании о наиболее предпочтительной форме землепользования для крестьян:

- 26 членов комитета или 60,5% (в их числе 22 крестьянина, 1 землевладелец, 1 агроном и 2 чиновника) считали, что необходим обязательный раздел надельной земли на «потомственные» участки, т. е. выступали за переход к подворному землевладению;

- 13 человек или 30,2% (7 чиновников, 3 крестьянина, 2 землевладельца и 1 мещанин) предлагали оставить общинный порядок землепользования, но облегчить для крестьян выкуп земли в собственность;

- 1 член комитета – 2,3% (землевладелец) пожелал не менять существующий порядок общинного землевладения;

- 3 человека – 7,0% (крестьяне) воздержались при голосовании. При этом один из них заявил, что он лично предпочел бы обязательный раздел надельной земли на подворные участки, так как ему это выгодно: у него семья небольшая, а надел «достаточный» (кроме 15 дес. надельной земли семья имела около 18 дес. арендованной). Однако он считает, что его обремененные большими семьями односельчане (13 дворов), не имеющие таких больших земельных участков, не согласятся на переход к подворному землепользованию, т.к. надеются при новом переделе улучшить свое положение. Такого же мнения придерживались и два других крестьянина, считавшие, что в комитете они должны защищать не свои

¹ Труды местных комитетов... Т. 17. С. 293–296.

личные интересы, а интересы представляемых ими односельчан¹.

Итогом обсуждения проблем, связанных с крестьянским землепользованием, стало то, что и в Костромской и в Ярославской губерниях постановления различных уездных комитетов значительно отличались. Причем диапазон решений колебался от недопустимости отхода от старых порядков и «сохранения общинного владения землей, как исконно русской формы общежития» (Ветлужский уездный комитет Костромской губернии)² до уничтожения общинного землевладения и перехода к хуторскому хозяйству (Рыбинский уездный комитет Ярославской губернии)³. Такая же ситуация в решениях комитетов наблюдалась и в целом по стране [7, с. 69–77]. Итак, материалы местных комитетов дают основание полагать, что впервые в новой истории России к обсуждению не только местных, но и общегосударственных вопросов были привлечены представители разных слоев населения, среди которых значительную часть составляли крестьяне. В какой-то степени работа местных комитетов стала «генеральной репетицией» совместной работы представителей разных социальных групп в будущей Государственной думе.

Имеющиеся источники показывают, что среди крестьянства, также как и среди представителей других слоев населения к началу XX в. не было единого мнения о дальнейшей судьбе общинного землевладения. Многие сельские жители выступали за реформирование в той или иной степени общинных отношений. Подобные настроения в российском обществе не остались незамечены властью. 26 февраля 1903 г. Николай II издал указ, в котором говорилось о сохранении неприкосновенности общинного строя, но в то же время вводились некоторые новшества: отменялась круговая порука и облегчался выход крестьян из общины. В дальнейшем, при смене правительственного курса в деревне, П.А. Столыпин столкнулся с большими трудностями, которые во многом объяснялись тем, что деревня по отношению к общине к началу XX в. хотя и была расколота, но значительная ее часть выступала за сохранение основ общинных порядков.

¹ Труды местных комитетов... Т. 17. С. 205.

² Там же. Т. 17. С. 262.

³ Там же. Т. 49. С. 67.

Литература

1. *Веселовский Б.Б.* История земства за сорок лет. Т. 3. СПб., 1911. – 708 с.
2. *Воробьев К.Я.* Община и чересполосица и Ярославская полевая «сотня» // Статистический сборник по Ярославской губернии. Выпуск 10. Ярославль. 1901.
3. *Миронов Б.Н.* Политика versus истина: особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Вып. 1. 2008. С. 8–30.
4. *Новиков М.П.* Из пережитого. М., 2004. – 557 с.
5. Общий обзор трудов местных комитетов / Сост. С.И. Шидловский. СПб., 1905. – 239 с.
6. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Доп. Т. II. СПб., 1906.
7. *Риттих А.А.* Крестьянское землепользование. СПб., 1903. – 126 с.
8. *Смурова О.В.* Хозяйственные аспекты жизни костромского крестьянина Ивана Иванова Поляшева (1850 – 30-е гг. XX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2016. С. 318–324.
9. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 73. – 386 с.

© Александров Н.М., 2023

КАТЕГОРИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Определены категории сельского населения России, характеристики которых играли важную роль в проявлениях активности крестьянства в годы Гражданской войны. Высказано соображение о том, что историко-культурные и хозяйственные особенности могли обретать военно-политическое измерение.

Ключевые слова: Гражданская война; крестьянство; социальные группы; Россия.

Проблема предпосылок революции представляет собой сложную тему. Наличие кризиса и обнищания накануне глубокой социальной революции сегодня перестало являться аксиомой. Напротив, быстрый рост, при котором ожидания и потребности обгоняют реальное изменение жизни, становится важной предпосылкой революционного взрыва. Можно вспомнить незавершенный за кончиной автора интересный проект Г.М. Гольца, сопрягшего развитие культуры и экономики на длительном отрезке времени [2]. Дискуссия о благосостоянии населения предреволюционной России, инициированная новой работой Б.Н. Миронова [7, 8], оказалась бурной. Монография собрала значительное количество рецензий. Вскоре последовала фундаментальная работа М.А. Давыдова с оценкой реформаторских усилий предреволюционных лет и выводом об успешности преобразовательных начинаний [3]. Указанные крупные работы и общественный интерес к ним показывают важность связи культурных и хозяйственных характеристик социально-политическими проявлениями 1917-го и последующих годов, важность неочевидных признаков благополучия или неблагополучия, массовых ожиданий, различных тенденций развития в разных областях жизни. Широкомасштабная гражданская война востребует самые разные конфликтные потенциалы социума. Далеко не все из них имеют политическое измерение, но неизбежно приобретают его по мере развития противостоя-

¹ Посадский Антон Викторович, доктор исторических наук, Поволжский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Саратов), Posadav68@mail.ru, Россия, г. Саратов.

ния. Разнообразие сельской жизни, традиций и исторической памяти также проявлялись в условиях дезинтеграции и развития междоусобной борьбы. В свое время В.Т. Анисков предложил удачное направление исследований такого профиля под наименованием «военно-историческое крестьяноведение» [1]. Сам он работал на материале Великой Отечественной войны. Полагаем, что материал войны Гражданской дает более богатые возможности увидеть, как различные характеристики крестьянства в локальном измерении обеспечивают ту или иную степень участия, сплоченности, векторы этого участия, ассоциирование себя с теми или иными политическими силами.

В советской традиции крестьянство рассматривается в трех привычных ипостасях кулака, середняка и бедняка. В экономическом отношении могла рисоваться более сложная картина, но политически представители «сельской буржуазии», «сельского пролетариата» и расслаивающейся середины были практически неизбежны в марксистском представлении о социуме. Надо сказать, что эго-документы Гражданской войны демонстрируют некое смысловое наполнение этих, казалось бы, не столько экономических, сколько конъюнктурно-политических категорий в конкретных обстоятельствах внутридеревенской борьбы. Данный сюжет можно рассматривать как самостоятельную и интересную проблему бытия и поведения крестьянства в годы Гражданской войны.

В дальнейших рассуждениях о крестьянстве мы имеем в виду русское крестьянство в широком смысле этого слова. Русский народ делится на десятки субэтносов. Обычно на слуху наиболее очевидные — поморы, сибиряки-старожила, казаки. Хотя казаки, например, не образуют единого субэтноса, — таковых казачьего происхождения существовало порядка десяти. В условиях распада, дезорганизации, необходимости выживать субэтнические качества могут выступать как ресурс солидарности и самоорганизации. Рассмотреть местные сюжеты Гражданской войны под данным углом зрения представляется перспективным.

Активность отдельных персон, селений и местностей в Гражданской войне нуждается как в концептуализации, так и в дальнейшей разработке кон-

кретно-исторического материала. Демографический фактор как серьезная основа революционных событий активно рассматривается в современной историографии. Трудно согласиться с экстремальным преувеличением роли этого фактора [9]. Однако концепция В.Л. Дьячкова, которая доказательно связывает демографическую перегрузку с ростом социальной агрессии, представляется актуальной [4, 5]. Действительно, большой «демографический мешок» Тамбовской губернии стал территорией Антоновского восстания. Таким образом, значительный запас социальной энергии для массового движения может быть надежно локализован. В.А. Степынин писал о феномене усталости крестьян при выступлениях на материалах 1905–1907 гг. в черноземных губерниях: активно выступившее селение не поднималось при новом общем подъеме [15]. Действо оказывалось затратным, сказывались и репрессии власти. Проблематика активности и пассивности тех или иных местностей в событиях 1905–1907, 1917–1918 гг. рассматривается в недавней книге О.М. Морозовой и М.Е. Разинькова [13]. Авторы приходят к выводу, что совокупно действовали различные факторы, и объяснять события исходя из примата земельных отношений невозможно. Работала вся линейка факторов, начиная от демографического давления как фактора роста агрессии, и заканчивая локальными политическими традициями 1905 и последующих годов [13, с. 407–425].

Таким образом, неравномерность военно-политической активности крестьянства может быть удостоверена. Необходимо выяснить, какие факторы влияли или могли повлиять на формирование устойчивых центров крестьянской военно-политической активности в годы Гражданской войны.

Наиболее известными разделениями в крестьянстве можно считать следующие. Во-первых, в ходе революционных земельных преобразований проявилось различие в поведении и активности бывших помещичьих и государственных селений. Натиск на помещичье землевладение осуществляли прежде всего бывшие помещичьи села. В значительной степени они же переняли борьбу против социалистических экспериментов. Так, антоновская деревня на Тамбовщине – это бывшая помещичья деревня. Во-вторых, ярко выделяются

две категории сельского населения, которые обеспечили в своих регионах массовое участие в войне. Первая – это иногороднее население в казачьих областях, вторая – горнозаводское население на Урале. Иногородний массив на Дону, Кубани и Тереке имел свои счеты с казаками. Всякого рода паритеты и правительства доверия на начальном этапе Гражданской войны не удались, а откровенно сословная диктатура отбросила иногородних в красный лагерь. На Урале и в Прикамье специфический уклад заводов, которые имели угожья, а их рабочие – собственные дома и приусадебные участки, создавал особое настроение. Окрестные волости были хозяйственно связаны с заводами. Именно эти края – Уфимская, Пермская, Вятская губернии дадут значительные кадры белым и массовое беженство с отходом армий А.В. Колчака.

Однако есть и иные, менее очевидные или более регионально разнообразные категории сельского населения, которые стоит иметь в виду при анализе позиции крестьянства в Гражданской войне.

Крестьянская революция, если рассуждать в рамках концепции В.П. Данилова, и аграрная реформа П.А. Столыпина двигались «наперегонки», создавая свои группировки и разделения в крестьянской среде. Революционное (эсеровское, прежде всего) и черносотенное движения, сильно разделившие деревню в 1905–1906 гг. в немалом числе губерний, также стали заметным фактором после 1917 г. «Аграрники» и «черносотенники» были понятными для всех категориями, нередко с тяжелым грузом личной и межсемейной вражды. Среди высланных за революционную деятельность и пропаганду в 1906–1907 гг. примерно пополам распределились административно высланные и высланные по приговорам сельских сходов. Возвращение последних с весны 1917 г. в роли мучеников революции неизбежно добавляло остроты в местные взаимоотношения. Прежние категории стали именоваться по-иному – «кулаки», «фронтовики», «активисты» и т.п., старая вражда облекалась в новые одежды. Так обстояли дела, например, в степном самарском Заволжье, где формировались полки В.И. Чапаева и А.П. Сапожкова, и параллельно росли кадры их врагов, опиравшихся на соседство уральских казаков.

В ходе правительственных преобразований деревня стремительно менялась, где-то возникали очаги длительного и болезненного противостояния. Один из ярких примеров – Волотовское дело (Лебедянский уезд Тамбовской губернии). Столыпинская аграрная реформа шла весьма неравномерно даже по уездам одной губернии. Нам уже приходилось рассматривать материал довольно проблемной Саратовской губернии [10]. В Поволжье и иных губерниях, где конфликтность в годы реформы была высока, внутридеревенская вражда трансформировалась в межгрупповую борьбу уже в пореволюционной деревне. Отчасти наследником процессов преобразования стал бурный процесс выделения новых волостей в ходе революционного земельного передела. При этом каждый сюжет выделения новой волости означал наличие некоего соседского конфликта или ожиданий более благополучного существования после обособления.

В центрально-промышленных губерниях распространен феномен фабричного села, с большей, чем в черноземных губерниях, подвижностью населения и большей долей неземледельческих занятий. Мотивации к общественной активности в таких регионах проявлялись иначе, в том числе хронологически. В частности, для местностей с привозным хлебом в условиях крушения рынка неизбежной оказывалась мешочническая активность или формирование продотрядов. Ремесленная жизнь подразумевает широкие связи, известную зажиточность и большую вовлеченность в товарно-денежные отношения, нежели у коренных земледельцев. Поэтому ремесленные села – это еще одна версия судьбы сельского населения в годы междоусобицы. В начальный период революции крупные ремесленные слободы страдали от ликвидации свободного рынка раньше и сильнее, чем от собственно прямых изъятий в рамках военного коммунизма. Кроме того, некоторые ремесленники, например, сапожники, могли получать отсрочку от призыва, в 1917–1918 гг. Это добавляло конфронтационных ноток в отношениях с вернувшимися односельчанами-фронтовиками. Один из ярких примеров – уже упомянутый фабрично-заводской район на Урале.

В условиях демографического перегрева деревня неизбежно выбрасывала

за пределы локального мира большие массивы молодежи. Молодежь, сходявшая, например, в каменноугольный бассейн, вызывала нарекания со стороны священников, так как приносила домой весь набор брутальной социализации хулиганско-революционного толка. Еще с 1905 г. отходнические волости могли являться застрельщиками собственно аграрных выступлений. Бичом предреволюционной деревни стало хулиганство – продукт бурного демографического роста, с одной стороны, и расшатывания основ сельского традиционализма, с другой. Оно вызвало общественный резонанс, стало изучаться молодой русской социологией как принципиально новое явление. Грань между хулиганством и революционным радикализмом была очень тонкой. Средний возраст членов политических партий в России предреволюционных лет: от едва ли ни 60 лет у правых до менее чем 40 у большевиков четко показывает, у кого были все шансы получить громадный ресурс молодежной активности в условиях политических перемен.

Следует также обратить внимание на группы сельского населения с богатой исторической памятью и некрестьянским прошлым. Для черноземных губерний это – многочисленные однодворцы. Для них характерны замкнутость, браки в своей среде, жизнь отдельными поселениями. М.К. Любавский замечательно описывает историю колонизации черноземных пространств, начиная с XV в., показывая как крупную роль городов со служилым населением, так и значение вольной крестьянской колонизации. Мелкие служилые люди со временем попали в разряд государственных крестьян, оставшись потомками детей боярских, стрельцов, казаков, поселенных драгун и иных служилых категорий [6, с. 297–310]. Изучение однодворцев продолжается и сегодня [16]. Самосознание однодворцев ставило их выше крестьянского массива, что и объективно, в области хозяйственных практик, грамотности, общественной активности, было так. Среди однодворцев были и потомки служилого казачьего населения. Аналогичной категорией в западных губерниях выступала мелкая шляхта, в украинских губерниях – население с казачьей памятью на прежних Слобожанщине и Гетманщине. Историческая память, особенности быта, внутренняя

замкнутость усиливали солидарность и уверенность таких поселений в ситуациях неопределенности или внешних угроз. Украинские казаки и крестьяне, возможно, даже запорожцы, со второй половины XVII в. стали осваивать пределы будущих Воронежской и Саратовской губерний. Первая к моменту революции на треть была украиноговорящей. В Прихоперье однодворческая память переплеталась с вольно-казачьей. Так, Новохоперский уезд имел около одной седьмой части украиноговорящего населения. Крупные села этого уезда активно проявили себя в зеленом движении летом 1919 г.

В годы Гражданской войны можно уверенно выделить более солидарные и активные выступления крестьян с обрисованным историческим прошлым (например, в Игуменском уезде Минской губернии, Новохоперском уезде Воронежской губернии). Одним из интересных феноменов Гражданской войны явилось оказывание: либо становление казачьих общин, которые не существовали официально, но имели носителей памяти (Енисейское и Иркутское войска), либо открытие крестьянам дороги в казачье сословие на началах несения службы с одновременным извержением казаков, ушедших к красным (Дон, Семиречье). Соответственно, было и стихийное саморасказывание тех представителей сословия, которые оказывались на красной стороне.

В связи со сказанным можно предполагать большую жизненную стойкость в условиях Гражданской войны сел старого заселения. Данное наблюдение коррелирует с социологическими исследованиями дня сегодняшнего, которые фиксируют большую солидарность таких сел и большие адаптивные способности: коренные села сохраняются, переселенческие – исчезают.

Села и целые районы имели репутации, иногда довольно brutальные – грубые, разбойные, «самосудные», конокрады и т.п. Такие качества также могли трансформироваться в военно-политический активизм в пореволюционной деревне. В частности, известная зажиточность и достаточная дерзость требовались для широко распространившегося самогонварения. Самогон выступал и психологическим амортизатором, и безденежной валютой, и средством смягчать любого приходящего в село «человека с ружьем». Особенно активным

было самогоноварение в хлебных районах. С этой практикой пытались бороться все власти, не исключая повстанческих. Самогоноварение рассматривалось как предпосылка к партизанскому (под властью А.В. Колчака, например) или контрреволюционному (на советской территории) выступлению [14].

Весьма значителен в крестьянских выступлениях после 1917 г. религиозный мотив, хотя он редко выходил на первый план. В последнее время были высказаны довольно смелые соображения о беспоповцах как массовой базе большевизма [11, 12, 17]. Тема требует детальных исследований, но сам сюжет масштабен и значим для понимания крестьянской позиции в Гражданской войне. Действительно, существовали устойчивые и обширные староверческие районы, как горнозаводской Урал или значительные районы Поволжья. Среди однодворцев же староверие не держалось. Тамбовщина имела славу «мистического центра России» с россыпью сект, развивавшихся среди помещичьих крестьян, в качестве амортизации крепостной зависимости. Развитию сектантства могла способствовать грубая противосектантская деятельность православного духовенства. Например, молокане могли выступать ресурсным центром при вооруженных выступлениях, уступая активную роль казакам. Так было во время Амурского или Зазейского восстания в начале 1924 г.

С 1914 г. деревня стала наполняться потоками беженцев. Сначала это были беженцы из западных губерний. К ним присовокуплялись военнопленные, раздававшиеся крестьянам для работ. Статус этих военнопленных с осени 1917 г. дрейфовал в сторону все большей неопределенности. После 1917 г. стали появляться горожане, перебивавшиеся в хлебные края или скрывавшиеся от новых властей. Особой категорией стали рабочие-коммунары, пользовавшиеся поддержкой советских властей. Большие массивы рабочих в условиях деиндустриализации возвращались в деревню. Весь этот разнообразный многомиллионный массив чужаков также каким-то образом проявлял себя в событиях междоусобицы, что требует дальнейших исследований.

Указанные характеристики могли совмещаться и создавать локальные линии поведения крестьянства в масштабах селения, группы волостей или уез-

дов. Роль различных факторов в развитии крестьянского движения в отдельных местностях может уточняться средствами микроистории.

Исследования показывают, что отдельные категории сельского населения в годы Гражданской войны могли приобретать военно-политическое измерение. Более массовые и солидарные, организованные повстанческие выступления сел и районов с культурно-историческими особенностями дают возможность по-новому взглянуть на структуру, политические разделения и мотивации сельского населения России в годы Гражданской войны.

Литература

1. *Анисков В.Т.* Крестьянство против фашизма, 1941–1945: история и психология подвига. М., 2003. – 500 с.
2. *Гольц Г.А.* Культура и экономика России за три века, XVII–XX вв. Т. 1 : Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск, 2002. – 535 с.
3. *Давыдов М.А.* Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте – Столыпина. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 2016. – 1072 с.
4. *Дьячков В.Л.* Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1 С. 128–141.
5. *Дьячков В.Л.* Красные, белые, зеленые Гражданской войны в России: истоки взрыва социальной агрессии и ее политического спектра. Ч. II. Некоторые результаты маркировки социальной агрессии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24. № 178. С. 149–174.
6. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. – 682 с.
7. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. – 911 с.
8. *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2012. – 844 с.
9. *Нефедов С.А.* Реабилитация Николая II // Былые годы. 2013. № 4. С. 5–19.
10. *Посадский А.В.* Потенциал и тормоз реформы: Саратовская губерния // Правда Столыпина. Сб. сост. Г. Сидоровнин. Альманах. Вып. I. Саратов, 1999.

С. 253–264.

11. *Пыжиков А.В.* Корни сталинского большевизма М., 2015. – 384 с.
12. *Пыжиков А.В.* Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М., 2016. – 532 с.
13. *Разиньков М.Е., Морозова О.М.* Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М., 2021. – 714 с.
14. *Рышков В.М.* Водка казенная, самогон домашний // Родина. 2002. № 6. С. 50–52.
15. *Степынин В.А.* Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905–1907 годов. Воронеж, 1991. – 166 с.
16. *Чуркин М.К.* Однودворцы Черноземного Центра как локальное сообщество (вторая половина XVIII – начало XX в.): этнокультурная идентичность и миграционная мобильность // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 2. С. 19–27.
17. *Шахназаров О.Л.* Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 72–97.

© Посадский А.В., 2023

КРЕСТЬЯНСТВО ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЛИКЕ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ²

Гражданская война оказалась тем фактором, который резко ускорил процесс раскрестьянивания, под которым здесь понимается процесс разрушения традиционной крестьянской общности. Произошел разрыв преемственности, сформировалось особое поколение, удачно названное «поколением революционного перелома», со своими ценностями и целями. Еще одной новацией стало фактическое исчезновение прежних форм протеста, и появление новых, что объясняется не только внешними условиями, но и серьезными переменами в крестьянском сознании.

Ключевые слова: раскрестьянивание; «поколение революционного перелома»; «поколение революции»; условные поколения внутри «поколения революции»; формы протеста.

Очевидно, что последствия любой гражданской войны можно предсказать даже теоретически. В экономической сфере – ухудшение положения практически во всех областях хозяйства. В политической – установление режима победившей стороны, причем с достаточно радикальным видением нового мироустройства – без сочувствия к проигравшим и неприязнью, прорывающейся в разных формах, в отношении к тем, кто пытался удержаться в стороне от ожесточенного военного противостояния. В демографической и социальной сферах – большие людские потери, миграции населения, изменения, порой весьма ощутимые, в структуре населения. В ментальной сфере – желание возмездия, разрушение традиционных систем воспитания и образования, обесценивание человеческой жизни, разрыв со многими традициями. В целом же можно констатировать, что ни одна социальная группа не сможет и не будет существовать как прежде.

Применительно к российскому крестьянству после гражданской войны

¹ Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, d_safonov@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18- 00132 <https://rscf.ru/project/22-18-00132/> «Поколение “революционного перелома” в судьбе российской деревни первой трети XX века».

(точнее, войн – мировой и гражданской, поскольку они в принципе неразделимы), возможно говорить об углублении процесса раскрестьянивания. Само понятие «раскрестьянивание» является предметом споров сегодняшних исследователей: при всеобщности принятия данного понятия нет единства в видении и толковании его содержания. Достаточно указать, что на последней, XXXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, этот вопрос поднимался снова и снова (Л.Н. Мазур, О.В. Горбачев, В.А. Ильиных и др.). Не ставя целью углубляться в проблему, отметим, что здесь мы понимаем раскрестьянивание прежде всего как процесс разрушения традиционной крестьянской общности.

Уместно указать, что если современные авторы сходятся в трактовке раскрестьянивания как радикальной трансформации базовых институциональных характеристик крестьянства, причем не одномоментной, то нет единства относительно видения временных рамок этого процесса (в максимально широкой интерпретации – с пореформенного периода до 70-х гг. XX в.), и относительно внутренних этапов внутри этого периода.

Разрушение прежней крестьянской общности было неизбежно. Еезаконсервированные устои начали ощутимо подтачиваться уже после отмены крепостного права и прочих буржуазных реформ в условиях наступающего капитализма. На этот объективный процесс влияли и рост мобильности отдельных членов крестьянских обществ, и поступательное усиление влияния «внешнего» мира. Шло постепенное, порой малозаметное, но постоянное разрушение патриархальных связей, традиций, образа жизни; даже поначалу разрушение в собственном смысле этого слова, но взятие их как бы на излом конкретными людьми, событиями и т. п. Процесс этот был неуправляемым и неконтролируемым, растянутым во времени – до ощутимого перехода количества в качество было еще далеко. Крестьянин, ушедший в город на заработки, подвергался воздействию иной среды обитания, перенимал не всегда лучшие правила и нравы (подробнее см.: [1]).

Если ранее из общины во «внешний» мир уходили единицы, то они хотя

и менялись, по возвращении среда с переменным успехом нивелировала их. Все упиралось в критическую массу уехавших и возвращавшихся – когда их становилось достаточно много, чтобы задавать свои правила. «Чуждые» нравы и правила стали укрепляться и на селе¹. Полагаем, что к началу XX в. стало возможным говорить о достижении необходимого уровня – с определенной дифференциацией по регионам из-за удаленности от центра.

Разумеется, никто не говорит о всеобщности или повсеместности подобного явления. В итоге, даже если допустить, что последующих социальных катаклизмов по какой-либо причине не произошло, то прежде существовавшая общность все равно разрушалась бы, хотя и более медленно. Таким образом, вопрос не в разрушении прежней общности как таковой, но в скорости этого процесса. Хотя можно понять позицию тех, кто напрямую связывал и связывает раскрестьянивание с мировой и гражданской войнами, с советскими новациями. И все же, мы полагаем, что все эти факторы лишь ускоряли уже начавшийся процесс. Результат раскрестьянивания – создание новой общности. В таком случае каждый новый этап есть очередное продвижение по пути разрушения крестьянской общности предшествующего периода – т.е. дореформенной или традиционной. Или же каждый этап формирует новую общность, и последующий разрушает именно ее? При таком подходе возможно говорить о новациях следующего этапа по отношению к предшествующему.

Итак, о каких новациях можно говорить для послевоенного периода? Несомненно, серьезное влияние на крестьянство в целом оказали войны – мировая и гражданская. Очевидными их последствиями были отток из села работоспособного и репродуктивного населения с последующей невосполнимой убылью, сокращение численности тяглового скота, уменьшение посевов и ряд иных явлений, сопровождающих, в принципе, любую войну. Все это последствия предсказуемы и со временем компенсируемы.

Серьезная особенность рассматриваемого периода заключается в масшта-

¹ Так, в «Оренбургской газете» конца 1890-х гг. в небольшой заметке о падении нравов в деревне под влиянием городской жизни в качестве доказательства приводились строки частушки, услышанной в Оренбургском уезде: «Возьму ножик, возьму вилку, и зарежу мою милку» [11, с. 119].

бах происходившего – никогда прежде военные действия новейшего времени не охватывали такой огромной территории; исчезла локализация боевых действий. За мировую войну было 24 призыва; можно говорить о складывании поколения воюющих (воевавших). Значительную часть призванных составляла молодежь. Из 15,5 млн призванных 7,6 млн, или 49%, было в возрасте 20–29 лет было [4, с. 64]¹. В армию, согласно сельскохозяйственной переписи 1917 г., было призвано 47,4% трудящихся мужчин, участвовавших в производственном процессе [4, с. 61]. А затем мировая война переросла в войну гражданскую, с ее собственной спецификой. К дополнительным субъективным факторам мы бы отнесли большевистскую (коммунистическую) идеологию, привносящую в крестьянскую среду новые линии раскола и, разумеется, голод 1920–1921 гг.

В итоге за очень короткий срок, не сопоставимый даже с жизнью одного поколения, происходит исчезновение прежней системы влияния сельского социума на человека. Перемены в сознании селян были настолько массовыми и ощутимыми, что можно сделать однозначный вывод о полном разрушении того микрокосма, каковым являлся крестьянский мир ранее, во времена условного противостояния его с остальным, окружающим миром («мы» и «они»). Впрочем, ускоренное развитие в пореформенный период российского общества вообще, и крестьянства, в частности, оставило подобное противопоставление в прошлом. Крестьянство, как и другие социальные группы российского общества, с каждым поколением постепенно менялось. В свое время Т. Шанин говорил об истории поколений и «поколенческой истории», полагая, что без изучения таковой многое останется непонятным [12, с. 11]. Он же инициировал проект особого научного взгляда на Россию как историю смены поколений. В свою очередь социолог Ю. Левада предложил понятие «поколение революционного перелома», имея в виду «условно 1905– 1930 гг.», где активными участниками были люди, родившиеся «примерно в 90-х гг. XIX в.» [6, с. 34]. В настоящее время ряд исследователей достаточно эффективно исследует «поколение революционного перелома» или «поколение революции» [2; 3;

¹ Если прибавить «моложе 20 лет», а это еще 16 %, то получается 64 %, или 10 млн 100 тыс. чел. [4, с. 64].

8; 9; 10]. Перемены в сознании вплоть до первой революции можно полагать эволюционными; далее ситуация усложнялась, а в период войн ощутимо ускорялась. В условиях войн происходило быстрое взросление молодежи, вырастающей вне традиционной среды: социальной, воспитательной и даже образовательной. Причем в данном случае мы имеем в виду рожденных после 1898 г., поскольку родившиеся ранее попадали под призывы и потому на время уходили с мест постоянного проживания. В дальнейшем, по возвращении, они составили особую группу, которую принято называть «фронтовиками» – в разное время данный термин имел различное смысловое наполнение, но сама тесная взаимосвязь между переменами в их взглядах и сознании и участием в военных действиях практически никем не ставилась под сомнение. А вот не попавшие под призывы 1914–1917 гг. по причине юного возраста уже формировались несколько иными¹. На первый взгляд, по малолетству они продолжали существовать в той социокультурной и ментальной среде, в которой находилась деревня. Но и российская деревня существовала не как единая система, и не в схожих условиях. Одни населенные пункты оказывались захвачены волной вооруженного противоборства различных сил – и не один раз. Их население, прежде всего молодежь, логикой событий было втянуто в происходящее. Другие же поселения, условные «медвежьи углы», оставались не только вне происходящих событий, но и как бы вне жизни в целом. Уместно процитировать письмо атамана Оренбургского казачьего войска А.И. Дутова А.В. Колчаку от 24 апреля 1919 г.: «Налоги земские не вносятся, а служащие разъехались, больницы в деревнях почти везде закрыты, лекарств нет, денег персоналу не платят, содержать больницы нечем. Школы не работают, учителей нет, жалованье им не платили за полгода и больше, все почти поступили в чиновники или же в кооперативы. Дороги не исправляются, мосты не чинятся, все разваливается. В деревнях нет ситца, нет сахара, нет спичек и керосину. Пьют траву, самогонку,

¹ Поделюсь своим наблюдением о мемуарах молодежи того периода. В принципе, по ним с достаточной долей вероятности можно определить возраст автора – конец 1890-х либо начало 1900-х гг., даже если возраст точно не указывался. Бросающееся в глаза различие: те, кто постарше, рассказывали о своих трудностях; те, кто помоложе – о трудностях, пережитых старшими, но с дежурными фразами об эксплуатации.

жгут лучину» [5, с. 198]. По сути, население глубинки во время активного противостояния, вплоть до укрепления советской власти в регионе, было предоставлено само себе. И если год-полтора такого существования не могли полностью разрушить (деформировать, надломить – но все же не разрушить) ценностные ориентиры и представления взрослого населения, то для младшего поколения разрыв оказался роковым.

Мы полагаем, что восприятие «поколения перелома» как чего-то единого несколько упрощено. Если брать «поколение перелома» именно как людей, принимавших активное участие в событиях, ограниченных периодом 1905–1930 гг., то да, можно говорить о едином поколении; впрочем, с оговоркой, что к нему же принадлежат и те, кто вел себя пассивно, пытался, перефразируя аббата Сийеса, «оставаться живым»¹. Иными словами, все жившие в этот период есть одно поколение. Если же брать «поколение перелома» глубже, акцентируя внимание на переменах в сознании, то это точно не одна общность, а несколько «поколений в поколении». Некоторые из них мы уже назвали выше: фронтовики, первые комсомольцы; возможно, другие исследователи предложат свои варианты.

Есть еще один важный момент, который также следует отнести к определяющим. В изменившихся условиях резко возросло числооткрывавшихся перед сельскими жителями возможностей, среди которых было не только получение прежней помещичьей земли или смягчение налогового бремени в рамках традиционного тезиса о якобы вечном желании крестьян обрести именно «землю и волю». Обычно считают, что крестьянин не мыслит себе существования без работы на земле². Однако, как можно судить по ситуации в рассматриваемый нами период, крестьяне достаточно массово стали использовать возникавшие в новых условиях окна возможностей, чтобы кардинально поменять среду обитания и образ бытия вообще. Оказалось, что в условиях начинающегося голода более надежным условием для выживания было не обеспечение земель, посевным материалом и т.п., но причастность к системе распределения матери-

¹ Согласно апокрифу, современник Великой Французской революции, аббат Э.Ж. Сийес на вопрос, заданный после 9 термидора, что он делал в годы террора, ответил «J'ai vécu» (Я оставался жив) [13, р. 719].

² Подробнее о нашем критическом отношении к данному тезису см.: [7].

альных благ, прежде всего продовольствия. Оказалось, что выгодно быть бедняком, поскольку этот статус давал дорогу во власть, обеспечивал гарантированное получение продовольственной помощи и иные преференции. Самые благоприятные условия хозяйствования выглядели менее привлекательно, чем возможность улучшения условий существования другими путями – через превращение крестьянина в городского рабочего, советского или партийного работника, иные занятия, не связанные с сельскохозяйственным трудом. Немыслимые в прежних условиях возможности возникших социальных лифтов тоже следует отнести к новациям наступившей послевоенной эпохи.

Происходят и значительные изменения в социальной активности крестьян (социальном протесте). Для дореволюционного периода, до 1917 г. включительно, крестьянский протест фиксировался в документах, что позволило прийти к единообразному учету (тип «хроник») форм протеста и созданию условий для их изучения и достаточно успешного анализа. В условиях революции и гражданской войны старая система контроля и учета рухнула, новая сложилась не сразу, возникли информационные лакуны, что, по общему справедливому признанию, означало не исчезновение протеста, но исчезновение источников информации о нем. На завершающем этапе гражданской войны (1920–1921 гг.) наблюдаются множественные проявления повстанчества, которое справедливо считается пиком крестьянского протеста. А в последующие годы крестьянский протест просто «исчезает». Советская историография объясняла ситуацию введением нэпа и, соответственно, исчезновением причин для протеста. Реально протест не исчез, но изменился; современные исследователи отмечают исчезновение прежних и появление совершенно новых форм протеста, он становится более скрытым.

Мы полагаем, что изменение форм социальной активности крестьянства произошло не только в результате изменения экономических и политических условий, но и переменами в сознании крестьян.

Литература

1. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.; Тамбов. 2004. – 304 с.
2. *Вязинкин А.Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. 2022. № 7. С. 153–165.
3. *Вязинкин А.Ю., Якимов К.А.* Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1296–1303.
4. *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2014. – 543 с.
5. Гражданская война на Южном Урале. 1918–1919: сб. документов и материалов / гл. ред. П.С. Лучевников. Челябинск, 1962. – 440 с.
6. *Левада Ю.А.* Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М., 2006. – 384 с.
7. *Сафонов Д.А.* «Земля и воля» как вековая мечта российского крестьянства // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25. № 189. С. 149–154.
8. *Слезин А.А.* Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей // Вопросы истории. 2022. № 8. С. 106–128.
9. *Слезин А.А., Якимов К.А.* Общественные настроения крестьянпоколения «революционного перелома» на рубеже 1920–1930-х годов // Науч. диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 453–469.
10. Труды института крестьяноведения Южного Урала им. В.П. Данилова. Вып. 4. Оренбург, 2012. – 270 с.
11. *Шанин Т.* История поколений и поколенческая история // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 3. С. 6–25.
12. *Knowles E.* The Oxford Dictionary of Quotations. Oxford, 2001. – 1768 p.

© Сафонов Д.А., 2023

СПЕЦИФИКА ЗЕМЕЛЬНОЙ АРЕНДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАЕМНОГО ТРУДА В ЧЕРНОМОРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1920-Е ГГ.

В статье рассматриваются природные и социальные факторы, обусловившие особенности земельной аренды и применения наемного труда в крестьянских хозяйствах Черноморского округа в период новой экономической политики.

Ключевые слова: земельная аренда; наемный труд; черноморская деревня; новая экономическая политика.

В период новой экономической политики в деревне были разрешены такие элементы рыночной системы хозяйствования как аренда земли и использование наемного труда. 22 мая 1922 г. на III-й сессии ВЦИК был принят «Основной закон о трудовом землепользовании»². 1 декабря того же года был введен в действие Земельный кодекс РСФСР (принят 30 сентября 1922 г.)³. В указанных нормативных актах основное внимание уделялось единоличному хозяйству, которое в период нэпа рассматривалось как базовый элемент аграрного сектора, «а восстановление и дальнейший подъем производительных сил сельского хозяйства было условием общеэкономического развития страны» [1, с. 1].

Законом были определены правила «трудовой аренды земли», в соответствии с которыми разрешалась сдача земли в аренду так называемым «временно ослабленным» хозяйствам на срок не более трех лет, а в особых случаях – до шести лет. Согласно Земельному кодексу, основным условием права пользования землей являлся личный труд. Хозяйства должны были сохранять трудовой характер и нанимать работников только в качестве подсобной силы. Устанавливались конкретные условия применения «вспомогательного наемного труда»: недостаток собственной рабочей силы в хозяйстве, совместный труд

¹ Бершадская Ольга Владиславовна, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Краснодарский филиал, berscholl@mail.ru, Россия, г. Краснодар.

² СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 426.

³ Там же. № 68. Ст. 901.

членов хозяйства и наемных рабочих и т.п. [2, с. 340].

Социальные отношения, связанные с арендой земли и наймом рабочей силы, имели региональную специфику, обусловленную различными факторами. В настоящей работе мы рассмотрим особенности земельной аренды и использования наемного труда в черноморской деревне.

Регламентация земельной аренды имела большое значение для крестьянства Черноморского округа. В силу природных особенностей здесь всегда ощущался острый дефицит сельскохозяйственных угодий. По данным на 1925 г., количество возделанной удобной земли на душу населения в черноморской деревне составляло в среднем 0,44 га, т.е. почти в шесть раз меньше, чем в Европейской России¹. Обработку земли затруднял сложный рельеф местности и густая лесная растительность, покрывающая большую часть территории Черноморья. Проблема нехватки земли могла быть частично решена с помощью аренды.

Следует учесть, что в рассматриваемый период ведущей отраслью сельского хозяйства региона являлось производство табака, требующего значительных площадей под плантации. Табаководством занимались преимущественно армяне и греки – выходцы из бывшей Османской империи. Значительная их часть сохраняла иностранное подданство, а следовательно, не имела прав на землю и была вынуждена прибегать к аренде. В 1924 г. Наркомат земледелия РСФСР установил предельный срок земельной аренды для табаководов-иностранцев, проживающих в Кубано-Черноморской области – 12 лет, что в несколько раз превышало временные рамки, определенные Земельным кодексом².

По данным окружных властей на 1927 г., 15,6% зажиточных хозяйств черноморской деревни арендовали 22,3% земли, 48,9% середняцких хозяйств – 45,4% земли. Сдавали землю в аренду преимущественно середняцкие хозяйства. Также часть бедняцких хозяйств практиковала сдачу в аренду наделов, полученных в ходе землеустройства³. Арендная плата в черноморской деревне

¹ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 531. Л. 27.

² РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 2918. Л. 47.

³ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 767. Л. 97 об.

колебалась от 15 до 60 руб. за десятину¹.

Земельная аренда часто носила скрытый характер, не все арендные договоры регистрировались сельсоветами, поэтому власти не имели возможности проследить, в каких масштабах развивалось это явление. Часто бедняки отдавали свою землю зажиточному крестьянину, но налоги брали на себя. Таким образом бедняк, оказывая помощь зажиточному хозяину, надеялся на его покровительство².

Использование наемного труда наиболее часто встречалось в табаководческих хозяйствах. По данным А. Сеннова, автора работы «Наемный труд в черноморской деревне» (1927 г.), более 80% хозяйств, имеющих посевы табака площадью более $\frac{1}{2}$ десятины, применяли наемный труд для проведения таких операций как: попушовка, нанизывание, посадка, ломка, полка, сортировка. Табаководство являлось доминирующей отраслью в хозяйствах Сочинского и Туапсинского районов [3, с. 7]. Однако во второй половине 1920-х гг. в черноморской деревне наблюдается процесс сокращения площадей табачных плантаций, что, в свою очередь, вызвало сокращение размеров применения наемного труда в указанных районах округа.

В крестьянских хозяйствах Анапского, отчасти Новороссийского и Крымского районов основной отраслью, где применялась посторонняя рабочая сила, являлось виноградарство. Так, в Анапском районе около 45% хозяйств имели виноградники площадью более 1 десятины и использовали наемный труд. В отличие от плантаций табака, площадь виноградников имела тенденцию к увеличению, что вело к увеличению применения наемного труда [3, с. 9]. Садоводство требовало использования наемной силы в случае, если площадь сада составляла более 1 десятины. Таких хозяйств, по данным А. Сеннова, в Черноморском округе насчитывалось около 40%. Развитие садоводства, увеличение площади садовых насаждений влияло на размеры применения наемного труда в садоводческих районах округа, прежде всего в Сочинском районе» [3, с. 10]. Такая отрасль сельского хозяйства как производство кукурузы в услови-

¹ Там же. Д. 648. Л. 85.

² Архив муниципального образования город Новороссийск (АМОГН). Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 848. Л. 107–107 об.

ях черноморской деревни требовала применения наемного труда в размере 10 рабочих дней в году на десятину посева. Помощь наемных работников требовалась хозяевам главным образом для прополки кукурузы [3, с. 7].

В черноморской деревне доминировала временная форма наемного труда (сезонный или поденный). В 1925 г. 18,2% хозяйств с доходом до 18 руб. в месяц использовали временный наемный труд, 5,9% – постоянный. 27% хозяйств с доходом от 19 до 39 руб. практиковали временный наемный труд, 7,6% – постоянный; в хозяйствах с доходом от 40 до 65 руб. – 36,3% и 4,9% соответственно; в хозяйствах с доходом от 66 до 150 руб. – 34,3 и 7,9% соответственно; в хозяйствах с доходом свыше 150 руб. – 9,9%¹.

Как и в случае с арендой земли, официальные данные не отражают весь масштаб использования наемного труда. В национальных деревнях применение наемной рабочей силы часто носило характер взаимопомощи. Например, обследование селений Шапсугского района выявило, что здесь в период сбора урожая практиковались так называемые «общественные работы»: «собираются вечерами по очереди к каждому крестьянину... особенно молодежь, и начинают обдирать кукурузу, при этом делается какое-либо угощение фруктами, орехами и каштанами. Таким образом, оканчивается работа у одного, [потом] переходят к другому...». Но при более детальном обследовании выяснилось, что подобная помощь оказывалась только зажиточным крестьянам, которые могли организовать угощение и ночлег помощникам. Бедняки же никогда не просили общественной помощи, а наоборот, принимали активное участие в таких работах, потому что «подкармливались» и взамен оказанной услуги надеялись на покровительство богатых соседей². В связи с вышесказанным можно привести мнение английского историка-аграрника Джеймса Скотта о моральной природе эксплуатации в сельскохозяйственном производстве. Он утверждает, что изучение этого явления в патриархальных обществах предполагает «знание о норме справедливости» и анализ «субъективного восприятия тех, кого предлагается

¹ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 767. Л. 97 об.

² АМОГН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 848. Л. 107–107 об.

считать эксплуатируемыми», поэтому «главный вопрос классовых отношений в деревне сводится к тому, как в общем и целом оценивают их низшие слои – как сотрудничество или как эксплуатацию» [4, с. 6].

Следует учесть, что у ряда народностей, проживающих в сельских местностях Черноморья, в частности, у шапсугов, сохранялась вертикальная иерархия социальных отношений, основанная на клановых патрон-клиентских связях. Такие связи, характерные для патриархального уклада, представляют систему внеэкономических, непринудительных отношений субъектов, обладающих разными социальными статусами и различными ресурсными возможностями.

Таким образом, земельная аренда и использование наемного труда в черноморской деревне были весьма актуальны в силу природных условий и отраслевой структуры сельскохозяйственного производства. Особенности социальных взаимодействий, а именно, наличие патрон-клиентских отношений у ряда народностей округа обусловили скрытый характер аренды и применения наемного труда.

Литература

1. Беркутов А.А. Правовое регулирование наемного труда в крестьянских хозяйствах в годы НЭПа (1921–1929 гг.) // Актуальные проблемы политики и права. Вып. 3. Труды университета: межвуз. сб. науч. тр. Пенза, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-zemelnyh-otnosheniy-v-derevne-v-gody-nepa-1921-1929gg/viewer> (дата обращения – 17.12.2022).
2. Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. – 536 с.
3. Сеннов А.Н. Наемный труд в черноморской деревне. Новороссийск, 1927. – 32 с.
4. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства. Восстание и выживание в Юго-Восточной Азии. Реферат // Отечественная история. 1992. № 5. С. 3–31.

© Бершадская О.В., 2023

ДОХОДНОСТЬ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В ГОДЫ НЭПА

В статье раскрываются проблемы низкой доходности крестьянских хозяйств Центрального Черноземья под влиянием исторически сложившихся неблагоприятных факторов аграрного производства.

Ключевые слова: земледелие; урожайность; доход; покупательная способность; бедность.

В конце Гражданской войны крестьянское хозяйство являлось почти единственным источником реальных ценностей, за счет которого формировался бюджет страны. Изучение доходности крестьянских хозяйств позволяет получить представление о доходах подавляющего большинства советских людей. По переписи 1926 г. сельские жители составляли 92% населения СССР, а в Центрально-Черноземной области (ЦЧО) – 94,9%². Под влиянием Первой мировой войны национальный доход в стране сократился на 15,5%, под влиянием Гражданской войны и политики советской власти к 1922 г. он упал на 46,4%. Поэтому в новой экономической политике можно было увидеть, по точному выражению С.Н. Прокоповича, «... компромисс, в котором размер уступок со стороны власти определялся величиною ее страха перед падением производительных сил и государственных доходов, а также бунтами крестьян и рабочих. По-видимому, через год, к XI съезду РКП(б), страх этот в значительной мере прошел: на этом съезде отступление с коммунистических позиций было признано законченным» [5, с. 119, 128]. К какому пути развития сельского хозяйства мог привести такой размер уступок? Доходы крестьян в условиях нэпа зависели от государственной налоговой, ценовой и кредитной политики, восстановления промышленности и рыночных связей, политики землепользования

¹ Петришина Ирина Дмитриевна, кандидат исторических наук, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, petrishina62@mail.ru, Россия, г. Липецк.

² Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. М., 1929. С. 3.

и землеустройства, что в целом обеспечило восстановление сельского хозяйства на дореволюционном уровне. Однако в Центральном Черноземье нэповская политика накладывалась на исторически сложившиеся неблагоприятные основные производственные факторы, оказывающие влияние на доходность крестьянских хозяйств.

К началу нэпа в губерниях ЦЧО сложилось бедственное положение из-за военных действий в период Гражданской войны, неурожая 1920, 1921 и 1924 гг., продразверстки, крестьянских выступлений. Сокращение посевных площадей достигло максимума в 1922 г.: в Воронежской губернии они составляли 35,8% дореволюционного уровня. Осенью 1921 г. воронежская губернская комиссия помощи голодающим собирала точные сведения о количестве голодающих и намечала план оказания первоочередной помощи нуждающимся детям. Весной 1922 г. в некоторых уездах положение было критическим: голодало до 2/3 населения. Крестьяне не могли выполнить натуральный налог, не имели семян для весенней посевной кампании 1922 г. Не надеясь на помощь государства, они отправлялись за продовольствием и семенами в другие губернии. Не имея денег, крестьяне везли одежду и домашний инвентарь¹. В Центральном Черноземье восстановление крестьянского хозяйства началось только с 1923 г.

Оскудение ЦЧО обозначилось еще в 70-е гг. XIX в., став тяжелым наследием прошлого для советской власти. В годы Первой мировой войны и Гражданской войны положение усугубилось. Проблема оскудения ЦЧО в 1925 г. была сформулирована профессором А.Н. Мининым как аграрная перенаселенность края, осложненная задержкой в переходе к интенсификации². Показателями аграрной перенаселенности являлись низкие цены на рабочую силу и высокие арендные цены на землю. Цена земельной аренды в Воронежской губернии составляла 16,1 руб. за десятину, в Тамбовской – 15,1 руб., в то время как в Сталинградской она равнялась 2,3 руб.³ Перенаселенность области привела к избыт-

¹ Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 332. Л. 495; Д. 355. Л. 49, 161, 227.

² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 14.

³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 3719. Л. 13.

ку трудовых ресурсов в сельском хозяйстве и к низкой его доходности, поскольку большую часть дохода обеспечивало земледелие. В 1925 г. в Тамбовской губернии доход от сельского хозяйства составлял 89,6% всех доходов¹.

Главными причинами отсталости хозяйства ЦЧО являлись слабоеразвитие промышленности и промыслов, а также бедность капиталами сельского хозяйства. Доходы крестьян Центрального Черноземья в то время зависели, прежде всего, от обеспеченности земель и сельскохозяйственными орудиями, от урожайности культур. Недостаточная обеспеченность средствами производства вела к пониженной урожайности. Если в 1913 г. урожайность зерновых хлебов в ЦЧО значительно превышала урожайность в РСФСР, то в 1920-е гг. она отставала от урожайности в РСФСР и СССР, за исключением только 1925 г., когда урожайность зерновых хлебов в ЦЧО достигла урожайности зерновых в СССР и РСФСР². Отсталость приемов ведения хозяйства в условиях резкого колебания климатических условий приводила к низким урожаям и делала их неустойчивыми. Десятина озимой ржи, по данным 1910 г., дала в ЦЧО в среднем 49,7 пуд., в 1916 г. – 68,2, в 1925 г. – 36,0, в 1926 г. – 66,3 пуд.; яровая пшеница в 1910 г. дала 51 пуд урожая, в 1916 г. – 47,7, в 1925 г. – 39,0 и в 1926 г. – 29,7 пуд. с десятины. Неустойчивость урожаев яровых хлебов оказывалась обычным явлением [7, с. 25].

Отсутствие достаточных заработков в местной промышленности и промыслах, слабая обеспеченность капиталами крестьянского хозяйства делали бюджет крестьян маломощным. По полным бюджетам крестьянских хозяйств ЦЧО, в 1923/24 г. условно-чистый доход на одно хозяйство составлял 376,31 руб., а прирост ценностей составил в том же году всего 4,16 руб.³ Заработок сельского батрака Воронежской губернии за сезон 1924 г. составил всего 8,18 руб., а батрачки – 5,03 руб.⁴ По данным бюджетного исследования Тамбовской губернии, в 1923 г. доходы на одно хозяйство в среднем составляли

¹ Статистический справочник по Тамбовской губернии. Тамбов, 1925. С. 142.

² ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 13.

³ Крестьянские бюджеты 1922/23 и 1923/24 гг. М., 1927. Вып. 3. Центрально-земледельческий район. С. 504, 507.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 135. Л. 11.

521,4 руб., хозяйственные расходы – 161,6 руб., условно-чистый доход на одно хозяйство – 359,8 руб., на одну рабочую силу – 83,3 руб., налоги на одно хозяйство – 50,2 руб., на одну душу – 7,0 руб. (14% от условно-чистого дохода), оплата труда семьи – фонд сбережения и потребления – на одно хозяйство – 565,9 руб., на одну рабочую силу – 85,0, на один день затрат труда – 0,5, на одного члена семьи – 49,0 руб.¹ По данным Воронежского губернского статистического отдела, в 1925 г. при средней семье в 5 душ доход на двор составлял от 340 до 700 руб. Следовательно в пределах этой суммы могли удовлетворяться все производственные и личные потребности крестьянского хозяйства. Интересен опыт исчисления балансасельского хозяйства для Воронежской губернии, в соответствии с которым были учтены все натуральные затраты и исчисления: весь приход составил 100%, расход – 90,4%, т.е. остаток составил 9,4% [4, с. 40]. При таких низких доходах крестьянское хозяйство ЦЧО было не способно к развитию.

Восстановление сельского хозяйства в ЦЧО в годы нэпа проходило очень медленно, с колебаниями и падениями из-за голода 1921 и 1924 гг. Но это была короткая передышка для крестьян между Гражданской войной и насильственной коллективизацией 1930-х гг. Восстановление сельского хозяйства в Центральном Черноземье и совпавшие с восстановительным процессом несколько урожайных лет создали условия для роста доходности крестьянских хозяйств. Так, доходы земледельческого населения составляли в 1926/27 г. 280,3 млн руб., в 1927/28 г. – 343,9 млн, в 1928/29 г. – 333,5 млн руб., что означало рост доходов в процентах к предыдущему году, соответственно, 108,2, 114,8 и 102,3%. Последний год нэпа показал пониженный урожай хлебов. В 1928/29 г. доходы на душу земледельческого населения в ЦЧО составляли 33,57 руб. А средняя доходность на одну душу населения в РСФСР в 1928/29 г. составила 112,20 руб.²

Фонд накопления в разных группах крестьянских хозяйств составлял разницу между условно-чистым доходом, налогами и расходами на личное потреб-

¹ Статистический справочник по Тамбовской губернии. С. 143.

² Государственный архив новейшей истории Липецкой области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 208. Л. 12.

ление. Так, доходы в малопосевных хозяйствах в условиях земельной обеспеченности Воронежской губернии, с посевом до 4-х дес. либо не покрывали их расходов на личное потребление и уплату налогов и имели отрицательное накопление, либо имели слишком незначительные накопления после уплаты налогов – 0,37 руб. – в хозяйствах с посевом в 3–4 дес. Такие хозяйства не имели перспектив для развития, но их насчитывалось в Воронежской губернии 67,5%, или 2/3 всех хозяйств. Среднепосевные хозяйства с посевом 4–10 дес. имели также недостаточно средств – 60,74– 75,63 руб. на одно хозяйство. Таких хозяйств было 30,1%. И только многопосевные хозяйства с посевом более 10 дес. имели достаточные доходы – 122,81–141,60 руб. Такая же картина характерна и для других губерний ЦЧО. Только хозяйства с посевом более 10 дес. имели достаточные накопления, где концентрировалась хозяйственная жизнь, но их было всего 2,4%¹. К тому же налоги на такие хозяйства из года в год возрастали.

Хозяйства с относительно высокими доходами составляли всего 2,4% хозяйств в губернии, а 2/3 крестьянских хозяйств не могли купить самое необходимое для жизни и уплатить налоги даже в самый благоприятный хозяйственный год. Основная масса хозяйств могла в среднем накопить только 60,74 – 75,63 руб. в год. Малопосевные хозяйства были вынуждены даже сокращать необходимое личное потребление, чтобы поддерживать существование своего хозяйства. В среднепосевных хозяйствах было недостаточно собственных средств для развития хозяйства (в декабре 1925 г. цена лошади составляла 172 руб., коровы – 71 руб.)², и они могли надеяться только на кредит или накапливали средства, придерживая собранный урожай в ожидании выгодной конъюнктуры. И только многопосевные хозяйства обладали достаточным доходом для развития, но их было слишком мало.

Если сравнить интенсификацию хозяйств с их доходностью, то выявляется следующая закономерность: в хозяйствах, ведущих земледелие на основе интенсивных способов, доход с десятины земли повышался, а в расчете на душу

¹ Рассчитано: РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 3719. Л. 186; [1, с. 84]; [2, с. 131].

² Население и хозяйство Воронежской губернии: сводн. стат. сб. Воронеж. Вып. 2.1927. С. 295.

населения уменьшался. Создавалась парадоксальная ситуация: процесс очевидного подъема доходности от сельского хозяйства сопровождался сокращением дохода на душу населения, т.е. обеднением сельского хозяйства, что, в свою очередь, препятствовало более быстрой и рациональной интенсификации¹. Создавался замкнутый круг, поэтому такие хозяйства нуждались в специальной государственной политике.

По причине бедности большинства крестьянских хозяйств в Воронежской губернии к 1926 г. посевные площади достигли 94,8%, а поголовье рабочего скота – 55,3% дореволюционного уровня², т.е. посевные площади не были восстановлены на дореволюционном уровне, и тем более критического уровня достигло поголовье рабочего скота. Низкая покупательная способность воронежских крестьян сдерживала восстановление экономики губернии. Важнейшим показателем состояния экономики являлось потребление товаров первой необходимости на душу населения: сахара, мануфактуры, спичек, керосина. По этим показателям центрально-черноземные губернии занимали последнее или одно из последних мест в СССР. По размерам душевой нормы покупок Воронежская губерния занимала в СССР восьмое место с конца списка [6, с. 85].

В численном выражении денежный расход на одно хозяйство представлял следующую картину: малопосевные тратили на покупку и ремонт построек и инвентаря 18,51 руб., на покупку скота – 36,86 руб., среднепосевные – соответственно 32,55 и 97,28 руб., многопосевные – 89,09 и 93,13 руб. Следовательно, наибольший денежный расход в 1925 г. воронежскими крестьянами был произведен на покупку скота, затем на покупку и текущий ремонт построек и сельскохозяйственного инвентаря, затем – расход на наем рабочего скота [2, с. 117]. Такие потребности вполне соответствовали дореволюционным потребностям тамбовских крестьян. По оценке А.Н. Челинцева, «у крупных хозяйств на первом месте – лошади и орудия, далее (с измельчением) – лошади и хозяйственные постройки, затем – лошади и постройки или лошади и продуктивный

¹ РГАЭ. Ф. 479. Оп. 5. Д. 3719. Л. 30.

² Там же. Ф. 478. Оп. 5. Д. 3719. Л. 168–169.

скот, и, наконец, – постройки и продуктивный скот. Для крупных, как зерновых продуцентов, важны вопросы обслуживания их орудиями и лошадьми, для самых мелких – продуктивным скотом и хозяйственными постройками, орудия и лошади отходят на задний план» [8, с. 230–231]. Крестьяне Воронежской губернии в 1925 г. тратили на личное потребление в среднем на хозяйство 90,2% условно-чистого дохода, тогда как российские крестьяне в 1923/24 г. на приобретение предметов личного потребления тратили значительно меньше средств – 81,7% условно-чистого дохода, а в дореволюционное время – 72–74 % [3, с. 88]. По данным А.И. Дикого, в 1925/26 г. денежные средства в крестьянских хозяйствах отличались чрезвычайной текучестью, и сколько-нибудь значительных денежных накоплений у них не было, да и не могло быть, ибо шло накопление натуральной продукции [2, с. 122].

О низкой покупательной способности центрально-черноземных крестьян можно судить и по косвенным признакам. Время года влияло не только на потребление овощей, коровьего масла, яиц и молочных продуктов, но и на потребление хлебных продуктов, которое в сельской местности было крайне неравномерным. Так, потребление ржаной муки резко снижалось от октября к июню, вследствие подорожания и истощения запасов урожая, а затем снова возрастало к октябрю. Снижение потребления ржаной муки к июню 1925 г. сопровождалось ухудшением качества хлеба, в нем появились примеси: трава, желуди, жмых, конопляное семя¹.

Бедность крестьянского бюджета являлась причиной отсталости местного бюджета и неразвитости сети социально-культурных учреждений. Так, местный бюджет на одну душу населения в сельском хозяйстве в 1927/28 г. составил 40 коп., а в РСФСР – 58 коп.² Это не удовлетворяло самые минимальные потребности крестьян, прежде всего в образовании и здравоохранении. Охват начальным обучением детей школьного возраста в ЦЧО составлял всего лишь 56% при среднереспубликанском значении 76,1%. Местное население в ряде случаев со-

¹ Население и хозяйство Воронежской губернии. С. 70.

² ГАОПИ ВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 13.

бирало значительные средства для школьного строительства и обращалось с просьбами о постройке новых школ на совместных с государством началах, в то время как бюджет области не позволял удовлетворить даже самые минимальные заявки населения. Аналогичная картина сложилась и с медицинской помощью крестьянам. В ряде районов и даже окружных центров не было больниц, и население было вынуждено обращаться за медицинской помощью за несколько десятков верст в другие районы. В связи с этим обком ВКП(б) обратился в Политбюро к И.В. Сталину, А.И. Рыкову и В.М. Смирнову с ходатайством оставлять, как и раньше, в бюджете ЦЧО 100% поступившего сельхозналога на местные нужды, а не отчислять в Центр 10% от собранных налогов¹.

Положение крестьян значительно ухудшилось в связи с чрезвычайными хлебозаготовками в 1928 г. Местные власти отмечали крайнюю нужду крестьян: «В слободе Осторожевое Урывской волости Острогожского уезда Воронежской губернии из 740 дворов нуждались в хлебе для продовольствия 300 дворов. Беднейшие получают помощь из комитета взаимопомощи и кооперации, а остальные покупают у зажиточных, для чего сбывают домашние вещи и одежду»².

В то же время партийные руководители располагали необходимыми данными о положении крестьян. В их отчетах содержатся сведения о большом количестве бедняков, нуждающихся в хлебе. Заведующий Н.-Ровенским отделением Лопыгинского потребительского общества Старо-Оскольской волости того же уезда Курской губернии В.Д. Разиньков по вопросу о недостатке хлеба говорил: «В нашем селе беднота бьется из-за хлеба, а его дать нельзя. В отделении имеется около 200 пудов хлеба, а его дать нельзя. Правление же общества не дает никаких указаний как его использовать, беднота же ходит каждый день и просит о выдаче хлеба»³.

За покупкой хлеба крестьяне устремлялись в города, где среди населения шли оживленные разговоры о недостатке хлеба. Например, в г. Ельце, около булочной Центрального рабочего кооператива 1 июня 1928 г. очередь до-

¹ Там же. Д. 119. Л. 2–4.

² Там же. Д. 276. Л. 11.

³ Там же.

стигла 150 человек, преимущественно из крестьян, скупающих черный хлеб. Крестьяне говорили: «Свой хлеб отдали, а теперь вдоволь не дают, скоро введут карточную систему»¹. Недостаточное количество хлебопродуктов у снабжающих крестьян организаций подчас приводило к конфликтам. Крестьяне, стремясь застать хлеб, ссорились в очередях, оскорбляли представителей власти, и нередко дело доходило до драк, требующих вмешательства органов милиции. В мае 1928 г. в селе Хмелевое Козловского уезда Тамбовской губернии хлеб выдавали по 4 фунта на едока. Печеный хлеб в Хмелевском потребительском обществе разбирался с дракой². В информационных материалах о ходе хлебозаготовок и о настроении крестьян, поступивших в обком ВКП(б) ЦЧО и лично первому секретарю обкома И.М. Варейкису, сообщалось: «Крестьяне не могут вывозить хлеб на ссыпные пункты и сдавать по 90 коп. за пуд, на вольном рынке по 3 руб. 50 коп. сдают. Крестьяне должны вывезти на вольный рынок весь хлеб, а то власть только грабит нас»³. Государственная политика, направленная на изъятие у крестьян всех нэповских накоплений, и чрезвычайные хлебозаготовки 1928–1929 гг. привели к обнищанию крестьян.

Таким образом, малоземелье, сильные колебания урожайности, слабое развитие промышленности и промыслов, а также бедность капиталами сельского хозяйства в годы новой экономической политики приводили к низкой доходности и обеднению крестьянских хозяйств ЦЧО.

Литература

1. *Воронов И.К.* Воронежские бюджетные исследования и их сравнительная переработка. Воронеж, 1926. Вып. 1: Крестьянские бюджеты 1924 года. – 273 с.
2. *Диков А.И.* Крестьянское хозяйство после пяти лет нэпа. Вып. 1. Воронеж, 1928. – 173 с.
3. *Ильин С.* Образование рынка средств производства для крестьянских хозяйств в период нэпа // *Экономист*. 1995. № 8. С. 94–96.

¹ Там же.

² Там же. Л. 11–12.

³ Там же. Л. 76.

4. *Покишишевский В.В.* Центрально-Черноземная область. М.; Л., 1929. – 203 с.
5. *Прокопович С.Н.* Очерки хозяйства Советской России. Берлин: Обелиск, 1923. – 215 с.
6. *Скрыпников А.В., Черных В.М.* Особенности хозяйственного развития Центрального Черноземья в годы нэпа // Актуальные проблемы отечественной истории: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1995. С. 83–88.
7. *Татарчуков А.Н.* Центрально-Черноземная область. Экономический очерк. Воронеж: Коммуна, 1928. – 280 с.
8. *Челинцев А.Н.* Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии. Харьков, 1919. – 178 с.

© *Петришина И.Д.*, 2023

БОРЬБА С ВРЕДИТЕЛЬСТВОМ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СССР²

В статье осуществляется реконструкция кампании по борьбе с вредительством в сельском хозяйстве, которая явилась продолжением начатой в конце 1920-х гг. борьбы с вредительством на предприятиях промышленности и транспорта.

Ключевые слова: ВКП(б); ОГПУ; вредительство; сельское хозяйство; репрессии.

Документы свидетельствуют, что выявление вредительства в сельском хозяйстве началось с Центральных учреждений Народных комиссариатов земледелия СССР и УССР.

Так, 11 января 1930 г. ГПУ Украины сообщило И.В. Сталину о фактах, указывавших на явное неблагополучие в работе Народного комиссариата земледелия УССР, его периферийных органов и научных учреждений. В результате следственных действий были выявлены факты, подтверждающие наличие в аппарате Наркомзема вредительской группы³. Через два дня, 13 января, заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода сообщает Сталину о вредителях в сельском хозяйстве, которые распространили свое влияние на центральные и периферийные учреждения и предприятия, связанные с сельским хозяйством. Согласно его докладу, организация являлась массовой, ее представители имелись в районах⁴. В феврале 1930 г. вновь из Украины пришли сообщения о вредительстве в Наркомземе УССР и его периферии, в опытных сельскохозяйственных учреждениях, в Госплане, Укрсельбанке и низовых звеньях кредитной кооперации⁵.

Согласно докладным запискам, политическая установка вредителей была направлена против колхозов, совхозов, за возрождение мелких и крепких индивидуальных хозяйств. Было установлено, что политическая платформа, некото-

¹ Мозохин Олег Борисович, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН, 7077707@bk.ru, Россия, г. Москва.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43020: «Аграрная политика в СССР и региональные особенности ее реализации (1922–1991)».

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 380. Л. 1–15.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. Л. 35–81.

рой сошлись члены контрреволюционных организаций, в основном сводились к борьбе с диктатурой пролетариата и мобилизацией для этой цели «кулаков».

12 декабря органы ОГПУ в центре и на Украине приступили к ликвидации вредительской организации в системе Трактороцентра. На 22 декабря было арестовано в Москве 15, на Украине 48 членов организации. Начатое следствие подтвердило агентурные материалы, установив, что организация в Трактороцентре являлась основным ядром более мощной контрреволюционной организации, охватившей своей деятельностью важнейшие сельскохозяйственные учреждения (Наркомзем СССР, Наркомзем УССР, Наркомсовхозов и др.).

Борьба с вредительством в сельском хозяйстве была организована не на пустом месте. Акты вредительства действительно были, это совершенно очевидно. Однако раскрытие крупных контрреволюционных организаций, иногда даже со связями в других городах, вызывает большие сомнения.

Примерами фальсификации подобных организаций являются дело Трудовой крестьянской партии и дело микробиологов и ветеринаров.

17 июня 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода сообщил И.В. Сталину о деятельности контрреволюционных и вредительских организаций в сельском хозяйстве. Было установлено, что их политическим центром являлось Московское общество сельского хозяйства во главе с Н.Д. Кондратьевым, А.Н. Макаровым, А.В. Чаяновым и др. Немного позже Секретный отдел совместно с Экономическим управлением ОГПУ раскрыл контрреволюционную организацию, которая якобы ставила своей целью свержение советской власти, реставрацию капитализма и установление буржуазно-демократической республики. По версии следствия, организация имела разветвленную сеть ячеек в Наркомземе РСФСР, Наркомфине СССР, Госплане СССР, ЦСУ, Конъюнктурном институте Наркомфина, Московском обществе сельского хозяйства, в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и др.

В отношении членов «ТКП» готовился открытый политический процесс, однако Сталин сомневался, что обвиняемые публично признают свои ошибки. Было принято решение передать дело на рассмотрение во внесудебный орган

– в Коллегию ОГПУ. 21 сентября 1931 г. В.Р. Менжинский утвердил обвинительное заключение по делу. Лица, проходящие по нему, были признаны виновными в том, что входили в состав нелегальной «ТКП», которая ставила своей целью свержение Советской власти, проведение вредительства в различных отраслях сельского хозяйства и др.

26 января 1932 г Коллегия ОГПУ вынесла постановление заключить в концлагерь сроком на 8 лет: Н.Д. Кондратьева, Н.П. Макарова, Л.Н. Юровского; сроком на 5 лет: А.В. Чаянова, А.Г. Дояренко, А.А. Рыбникова; сроком на 3 года с заменой этого наказания высылкой на тот же срок: Л.Н. Литошенко, С.К. Чаянова, Л.Б. Кафенгауза; сроком на 3 года с заменой этого наказания ограничением в месте жительства на тот же срок: А.В. Тейтеля, И.Н. Леонтьева; сроком на 3 года с последующим освобождением от наказания. Кроме того, по этому делу в краях и областях СССР были осуждены еще 1 113 человек.

Совершенно очевидно, что процесс «Трудовой крестьянской партии», инициированный Политбюро ЦК ВКП(б), преследовал цель нейтрализовать критически настроенную по отношению к планам коллективизации интеллигенцию, для стабилизации обстановки на селе в период коллективизации. В настоящее время, на основании рассекреченных писем профессоров Н.Д. Кондратьева и Л.Н. Юровского, которые ими были написаны в заключении, показано, почему без применения физических мер воздействия они признались в преступлениях, которых никогда не совершали. В 1987 г. дело ЦК «ТКП» было пересмотрено, а лица, проходящие по нему, реабилитированы. Позже последовала реабилитация в отношении лиц, проходящих по другим филиалам т.н. «ТКП» [4].

11 ноября 1930 г. В.Р. Менжинский препроводил И.В. Сталину материал по делу контрреволюционной организации среди микробиологов. Организация якобы имела свой всесоюзный центр, в лице нелегально существующего «Национального комитета», а также ряда филиалов, разбросанных по Союзу. Возглавлял организацию директор Мечниковского института в Москве профессор С.В. Коршун. Прослеживалась его связь с реакционными кругами Германии.

Считалось, что организация имела свои секции по распространению и

внедрению германского влияния в ряде городов СССР. В Саратовском бактериологическом институте организация имела военную секцию, во главе которой стоял директор института С.М. Никаноров. Она работала над вопросами практического применения бактериологии для диверсионных целей в момент интервенции¹. 13 августа 1930 г. был арестован Коршун, затем последовали аресты еще 39 человек. Арестованные микробиологи стали давать признательные показания. В течение года шло следствие.

В марте 1931 г. Политбюро ЦК принимает решение, не прекращая следствия, выделить из числа микробиологов группу лиц, которых можно использовать «на работу для нас»². Существует версия, что арестованным предложили участвовать в разработке бактериологического оружия для Красной армии.

Председатель ВСНХ Куйбышев и председатель ОГПУ Г.Г. Ягода подписали циркуляр об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство. Работы их должны были проходить в помещениях органов ОГПУ. Так сошлись интересы разных ведомств. Одним нужно было обезвредить классово чуждых «спецов-вредителей», другим они были еще нужнее, ибо иных просто не было [5].

Восемь главных обвиняемых, в том числе и С.В. Коршун, были приговорены к расстрелу с заменой заключением на 10 лет. Прочие получили разные сроки заключения. Те, кто согласился работать по военной тематике, содержались в Бутырской тюрьме до начала 1932 г., после чего были отправлены в специализированную тюрьму ОГПУ («шарашку»), неподалеку от Суздальского Покровского монастыря, где в обстановке строгой секретности были оборудованы лаборатории. Организация, разместившаяся в монастыре и именовавшаяся «Бюро особого назначения», начала проводить работы по боевым бактериологическим средствам. Судьба С.В. Коршуна до конца неизвестна, в приговорных списках перед его фамилией стоит пометка красным карандашом «Р», что, вероятно, означает расстрел [1]. В 1959 г. репрессированные микробиологи были

¹ Там же. Д. 390. Л. 2–4.

² Там же. Л. 60.

реабилитированы [2].

26 ноября 1932 г. председатель ОГПУ В.Р. Менжинский сообщил в ЦК ВКП(б) о контрреволюционной организации ветеринаров. ОГПУ в процессе тщательного наблюдения за деятельностью основных кадров ветеринарии выявило организацию, ведущую работу по срыву планов социалистического животноводства. Организация развернула свою деятельность не только в центре, но и в Ленинграде, в Средне-Волжском крае, Ивановской промышленной области и в Восточно-Сибирском крае.

11 декабря 1932 г. членам и кандидатам в члены Политбюро по указанию Сталина была направлена записка Г.Е. Прокофьева и Л.Г. Миронова о контрреволюционных организациях в системе животноводства и Трактороцентра. В ней сообщалось, что по ведущимся ОГПУ еще незаконченным агентурным разработкам добыты материалы, которые давали основание констатировать наличие крупных враждебных организаций. Указывалось, что контрреволюционная организация в животноводстве состояла из квалифицированных ветеринарных врачей с руководящим составом во Всесоюзном институте экспериментальной ветеринарии и с периферийными группировками на Средней Волге, в Восточносибирском крае, Ивановской промышленной области, Северо-Кавказском крае, Ленинградской области, Закавказье, Нижней Волге и на Украине. Организация ставила перед собой задачу уничтожения поголовья скота в совхозах и колхозах с целью дезорганизации рабочего снабжения и дискредитации социалистического животноводства в глазах колхозного крестьянства.

1 января 1933 г. членам и кандидатам в члены Политбюро по поручению Сталина была направлена записка Я.С. Агранова и А.И. Успенского о контрреволюционной вредительской организации среди врачей-ветеринаров в Московской области. Была выявлена группа ветеринаров на Кашинцевской биофабрике (Щелковский район Московской области), вырабатывавшей прививочные противочумные препараты¹.

В Средне-Волжском крае была раскрыта контрреволюционная вредитель-

¹ Там же. Л. 153–155.

ская организация в системе животноводческого хозяйства. Согласно выписке из протокола Комиссии по делам ОГПУ от 3 января 1933 г., в нее входили квалифицированные специалисты ветеринарии и животноводства, которые ставили своей целью свержение Советской власти и реставрацию капиталистического строя. Ее вредительская деятельность выражалась в использовании ветеринарных мероприятий в целях умышленного распространения эпизоотий, прямом заражении скота и почвы в животноводческом хозяйстве, массовом забое здорового скота под видом заразного. По делу было арестовано 14 человек, 7 человек предлагалось приговорить к высшей мере наказания¹.

16 января 1933 г. Политбюро ЦК, заслушав сообщение комиссии по судебным делам, поручает Г.Г. Ягоде и Н.В. Крыленко внести на следующее заседание Политбюро проект предложений по организации суда над животноводческими вредителями². 22 января Крыленко и Ягода доложили Сталину, что возможно проведение процессов по двум сценариям: провести местные процессы по Средней Волге и Кашинцевской биофабрике и провести один общий процесс с упором на вредительский центр с включением Самарской группы, Кашинцевской биофабрики и ряда других областей. Высказывалось мнение остановиться на втором варианте с определением количества обвиняемых примерно в 20 человек. Дело предлагалось слушать через два месяца в Верховном суде. Дела по остальным группам организаций рассматривать во внесудебном порядке. Ввиду чрезвычайного ущерба, нанесенного вредителями, предлагалось предпринять им меру наказания – расстрел³. 31 января 1933 г. Политбюро ЦК согласилось с этим предложением⁴.

22 апреля Народный комиссар юстиции РСФСР Н.В. Крыленко сообщил Сталину, что проведена необходимая следственная работа, собраны вещественные доказательства, задокументированы вредительские акты в ряде регионов Союза (Средняя Волга, Нижняя Волга, Северный Кавказ, Ленинград, Москов-

¹ Там же. Д. 391. Л. 23–25.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 27–29.

⁴ Там же. Л. 26.

ская область, ЦЧО и др.). В Москву из различных частей Союза были стянуты наиболее активные члены организации – участники процесса – в числе 10 человек. По Москве и Московской области, кроме того, было привлечено к ответственности десять человек руководящих членов организации. Подготовка к процессу была полностью закончена, однако Крыленко, ожидая указаний Сталина, лично считал нецелесообразным судебное рассмотрение этого дела и предложил поставить его для рассмотрения во внесудебном порядке¹.

22 апреля 1933 г. Политбюро ЦК (опросом) принимает несколько иное решение, чем ранее: дело о контрреволюционной организации в животноводстве было решено поставить на рассмотрение во внесудебном порядке, при этом смертных приговоров не выносить².

Большое значение в период острого противостояния власти и крестьянства в условиях проведенной коллективизации имело создание Политотделов МТС и совхозов. 30 декабря 1932 г. путем опроса членов Политбюро ЦК ВКП(б) утверждается проект постановления «О целях и задачах политических отделов МТС и совхозов». Принимается решение вынести его на утверждение Пленума ЦК и ЦКК.

В постановлении говорилось, что коллективизация основных масс бедняцко-середняцкого крестьянства, расширение производственно-технической базы колхозов и развитие совхозного строительства создали необходимые предпосылки для дальнейшего подъема сельского хозяйства, укрепления продовольственной и сырьевой базы индустриализации и непрерывного роста доходов как колхозов, так и отдельных колхозников. Успешному разрешению этих задач оказывают жестокое сопротивление антисоветские элементы села, которые стремятся организовать вредительство, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, организуют воровство семян, саботируют хлебозаготовки. В этой обстановке Политические отделы МТС и совхозов должны были обеспечить партийный контроль во всех областях работы и жиз-

¹ Там же. Д. 392. Л. 2.

² Там же. Д. 392. Л. 1.

ни как самих МТС и совхозов, так и обслуживаемых МТС колхозов.

Январский пленум одобрил проект Политбюро ЦК ВКП(б): «Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов». Сталин считал, что политотделы МТС и совхозов должны стать одним из тех решающих средств, при помощи которых можно устранить указанные выше недостатки в самый короткий срок.

7 января 1933 г. нарком земледелия Я.А. Яковлев по просьбе Сталина подготовил и направил ему на утверждение проект письма Наркомземам союзных республик, всем краевым, областным и районным земельным управлениям, всем краевым и областным трактороцентрам, всем директорам машинотракторных станций о вредительстве и борьбе с его последствиями. В нем указывалось, что «вредительство в колхозах и саботаж хлебозаготовок сыграют, в конце концов, такую же благотворительную роль в деле организации новых большевистских кадров в колхозах и совхозах, какую сыграл Шахтинский процесс в области промышленности».

Таким образом, если Шахтинский процесс послужил поворотным пунктом в деле усиления революционной бдительности коммунистов и организации красных специалистов в области промышленности, то, естественно, не было оснований сомневаться в том, что явления вредительства и саботажа в колхозах и совхозах, проявившиеся в 1931–1932 гг., должны были послужить точкой отсчета в деле развертывания революционной бдительности сельских и районных коммунистов и организации новых большевистских кадров в колхозах и совхозах.

С январского пленума борьба с вредительством в сельском хозяйстве стала организованной компанией, проводившейся под руководством ВКП(б). После создания политотделов, в январе начали приходить первые сообщения от них. Донесения политотделов вскрывали причины отставания районов в темпах сева, а также причины низкого качества сева.

Начальники политотделов ставили на решение вышестоящих органов вопросы замены директоров и особенно заведующих производственными участками более сильными и способными людьми. Обосновывалось проведение переподготовки тех директоров и заведующих производственными участками,

которые нуждались в чисто специальных знаниях по технике и агрономии. Говорилось о необходимости обеспечения квалифицированными рабочими, техниками и механиками как МТС, так и МТМ, которых на местах не было. Требовалась подготовка или присылка специалистов, способных ремонтировать комбайны и другие сложные уборочные машины, а также своевременное обеспечение МТС уборочным инвентарем и запчастями [3].

Через два месяца, 28 марта 1933 г., заместитель председателя ОГПУ Агранов и начальник секретно-политического отдела ОГПУ Молчанов доложили Сталину о работе заместителей начальников Политотделов МТС по работе ОГПУ. Они сообщали, что в марте, в связи с подготовкой к севу, была развернута работа по вскрытию и ликвидации контрреволюционной вредительской деятельности кулацких элементов, пытавшихся сорвать сев. Направление и содержание оперативной работы за вторую декаду марта характеризовалось следующими данными: всего по 57 МТС было арестовано 793 чел. Из них: за контрреволюционный саботаж, срывающий сев – 323 чел., за хищение имущества колхозов, МТС и МТМ – 286, за организованное вредительство – 180, за террор и диверсии – 4 чел. По 46 МТС было вычищено из колхозов МТС и МТМ – 2197 чел. По материалам заместителей начальников политотделов было снято с руководящей работы 35 чел. (директоров и помощников директоров МТС и МТМ – 11 чел., председателей колхозов – 24 чел.). Кроме того, было разоблачено очковительство со стороны ряда руководящих работников МТС и МТМ, дававших ложные сведения о подготовке к севу, чем тормозились ликвидация прорывов и борьба с вредительством¹.

Созданные по инициативе Сталина политотделы МТС и совхозов сумели вывести сельское хозяйство страны из глубокого кризиса, в котором оно находилось после проведенной коллективизации. Результатом их деятельности стало организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Из них были «вычищены» некомпетентные и враждебно настроенные по отношению к колхозному строю должностные лица и рядовые колхозники, а также враждебные совет-

¹ Там же. Ф. 3. Оп. 30. Д. 223. Л. 52–58.

скому строю элементы, действия которых, в том числе и осознанные акты вредительства и саботажа, самым негативным образом сказывались на состоянии колхозного производства.

Новый виток репрессий в отношении вредителей, в том числе и в сельском хозяйстве страны, начался в период массовых репрессий. 3 августа 1937 г. И.В. Сталин направил шифротелеграмму секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий о вредительстве в сельском хозяйстве.

Он писал: «За последнее время в краях, областях и республиках вскрыта вредительская работа врагов народа в области сельского хозяйства, направленная на подрыв хозяйства колхозов и на провоцирование колхозников на недовольство против советской власти путем целой системы издевок и глумлений над ними.

ЦК считает существенным недостатком руководства делом разгрома вредителей в сельском хозяйстве тот факт, что ликвидация вредителей проводится лишь закрытым порядком по линии органов НКВД, а колхозники не мобилизуются на борьбу с вредительством и его носителями.

Считая совершенно необходимой политическую мобилизацию колхозников вокруг работы, проводящейся по разгрому врагов народа в сельском хозяйстве, ЦК ВКП(б) обязывал обкомы, крайкомы и ЦК национальных компартий организовать в каждой области по районам 2–3 открытых показательных процесса над врагами народа – вредителями сельского хозяйства, пробравшимися в районные партийные советские и земельные органы (работники МТС и РайЗО, предРИКи, секретари РК и т. п.), широко осветив ход судебных процессов в местной печати»¹.

Немного позже, 11 августа 1937 г., В.М. Молотов и И.В. Сталин сообщили местным партийным и советским органам, что председатель Комитета заготовок при СНК СССР Клейнер разоблачен и арестован как враг народа, организовавший вредительство в области хлебозаготовок, строительства хлебных элеваторов, заготовки и хранения сортовых семян. Ставилась задача выкорчевать

¹ Там же. Ф. 3. Оп. 58. Д. 387. Л. 144.

все корешки и ликвидировать все последствия его вредительства¹.

31 августа 1937 г. Молотов и Сталин направили на места телеграмму о борьбе с клещом. Оказалось, что вредители нарушали элементарные требования дезинфекции, очистки и подготовки хлебных складов к поступлению зерна нового урожая, смешивали зерно, зараженное клещом, со здоровым зерном, влажное зерно – с сухим, не принимали мер к очистке и сушке зерна. В целях ликвидации последствий вредительства предлагалось проверить санитарное состояние элеваторов, складов и мельниц, а также привлечь к уголовной ответственности нарушителей санитарных правил, как вредителей, так и врагов народа².

10 сентября Молотов и Сталин направили очередную телеграмму в территориальные советские и партийные органы. В ней констатировалось, что согласно полученным телеграммам с мест, вредительство в деле хранения зерна не только не ликвидировано, а все еще процветает. По полученным сведениям, десятки тысяч тонн зерна лежали под дождем без укрытия, элементарные условия его хранения нарушались. Вновь прозвучало требование устроить по областям и краям «от двух до трех показательных судов над вредителями по хранению зерна, приговорить виновных к расстрелу, расстрелять их и опубликовать об этом в местной печати»³. 20 сентября 1937 г. Прокурор СССР А.Я. Вышинский доложил И.В. Сталину и В.М. Молотову о рассмотрении судебных дел в порядке реализации постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 августа и 10 сентября о борьбе с клещом и ликвидации последствий вредительства в деле хранения зерна. В производстве органов Прокуратуры по состоянию на 20 сентября находилось 170 дел. Часть их была рассмотрена судами, по ним 41 чел. приговорен к высшей мере наказания. Из них приведены в исполнение приговоры в отношении 26 чел. Сообщалось, что остальные дела будут рассмотрены судами в течение ближайших дней⁴.

Через три месяца, 19 декабря 1937 г., Вышинский еще раз доложил Ста-

¹ Там же. Л. 148.

² Там же. Д. 388. Л. 14–18.

³ Там же. Л. 60.

⁴ Там же. Л. 112–114.

лину и Молотову сведения о ходе борьбы с вредительством в системе «Заготзерно» и в области животноводства. «Привлечено к уголовной ответственности – 5612 чел., осуждено к высшей мере наказания расстрелу – 1955 чел. В отношении 1044-х человек, осужденных к высшей мере наказания, приговор приведен в исполнение»¹.

Совершенно очевидно, что кампания по борьбе с вредительством посредством фальсифицируемых показательных судебных процессов в зерновых регионах страны, инициированных Политбюро ЦК ВКП(б), преследовала такую же цель, что и кампания, несколько ранее проведенная в промышленности. Репрессируя одних, через страх стремились отмотивировать усилия других и таким методом стимулировать развитие сельского хозяйства СССР. Основной этап кампании по борьбе с вредительством в сельском хозяйстве страны к концу 1937 г. завершился, хотя отдельные ее проявления фиксировались и позже.

Литература

1. Журавлев В.А. Подвиг отечественных ученых (одна из трагических страниц нашей науки) // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* 2018. № 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/6301> (дата обращения – 18.12.2022).
2. Зелова О.В., Султанов И.С. Жизнь и деятельность великого отечественного микробиолога и эпидемиолога Коршуна Степана Васильевича // *Международ. студенч. научн. вестн.* 2018. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19298> (дата обращения – 18.12.2022).
3. Кондрашин В.В., Мозохин О.Б. Политотделы МТС в 1930 е. гг. М., 2017. – 304 с.
4. Мозохин О.Б. Дело «Трудовой крестьянской партии». М., 2021. – 400 с.
5. Чельный А.А. Микробиолог Степан Васильевич Коршун: судьба ученого и «дело микробиологов» М., 2016. – 224 с.

© Мозохин О.Б., 2023

¹ Там же. Д. 389. Л. 89.

МТС КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1930-Е ГГ.

В статье рассматривается проблема социального и материального положения механизаторов МТС в западносибирской деревне в 1930-е гг. Сделан вывод о неоднозначности их состояния и возможностях дальнейшего социального роста.

Ключевые слова: коллективизация; машинно-тракторные станции; крестьянство; Сибирь.

Машинно-тракторные станции (МТС), выполнявшие ряд хозяйственных и политических функций, стали неотъемлемой частью жизни советской деревни в 1930-е гг. Они являлись социальным лифтом, давая возможность молодёжи приобрести новую престижную профессию механизатора, предполагавшую определенное образование и рабочие навыки, что впоследствии помогало выйти за рамки колхозного социума и изменить свой социальный статус. В данной статье будет предпринята попытка охарактеризовать функцию МТС как социального лифта. При этом рассматриваются не только возможности, при помощи которых механизаторы могли повысить социальное положение, но и изменение их состояния внутри социальной группы колхозников.

Для этого необходимо рассмотреть вопрос материально-бытового положения рабочих МТС. Несмотря на то, что механизаторы работали в машинно-тракторных станциях, формально они оставались колхозниками. Их заработок учитывался в трудоднях и выплачивался колхозами, на полях которых они трудились. Первоначально гарантированного минимума оплаты труда не существовало, механизаторы зарабатывали наравне с остальными членами сельхозартелей. Только в 1932 г. трактористы стали получать 1 руб.30 коп. на трудодень. Впрочем, их материальное состояние оставалось тяжелым. Согласно проведённому в Западно-Сибирском крае в 1933 г. обследованию, лучшие рабочие не вырабатывали на передовых для того времени тракторах СТЗ более 170 тру-

¹ Лапердин Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, laperdin2011@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

додней, по причине существовавшей тогда системы их начисления (она не позволяла зарабатывать больше), а также многочисленных простоев из-за выхода из строя техники и нехватки горючего. Даже колхозник низкой квалификации при условии добросовестного отношения к своим обязанностям и регулярного выхода на работу, за год зарабатывал больше трудодней, чем механизатор. Колхозники высокой квалификации вырабатывали за сезон 350–400 трудодней¹. Существовавшая система начисления трудодней не только не стимулировала работу механизаторов, но и стала причиной их бегства из МТС.

Правительство осознавало проблему низкой заработной платы механизаторов и решило изменить положение, перейдя к прогрессивной системе оплаты труда. Согласно постановлению СНК СССР от 21 сентября 1933 г., начиная с 1934 г. все расчёты производились непосредственно МТС, для чего колхозы вносили им деньги в размерах, определяемых количеством трудодней, выработанных трактористами в данном колхозе. Последние имели гарантированный минимум заработка в размере 2 руб. 50 коп. и 3 кг. хлеба на трудодень. Кроме того, СНК СССР постановил перейти к прогрессивной системе оплаты труда за работу по пахоте, установив оценку одного гектара, вспаханного за смену в 0,5 трудодня, второго – в 0,7, третьего – в 1,2 и четвертого – в 1,7 трудодня. Время простоя трактора не оплачивалось. Для трактористов первой категории каждая из этих расценок повышалась на 0,1 трудодня. За выполнение сменной нормы выработки по посеву, боронованию и т. д., трактористам начислялось три трудодня. Кроме того, полагались премии за экономию горючего, перевыполнение норм выработки, хорошее техническое состояние трактора. Вместе с тем существовали штрафы и взыскания за невыход на работу, перерасход горючего, нарушение агрономических и технических правил. Исходя из вышеизложенного, может возникнуть соблазн, вслед за некоторыми исследователями, сделать вывод о привилегированном материальном положении механизаторов [1, с. 481; 3, с. 161]. Однако реальная ситуация была намного сложнее и наиболее точно, на наш взгляд, её охарактеризовал В.Н. Томилин, скептически

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 355.Л. 237–238.

относящийся к утверждению об особом материальном положении механизаторов [2, с. 210– 245].

Введение прогрессивной системы оплаты труда трактористов позволяло вырабатывать большее количество трудодней, а премиальные надбавки должны были стимулировать работу. Однако на практике трактористы не всегда получали премии, а зачастую с них взыскивались штрафы, в первую очередь за пережог горючего, низкие нормы расхода которого не соответствовали реальной потребности. Только в 1936 г. в Западно-Сибирском крае из 6 млн 900 тыс. руб. задолженности МТС за ГСМ, было взыскано с механизаторов путём начисления штрафов 3 млн 700 тыс. руб. В среднем по краю из годового заработка механизаторов вычиталось за пережог горючего не менее 40 трудодней. Существовали и иные штрафы: за невыход на работу, опоздания, поломки и т.д.

Желали поправить свое материальное состояние за счёт механизаторов и колхозы. Невыплата ими как материальной, так и натуральной части заработка, приобрела в 1930-е гг. хронический характер и стала повсеместным явлением. Государству даже пришлось издать в 1937 г. указ¹, нормирующий порядок рассмотрения судебных исков трактористов к МТС и МТС к колхозам, возникавших вследствие задержки заработной платы. Все три стороны имели право в судебном порядке отстаивать свои интересы. Однако учитывая волокиту судебных органов и возможность игнорирования их решений со стороны МТС и колхозов, положение простых рабочих с выходом этого указа не изменилось к лучшему. Летом 1938 г. НКВД по Новосибирской области сигнализировал о задержке заработной платы в ряде МТС: «В той же Усть-Сосновской МТС, Топкинского р[айо]на комбайнерам, работающим в МТС, давно, не полностью выплачена зарплата за 2 года. Задолженность трактористам и комбайнерам достигает 100 тыс. руб.

Директор РУБЦОВСКИЙ на требования комбайнёров погасить задолженность по зарплате отвечает: “Зарплату спрашивайте с Ваньки ВЕТРОВА, а я тут не причём. В МТС был вредитель СОБИЩУК он вам пусть и платит”. Та-

¹ СЗ СССР. 1937. № 50. Ст. 214.

кой ответ законно возмущает комбайнёров и трактористов, последние многие намерены уходить с работы.

Рабочие МТС находятся в самых скверных бытовых условиях»¹.

Вплоть до середины 1930-х гг. тяжелое материальное положение было характерно не только для рядовых механизаторов, но и для наиболее квалифицированных рабочих кадров. Некоторые из них были заводскими и фабричными производственниками, отправленными хозяйственными организациями и партией в деревню. В первые годы строительства сети МТС на должности, требующие определенной квалификации (ремонтные специалисты, бригадиры), назначались прибывшие из города рабочие. Но и впоследствии нехватка квалифицированных кадров вызывала потребность направлять в деревню горожан. Так, в 1934 г., недавно получивший специальность инженера в одном из московских вузов, С.Н. Овчинников занял должность старшего механика Топкинской МТС. Проработав несколько месяцев, он написал письмо в ЦК ВКП(б) и Наркомзем СССР с жалобой на тяжелое материальное положение и проблемы с жильем. Станция выдавала ему только килограмм хлеба и литр молока в день в качестве питания, зарплата же не позволяла покупать самостоятельно продукты на рынке. Вдовешении ко всему, его выселял из ранее занимаемого им жилья местный райисполком². Подобные условия приводили к бегству квалифицированных кадров обратно в город. Поэтому с 1934 г. в штат МТС были зачислены тракторные и ремонтные бригадиры, а с 1935 г. комбайнёры, получавшие наравне со служащими твёрдую заработную плату, что позволило сократить текучесть кадров.

Только в конце 1930-х гг. положение рядовых рабочих изменилось к лучшему. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 января 1939 г., государство взяло на себя обязательство по оплате гарантийного денежного минимума (2 руб. 50 коп. за трудодень) трактористам, оставив за колхозами обязанность выплачивать им разницу между гарантийной денежной

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 63. Л. 83.

² Там же. Ф. П-3. Оп. 9. Д. 952. Л. 550–552.

оплатой и фактической стоимостью денежной части трудодня, если та превышала установленный минимум. Также в обязанность колхозов входила выплата натуральной части заработка¹.

Таким образом, реализовать на практике формально имевшиеся в системе оплаты труда привилегии, не всегда оказывалось возможным. В конечном счете реализация материальных привилегий определялась системой взаимоотношений между механизаторами, дирекцией МТС, способной обложить штрафами, и колхозными председателями, утаивавшими хлеб и деньги для «своих» колхозников. В каждом конкретном случае эта ситуация могла складываться по-разному, хотя определенные тенденции проследить можно. Отношения механизаторов с колхозами и дирекцией машинно-тракторных станций носили противоречивый характер. Оставаясь формально членами сельхозартелей, они фактически являлись сезонной рабочей силой, предоставлявшейся колхозами для МТС. За организацию деятельности механизаторов на своей территории колхозы не отвечали, эта функция полностью перешла к МТС, что связано с необходимостью увеличения эффективности работы тракторной бригады. Так как работу механизаторов колхозы не регулировали, то для правлений они стали «чужими» людьми, за которых несет ответственность дирекция станций. Теперь механизаторы не были связаны с колхозными правлениями отношениями «начальник – подчиненный». Только МТС решала, где и как работать механизаторам.

Последние не отчитывались за свою деятельность перед правлениями. Формально за работу станции на колхозном собрании, должен был отчитаться директор МТС. Что, кстати, постоянно нарушалось и не выполнялось из-за его занятости. К тому же, механизаторы перебрасывались с места на место и часто работали в колхозах, членами которых они не являлись и могли не отчитываться перед ними. В своих же «родных» колхозах, их работа «на стороне» никого не интересовала.

Главное же, в условиях, при которых правления колхозов не влияли на состав тракторной бригады и не занимались связанными с ней производствен-

¹ СП СССР. 1939. № 4. Ст. 13.

ными вопросами, механизаторы оказывались исключенными из процесса принятия решений в колхозных коллективах и выходили как бы за его рамки. Хотя фактически могли работать на полях своих колхозов и оставались их членами. Это выводило их из-под подчинения правления колхозов и отдаляло от коллектива, что имело как свои позитивные, так и негативные последствия. Они теряли связь с коллективом и, в случае необходимости, не могли рассчитывать на его поддержку.

Следует учитывать напряженные отношения между МТС и колхозами. Государство навязывало последним необходимость заключать со станциями договоры на не выгодных для сельхозартелей условиях. В таких ситуациях механизаторы в глазах колхозников могли вовсе являться представителями интересов МТС и «чужаками». В 1930-е гг. были распространены «антикомбайновые» настроения, что в переводе с языка того времени означало нежелание колхозников пускать на свои поля технику. Крестьяне считали, что способны выполнить тот же объем работ собственными силами без лишних затрат в виде обязательной для выплаты натуроплаты в пользу машинно-тракторных станций. «Антикомбайновые» настроения распространялись не только на МТС, но и на механизаторов. Из-за постоянных простоев в результате поломки техники или нехватки чего, они не всегда справлялись со своими обязанностями. Хозяйственные и партийные организации, а также органы государственной безопасности, часто упоминали в своих отчетах негативное отношение рядовых колхозников к механизаторам, которые являлись в их глазах бездельниками, не отработавшими свой хлеб. Впрочем, встречались и совершенно противоположные оценки, к концу десятилетия многие колхозы уже не представляли себе жизни без техники МТС. Образ механизаторов в них, естественно, был уже совершенно иной.

Формально оставаясь членами колхозов, но утратив с ними прочную связь, механизаторы не нашли в лице МТС необходимую социальную опору. Руководство станций не стремилось отстаивать их интересы и взыскивать с колхозов причитающееся, когда те задерживали оплату труда. Если рабочий еще мог до-

говориться с правлением колхоза, в котором он состоял, то в случае работы механизаторов на полях соседних колхозов, добиться справедливости получалось не всегда. При отсутствии давления со стороны МТС, правления сельхозартелей могли проигнорировать претензии «чужих» колхозников. Получение заработанного на трудодни хлеба оказывалось сопряжено с длительной тяжбой с колхозами. Механизаторам приходилось обращаться с просьбами в различные вышестоящие инстанции. Так, тракторист Ужанихинской МТС Д. Демидов написал письмо первому секретарю Западно-Сибирского крайкома Р.И. Эйхе, в котором жаловался на невыплату заработной платы за 1935 г. Только в сентябре следующего 1936 г. он смог получить из причитавшихся ему 306 кг. хлеба 206 кг. Оставшиеся 100 кг. не отдавал один из местных колхозов, в связи с чем Чулымскому райкому пришлось подключить к делу органы прокуратуры¹.

Не лучше поступала дирекция МТС. Из заработной платы рабочих удерживались значительные суммы в виде штрафов, о чем было сказано выше. В целом дирекция станций к основной массе трактористов, шофёров, прицепщиков и представителям прочих специальностей, не требовавших больших технических знаний и опыта работы, относилась как к сезонной рабочей силе. Их набирали среди местной молодежи, наспех обучали азам профессии на краткосрочных курсах, после чего они обязывались отработать в МТС два года, согласно существовавшим тогда правилам. Только что упоминавшийся тракторист Ужанихинской МТС Д. Демидов был вынужден работать босиком, так как его не отпускали в город для покупки обуви. Директор станции на его просьбы отвечал следующим образом: «все колхозники ходят босиком и не бросают работать»². С таким отношением многие покидали МТС сразу же после окончания первого сельскохозяйственного сезона, отправляясь в город, устраиваясь на работу в совхоз, или же возвращались в свой колхоз, предпочитая роль колхозника статусу механизатора (таких случаев тоже оказалось немало). Руководству МТС было легче подготовить новых рабочих на краткосрочных курсах, чем бо-

¹ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 10. Д. 31. Л. 457–460.

² Там же. Л. 460.

роться с высокой текучестью кадров. Держались только за высококвалифицированную часть специалистов, состоявших в штате МТС – комбайнеров, тракторных и ремонтных бригадиров. Изменить данное положение рядовые рабочие не могли. Только единицы пытались бороться с дирекцией станций. Некоторые механизаторы становились селькорами и описывали в газетных статьях недостатки общественного производства и свое положение в МТС. Так, известный на всю округу сельский корреспондент и по совместительству рабочий Грязнухинской МТС Г.А. Кужелев в 1937 г. жаловался в редакцию «Сельской правды»: «Был такой случай, я написал Вам заметку о том, как в Грязнухинской МТС проводится совет МТС, когда была эта заметка получена в райкоме, она была без подписи, то зам[еститель] секретаря тов[арищ] Никитин закричал со злобой на весь райком: “Это пишет Кужелев, больше никто”, также с возмущением поддакивал пред[седатель] рика тов[арищ] Глухих»¹. В данном случае отстаивание собственных интересов привело к конфликту уже не только с дирекцией МТС, но и районными властями. Впрочем, перевес сил в таких ситуациях был, как правило, не на стороне рабочих.

Рассматривая социальное положение механизаторов, все же стоит иметь в виду, что у них имелись определенные плюсы. Во-первых, репутационные: образ тракториста и комбайнера являлся не просто новым для деревни 1930-х гг., с ним отождествляли будущее сельского хозяйства. Механизатор, соответственно, – человек будущего, изменяющий привычный уклад деревни. Эта идеологическая установка весьма широко распространилась среди молодежи, желавшей приобрести новую престижную профессию, даже, несмотря на связанные с ней издержки. Во-вторых, описанное выше пограничное социальное положение, при котором утрачивается прочная связь с родным колхозным коллективом, а новой связи с МТС так и не создается, позволяла легче порвать с жизнью в деревне и давала определенный стимул для переезда в город.

Таким образом, если материальное положение механизаторов можно считать условно привилегированным (определенные привилегии в системе оплаты

¹ Там же. Оп. 11. Д. 41. Л. 30.

труда у них имелись, хотя на практике не всегда реализовывались), то вот социальное положение характеризуется скорее как пограничное, хотя ещё и не маргинальное. Они находились на стыке двух социально-экономических структур: утрачивали тесную связь с колхозными коллективами, формально оставаясь их членами, но вместе с тем не находили полноценную социальную опору в МТС, которая не могла им ничего предложить, кроме новой профессии и навыков, в отличие, например, от совхозов, предоставлявших своим работникам статус индустриальных рабочих. Такое неопределенное положение могло вызывать чувство отчуждения и социальной незащищенности, что и приводило вместе с желанием улучшить свое материальное положение к бегству из МТС и поиску лучшей жизни в городах или совхозах. Таким образом, МТС являлись своеобразным социальным лифтом. Изменяя статус колхозника, становившегося механизатором, внутри его социальной группы, они при этом не позволяли выйти за рамки самой группы. Однако впоследствии механизаторы получали возможность использовать свое образование и рабочие навыки при переезде в город, где они без проблем находили новую работу на производстве, особенно в тех сферах труда, где требовались квалифицированные кадры.

Литература

1. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. – 608 с.
2. *Томилин В.Н.* Наша крепость. Машинно-тракторные станции Черноземного Центра России в послевоенный период: 1946–1958 гг. М., 2009. – 409 с.
3. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. – 422 с.

© Лапердин В.Б., 2023

«ДВОЕВЛАСТИЕ» В КУРСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВЕСНОЙ–ОСЕНЬЮ 1943 Г.: К ПРОБЛЕМЕ ВЫЖИВАНИЯ КОЛХОЗНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Курская область весной – летом 1943 г., будучи фронтовым регионом, оказалась в сложном положении: ее население было вынуждено, с одной стороны, снабжать действующую армию продовольствием, а, с другой – реализовывать государственные обязательства по выполнению заготовок сельхозпродукции. В условиях разорения крестьянства в период оккупации выполнение этих двух важнейших задач поставило население региона на грань выживания.

Ключевые слова: заготовки; власть; военные; продовольствие; голод; Курская область.

В письме за № 5-1 с грифом «совершенно секретно» А.И. Микояну от 16 ноября 1943 г. руководители Курской области П.И. Доронин и В.В. Волчков указывали, что в ряде районов региона, которые оказались в прифронтовой полосе весной-летом 1943 г. вообще не было никаких посевов. Связано это с тем, что немецкое командование угоняло население на принудительные работы, а крупные земельные участки минировались. Все это привело к тому, что в большинстве колхозов Воловского, Большепольянского, Тербунского, Глазуновского, Шебекинского, Сажновского, Беленихинского, Троснянского, Кореневского и Рыльского районов, и соответственно у населения сельхозартелей вышеперечисленных местностей, не было никаких запасов хлеба, и люди серьезно нуждались в помощи. Помимо этих территорий, не лучшее положение наблюдалось в Беленихинском, Сажновском, Прохоровском, Поныровском и др. районах, где посевы оказались уничтоженными в ходе летних боев. В общей сложности, как отмечалось в письме, в продовольственной помощи нуждались около 200 тыс. чел., для снабжения которых требовалось не менее 300 т муки ежемесячно до следующего урожая².

¹ Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, Государственный архив Курской области, argunovoleg-poet@mail.ru, Россия, г. Курск.

² Государственный архив Курской области. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 5. Л. 44.

Безусловно, доводы, приводимые руководителями области в вышеуказанном документе, имели объективный характер. Сюда также можно добавить последствия оккупационной политики немецких властей, которые стремились по максимуму выкачать ресурсы из подконтрольных им советских территорий [2, с. 4–9; 5, с. 76–85]. Но П.И. Доронин и В.В. Волчков умолчали еще одном «аргументе», который мог стоить им карьеры. Не менее важной причиной столь бедственного положения курских колхозников зимой 1943–1944 гг. было «двоевластие» военных и партийно-государственных структур, продолжавшееся на территории региона с февраля по сентябрь 1943 г.

В этот период в области, помимо партийно-советских структур, свои властные полномочия активно осуществляло командование воинских формирований, располагавшихся в регионе. Тому, каким было взаимодействие военных и партийно-государственных органов, и как «двоевластие» отразилось на жизни курских колхозников, посвящена настоящая работа.

Итак, в ходе масштабного наступления Красной Армии в январе–марте 1943 г. были освобождены значительные территории РСФСР, в том числе большая часть районов Курской области, за счет которых образовался знаменитый курский выступ. По мере освобождения региона от захватчиков в бывшие оккупированные районы возвращалась и партийно-государственная власть в лице советов и партийных структур низшего и среднего звена. Однако формально возобновив свою деятельность, многие райисполкомы и райкомы оказались не в состоянии выполнять возложенные на них партийно-государственные задачи [4, с. 513]. Данное положение обуславливалось недостатком активных партийно-государственных кадров и практически повсеместным отсутствием материальной базы. Поэтому местные руководители оказались вынуждены обращаться за помощью в проведении некоторых мероприятий к военным, а еще чаще последние сами выступали инициаторами присвоения себе властных полномочий.

Весьма интересной в этой связи представляется копия приказа военного коменданта с. Гостищева Сажновского района капитана Квашина от 10 апреля

1943 г. «О наведении революционного порядка в населенном пункте», где подробно перечислялись основные правила жизни в данном селе, разъяснялся порядок регистрации, вводился комендантский час и обязательное участие в работах по расчистке дорог и строительству оборонительных сооружений¹. Казалось бы, все правильно, особенно учитывая военное время и прифронтовое расположение села. Однако в том же деле имеется рапорт, составленный участковым уполномоченным Сажновского райотдела НКВД Скориним 23 апреля 1943 г. В документе указывалось, что вышеуказанный комендант продолжает делать «беззакония, пьянствует, проводит повальные обыски, арестовывая людей». Только за 15 и 16 апреля им были арестованы четыре человека, у которых изъяли более двух пудов картофеля, хлеб, литр сливочного масла, которые тут же были переданы в полевую кухню. На требования местных властей прекратить подобные действия Квашин отвечал, что «послан специально для сборки продуктов»².

Аналогичные действия предпринимались военными и в других районах региона. К примеру, 29 марта 1943 г. в Курский облисполком поступило письмо от заместителя председателя Корочанского райисполкома, в котором указывалось, что «исполком райсовета неоднократно обращался к начальнику гарнизона, командиру 169-го полка и к командованию отдельных воинских частей с просьбой прекращения бесчинств, однако никаких мер принято не было, и бесчинства со стороны разрозненных групп и отдельных бойцов, и командиров продолжаются». Как отмечается в документе, в большинстве своем «бесчинства» происходили ночью, а тех, кто пытался помешать изъятию продовольствия и скота, бойцы избивали, калечили и даже в отдельных случаях применяли огнестрельное оружие. «Всякие попытки со стороны сельской власти воспрепятствовать самоуправному изъятию зерна или поломке зданий не приводят к должным результатам», — констатировалось в письме. В отдельных случаях увечья наносились очень серьезные: сопротивляясь угонам коров и лоша-

¹ Там же. Д. 6. Л. 96–96 об.

² Там же. Л. 106–106 об.

дей, были сильно избиты жительницы Александровского, Ушаковского, Соколовского сельсоветов Корочанского района. Масштабы изъятий оказались очень серьезными: на 28 марта в районе военные изъяли 870 ц семенного зерна, 172 лошади, 7 коров, 17 телок, 18 овец, 5 быков и множество других вещей¹.

При этом мотивация подобного поведения была разной. Это очень хорошо отражает докладная записка в Курский облисполком от 8 апреля 1943 г., подписанная секретарем Большетроицкого райкома ВКП(б) Е.Я. Налётой, председателем райисполкома С.С. Сухоруковым и начальником райотдела НКВД Веретенниковым. Приведу лишь одну выдержку из документа: «в Зимовеньковском сельсовете без ведома [командования] собирают по колхозникам продукты, которые пропивают, в Краснополянском сельсовете 28 марта с/г под руководством лейтенанта <...> и старшины <...> вооруженными бойцами забирались у колхозников куры, хлопчатобумажные штаны. <...> Когда было предложено, что так делать нельзя, бойцы заявили, что делать это им приказал старшина, угрожая наганом, последний же заявил, что ему делать нечего, когда бойцы 8 дней голодные»².

Похожие случаи имели место и в Ракитянском районе³.

Исходя из анализа вышеуказанных документов, можно констатировать, что причин отбора продуктов питания и имущества у военных было несколько, главные из которых, во-первых, обогащение с последующим использованием ценностей в личных целях; во-вторых, бедственное положение самих бойцов, которые по причине оторванности тылов в период наступления не имели достаточного снабжения.

Настоящий тезис подтверждается и другими документами. Весьма интересной в этой связи представляется докладная записка уполномоченного наркомата заготовок (уполнаркомзага) СССР по Курской области И.Я. Акимова партийно-государственному руководству области, датированная 26 мая 1943 г., в которой отмечается следующее: «По прибытии в область я встретился с пол-

¹ Там же. Л. 62–62 об.

² Там же. Л. 83–83 об.

³ Там же. Л. 159–159 об.

ной неразберихой в работе по заготовкам. Армейские уполнаркомзаги давали наряды воинским частям без учета особенностей районов, никто серьезно не занимался изучением ресурсов, более того, отдельные воинские части по заданиям уполнаркомзагов фронтов брали у населения такие продукты, как картофель, сено, не заготавливали, а брали, так как никаких планов по этим видам продуктов Правительством для нашей области не было установлено, и порядок их заготовок не был определен». Далее в документе отмечалось, что подобные практики имели широкое распространение по районам области: сотни тонн зерна было самовольно заготовлено воинскими частями в Суджанском, Кореневском, Михайловском и др.¹

За период активных боев на территории Курской области в феврале-марте 1943 г. воинскими частями Воронежского, Центрального и Юго-Западного фронтов было заготовлено (в том числе и самовольно) значительное количество сельскохозяйственных продуктов. В письме от 14 ноября 1943 г. наркома заготовок СССР К.П. Субботина уполнаркомзагам вышеуказанных фронтов (Карпову, Поджуйко и Васильченко), уполнаркомзагу СССР по Курской области И.Я. Акимову и председателю исполкома Курского облсовета депутатов трудящихся В.В. Волчкову указывалось, что воинские части трех фронтов получили от колхозов и колхозников региона 1872,0 т зерна, 2395,0 т картофеля, 711,0 т мяса и множество других продуктов. При этом за изъятое продовольствие уполномоченные воинских частей предоставляли только частные расписки, взамен которых руководство фронтов отказывалось выдавать чековые требования. Это означало, что изъятые продукты не шли в счет собранных, и колхозники и колхозы обязаны были повторно сдавать сельхозпродукты в счет заготовок².

Данный тезис подтверждается и другими документами. К примеру, в письме заместителя наркома мясной и молочной промышленности РСФСР от 15 марта 1943 г. указывалось, что только солдатами частей 60-й армии было расхищено 300 т мяса из холодильника, оставленного немцами недалеко от станции

¹ Там же. Л. 236–238 об.

² ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 5. Л. 39–39 об.

Рышково. Термин «расхищение» употребляется в связи с отсутствием разрешительных документов на получение продуктов и чековых требований на определенные продукты. Однако справедливости ради стоит сказать, что в том же письме фигурирует факт расхищения еще 100 т мяса уже местными жителями¹.

Однако зачастую военные действовали не самостоятельно, а при полной поддержке местных властей. Подобное сотрудничество представителей органов власти и командиров и бойцов носило чаще всего незаконный характер, направленный на восстановление «справедливости» и личное обогащение, как указывалось выше, отдельных должностных лиц.

Серьезный урон репутации советской власти подобными действиями был нанесен в Солнцевском районе. Действия руководства райисполкома оказались настолько компрометирующими, что в ситуацию вмешался военный прокурор Курской области Е.Ф. Коновалов. В своем письме, адресованном В.В. Волчкову, он отмечал, что председатель Солнцевского райисполкома Е.И. Волобуев и его заместитель М.В. Венедиктов при активном содействии воинских частей занимались изъятием у граждан, заподозренных в связях с немцами в период оккупации района, продуктов, личных вещей и скота с последующим перераспределением между не очернившими себя связью с врагами гражданами. Чаще всего это были или они сами (Волобуев и Венедиктов), или их родственники. При этом изъятия производились, как отмечается в документе, «путем массового изъятия <...> у семей бывших полицейских, старост, сотских и даже черно-рабочих, [работавших] у немцев, только по мотивам семейного родства, независимо от того, [являлся] ли тот полицейский членом данной семьи или нет, и независимо от того, арестован ли он или призван в Красную Армию».

В документе приводятся несколько случаев, процитирую:

«24 апреля 1943 г. тот же Венедиктов по распоряжению пред. Райсовета Волобуева, произвел обыск в квартире гр[аждан]ки с. Зуевки Дороховой Прасковьи. При обыске им изъято до последнего – 12 кг соли, 2 пуда пшена, полтора пуда конопляного семя, 4 катушки ниток и 5 коробок спичек. После обыска Ве-

¹ Там же. Д. 6. Л. 35.

недиктов послал работников Райсовета Кузнецову Ольгу и Медведеву Софию с запиской к Дороховой, чтобы та отдала имеющиеся у нее ковер и часы. Изъятые часы Венедиктов передал секретарю РК ВКП(б) Жилину».

«В марте м[еся]це 1943 г. пред[седатель] РИКа Волобуев узнав о том, что у гр[аждани]на с. Шумакова Алябьева имеется мед, приказал изъять этот мед. Когда Алябьев отказался от выдачи меда, Волобуев вызвал его в сельсовет, посадил под арест, где он просидел до 8 часов утра, а в это время у него изъяли 3,5 пуда меду из собственной пасеки, корову и жел[езно]дорожные часы. Утром пред[седатель] РИКа Волобуев предложил Алябьеву подписать расписку о том, что он обязуется сдать 30 пудов хлеба в семенной фонд. После того, [как] Алябьев подписал такую расписку, ему была возвращена корова, и он был отпущен домой. Часы пред[седатель] РИКа Волобуев повесил у себя в кабинете. Мед был увезен братом Волобуева, который по его же предложению изымал этот мед. Где дели мед неизвестно»¹.

Подобные практики также имели место в Суджанском², Свободинском³ и многих других районах Курской области.

Также задокументированы случаи, когда руководители различного уровня и самостоятельно занимались грабежом местного населения, что также нашло отражение в ряде документов, находящихся на хранении в Государственном архиве Курской области. Так, в спецсообщении заместителя начальника Управления НКГБ по Курской области, полковника госбезопасности Письменского от 14 августа 1943 г., приведены выдержки из десятков писем жителей региона своим родственникам на фронт. В данных текстах указывались зачастую вопиющие факты. Вот некоторые из них.

С.Г. Сапогов в своем письме брату Н.Г. Сапогову отмечал: «оставил ты нас здесь на издевательство немецким работникам. У нас пред[седатель] колхоза Уваров Павел, он над многими издевался. Катю он снял с работы, назначил ее на дорогу (на дорожные работы. – О.А.). На корове пахать некому, он убил

¹ Там же. Д. 16. Л. 23–24.

² Там же. Л. 17–17 об., 19–22.

³ Там же. Д. 6. Л. 261.

корову».

Выдержка из письма А. Косинова отцу А.А. Косинову: «мы прирезали корову, на второй день пришел председатель колхоза и взял мясо, и сдал военным частям просто нахальным образом, а нам за мясо выписал 60 руб. за 22 кг мяса. Вы защищаете Родину, а нас Сидоров разоряет и сказал, что разорю и возьму все»¹. Также в данном документе упоминаются массовые случаи фактического разорения многих хозяйств, отбора у них не только продуктов питания и ценностей, но даже семенного материала.

Все это в итоге привело к тому, что во многих районах региона нечем было проводить весенний сев не только на колхозных полях, но и на личных приусадебных участках, что, в свою очередь, создало весьма тревожное положение: область априори не выполняла планов заготовок, не оставляла семян для сева 1944 г. и не могла обеспечить собственных жителей минимумом продуктов питания. И это даже с учетом того, что многие районы из-за тяжелого положения были освобождены от обязательных поставок государству².

Тем не менее, на основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1943 г. был утвержден план сдачи зерна по всем категориям хозяйств в размере 10 247 тыс. пудов и план сдачи в хлебный фонд Красной Армии – 9000 тыс. пудов³. Срыв проведения заготовительной кампании, в том числе допущение больших потерь урожая при уборке и вывозке, приравнивался к антигосударственному саботажу⁴.

Мы не будем подробно останавливаться на том, каким образом осуществлялись государственные заготовки в разоренной области, тем более что данному вопросу посвящена одна из наших более ранних работ [3, с. 19– 23]. Отметим лишь, что масштабы заготовительной кампании 1943 г. были достаточно серьезными. Сельхозпродукция изымалась государством различными способами, в том числе и за счет централизованных закупок. Так, к декабрю

¹ Там же. Д. 21. Л. 232–238 об.

² Там же. Оп. 22. Д. 23. Л. 102.

³ Там же. Оп. 10. Д. 12. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 18.

1943 г. на территории области было закуплено 4501,5 т картофеля, из которых 258,5 т у колхозов, а 2496,3 т у колхозников, причем нередко закупки проводились в принудительном порядке¹.

И еще один факт: заготовки, особенно в летнее время, когда на территории области еще находилось достаточно много воинских частей, старались производить быстро, чтобы военные самостоятельно не изымали зерно. Так, на 1 сентября 1943 г. по Курской области убранными значились 720 730 га зерновых культур, или 85,8% от плана, из которых обмолотили 296 202 га, собрав 1 035 660 ц зерна (в среднем 3,5 ц/га)². На 4 сентября план заготовок зерна по 56-и районам области выполнили на 51,9%, заготовили 44 284 т зерна при плане в 85 200 т³.

Подытожим. Освобожденные от оккупации в феврале–марте 1943 г. районы Курской области оказались в очень тяжелом положении: они были разорены немцами и их пособниками и сильно пострадали от боевых действий. Усугубила положение деятельность советских военных, направленная на изъятие у населения и вновь организованных колхозов продуктов питания, семенного материала, тягловой силы и ценных вещей. Реквизиции продуктов питания и зерна производились без учета положения конкретных районов и людей, что создавало еще более тяжелые условия труда. Нередкими были факты, когда осуществлять подобные практики военным помогали местные власти в лице председателей колхозов и сельсоветов, руководители районных партийно-государственных органов. Все эти действия дискредитировали советских бойцов и командиров, представителей власти в глазах у рядовых жителей Курской области, но в большинстве своем какого-либо серьезного противодействия «бесчинствам» не было. Сказывалось, на мой взгляд, понимание серьезности и сложности сложившейся ситуации.

Однако и действия властей, осуществлявших централизованные заготовительные кампании, также не вызывали серьезной поддержки, так как в их ходе

¹ Там же. Д. 5. Л. 51–51 об.

² ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 4. Д. 3. Л. 9–10.

³ Там же. Л. 77–77 об.

изымался практически весь собранный в отдельных хозяйствах урожай. Ситуация оказалась такой, что, несмотря на наличие двух независимых центров силы в регионе – военных и государственных властей, колхозное крестьянство одинаково пострадало от действий и тех, и других, которые были связаны, в первую очередь, с заготовками сельскохозяйственной продукции. Все это в совокупности создало условия для масштабной голодовки в большинстве районов Курской области [1, с. 12–16], предотвратить которую удалось только частично и фактически за счет перераспределения внутренних резервов, а не централизованной государственной помощи.

Литература

1. *Аргунов О.Н.* В преддверии голода: сельское население Курской области в 1943–1945 гг. // Истоки и уроки Великой Победы: сб. научн. ст. участн. Всерос. научн.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 75-лет. Победы в Великой Отечественной войне. Курск, 22.05.2020. Курск, 2020. С. 12–16.
2. *Аргунов О.Н.* Голод как фактор немецкой оккупационной политики в годы Великой Отечественной войны (на материалах Курской области) // «Над страной грохочет военный ураган...»: Курский военно-исторический сборник. Вып. 21. Курск, 2021. С. 4–9.
3. *Аргунов О.Н., Яценко К.В.* Хлебозаготовки в Курской области в 1943 г.: к постановке проблемы // Завершение коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны: проблемы исследования и сохранения исторической памяти: международн. научн.-практ. конф. Оренбург, 2018. С. 19–23.
4. *Кононов Н.Г.* Курская деревня в годы великих испытаний 1941–1945 гг. Курск, 2015. – 613 с.
5. *Никифоров С.А.* Политика оккупационных властей на территории Курской области в 1941–1943 гг. Курск, 2007. – 144 с.

© *Аргунов О.Н.*, 2023

ТРАНСФОРМАЦИЯ КАДРОВОГО КОРПУСА В АГРАРНОЙ ОТРАСЛИ ТАТАРСКОЙ АССР В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

На примере Татарской АССР показана трансформация сельской элиты в позднесоветский период. Сделан вывод, что усиление бюрократизации в регулировании хозяйственных связей, конъюнктурно-протекционистский подход в сочетании с господствующей иерархичностью социально-политического устройства противоречили объективно назревшей потребности в развитии горизонтальных связей в среде предприимчивых ответственных за свой участок работы высоко квалифицированных профессионалов и руководителей.

Ключевые слова: советское крестьянство; аграрная политика; советская бюрократия; трудовые отношения в СССР; Татарская АССР.

Своеобразие аграрного курса в стране в 1960–1980-е гг. заключалось в стремлении государственных структур к модернизации производственных процессов: механизации, электрификации, химизации, мелиорации земель и др. Это обуславливало необходимость увеличения корпорации образованных профессионалов, призванных осуществить масштабные планы по кардинальному изменению сельского хозяйства.

Основой подготовки кадров массовых профессий являлись сельские профессионально-технические училища (СПТУ), сеть которых значительно расширилась в 1970-е гг. За это десятилетие Татарской АССР (ТАССР) по уровню развития профтехобразования на селе вышла на первое место в РСФСР. В 1981 г. в каждом районе республики было хотя бы одно СПТУ. В них значительно расширился перечень специальностей, по которым готовили представителей массовых профессий. Стала осуществляться подготовка мастеров животноводства II класса, машинистов дождевальных машин с квалификацией слесаря, машинистов насосных станций и дождевальных установок с квалификацией электромонтера, мастеров по переработке плодов и ягод, цветоводов,

¹ Галлямова Альфия Габдулнуровна, доктор исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, alfiya1955@gmail.com, Россия, г. Казань.

электросварщиков и др.

В связи с усложнением материально-технического потенциала и технологии процессов, специализацией и концентрацией аграрного производства актуализировались вопросы повышения уровня образования руководителей сельского хозяйства. Уровень председателей колхозов начал повышаться, начиная с 1950-х гг. Если в 1950 г. из 4256 председателей колхозов было только у 44 (1%) было специальное образование, у 3322 (78%) – начальное образование, а у 890 (27%) – не было даже его, то к концу 1950-х гг. 12,3% председателей колхозов имели высшее и 33,9% – среднее образование. Правда, оставшаяся часть, т.е. 53,8% все еще имели только начальное образование. Значительно лучше было положение с директорами совхозов. 70% директоров совхозов в 1960 г. имели высшее, остальные – среднее образование¹. Среди бригадиров производственных бригад, заведующих фермами, управляющих отделениями совхозов в 1950-е гг. работники с высшим и даже средним образованием были большой редкостью. В 1960 г. из 3575 бригадиров производственных бригад колхозов с высшим образованием было 5, со средним – 61 человек, из 1668 заведующих фермами никто не имел высшего и лишь 23 человека имели среднее специальное образование².

За первую половину 1960-х гг. положение почти не изменилось, хотя ежегодно в село направлялось 500–600 выпускников сельскохозяйственных вузов и техникумов. К середине 1960-х гг. высшее образование имели 22 % председателей колхозов и 71% директоров совхозов, среднее образование – соответственно 37 и 21%. Иными словами, по-прежнему, несмотря на рост масштабов колхозов, их техническое насыщение, 42% колхозов управлялась людьми с начальным образованием. В 1965 г. среди управляющих отделениями совхозов, колхозных бригадиров, заведующих фермами практики составляли от 71 до 98% от общей их численности³.

¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-5874. Оп. 1. Д. 3926. Л. 1; Д. 3927. Л. 1; Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 18. Л. 38.

² Там же. Ф. Р-5874. Оп. 1. Д. 3926. Л. 5.

³ Народное хозяйство Татарской АССР: стат. сб. Казань, 1966. С. 163, 168.

Такое положение для модернизирующегося производства было бы приемлемым при достаточном наличии специалистов, отвечающих за узкие производственные направления. Но многие колхозы вообще работали без них. Так, на 1 апреля 1964 г. не имели агрономов 30, инженеров–механиков – 91, зоотехников – 177, ветврачей и веттехников – 198, колхозов¹.

В 1960-е – первой половине 1980-х гг. численность специалистов с высшим и средне-специальным сельскохозяйственным образованием выросла в республике почти в 3,5 раза. Однако в колхозах и совхозах работала меньшая их часть. Так, в 1978 г. в сельском хозяйстве республики насчитывалось 30 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, из них только 12 тыс. (чуть больше трети) трудились непосредственно в хозяйствах. Остальные входили в корпус районной и республиканской бюрократии.

Во главе же многих колхозов республики в позднесоветский период по-прежнему стояли руководители-практики с начальным образованием. Причем, как правило, они возглавляли крепкие колхозы. Нестандартный творческий подход «старых» председателей в условиях, когда аграрную отрасль захлестывал бумажный поток инструктивно-распорядительного характера от размножившихся в тот период министерств, ведомств, главков, нередко давал возможность для большего маневрирования во встречном отчетном стриме. Залог успех заключался в годах наработанной безупречной репутации, обеспечивавшей «необразованным руководителям» определенную самостоятельность в оценке и реализации происходивших в сельском хозяйстве нововведений.

Так, в 1981 г. в личной беседе председатель колхоза–миллионера «Искра» Арского района Ф.А. Галиев (1925 г.р.) на мой вопрос о том, как он оценивает курс на межхозяйственную кооперацию, ответил: «На бумаге – очень положительно, а на деле работаем старым проверенным способом, в каждой деревне должна быть ферма, потому что работа должна быть в каждой деревне, чтобы людям было удобно жить». Ф.А. Галиев по сути деласаботировал также программу ликвидации неперспективных деревень, оставив в маленьких селе-

¹ ГА РТ. Ф. Р-5874. Оп. 8. Д. 160. Л. 11, 12.

ниях, входивших в колхоз, школу, ферму вопреки распоряжениям властей. Такое поведение председателю с 30-летним успешным стажем сходило с рук. Это, не значит, что Файхразман Ахметович противился всяким начинаниям в модернизации производства, но он подходил к ним умело, без кампанейщины, тщательно продумывая каждое новшество. В его колхозе одним из первых был создан мощный машинный двор, гостиница для приезжих специалистов, совершенствовалась социальная инфраструктура.

Нестандартный творческий подход отличал и председателей колхозов им. XXII партсъезда Дрожжановского района А. Абдреева, им. газеты «Социалистик Татарстан» Балтасинского района Х. Галимуллина, «Россия» Пестречинского района И. Ларионова, «Коммунизмга» Актанышского района И. Гарипова, «Ленинский путь» Лениногорского района В. Арютина, «Ватан» Буинского района А. Хасанова, «Татарстан» Буинского района Н. Сабирзянова, «Дружба» Октябрьского района Ш. Хафизова, «Ярыш» Альметьевского района С. Ахтямова, им. Калинина Мензелинского района К. Гафиятова, «Яна тормыш» Балтасинского района Р. Замалетдинова, им. Ленина Зеленодольского района Т. Гиниатуллина; директоров совхоза «Кощаковский» Н. Валеева, «Гигант» Н. Зиатдинова, ОПХ «Семеновод» А. Ильина, «Нижекамский» Г. Шакирова. На протяжении десятков лет они возглавляли хозяйства, которые неизменно добивались высоких производственных результатов.

И все-таки время старых кадров, начавших свою трудовую деятельность в довоенные или первое послевоенное десятилетие, в позднесоветский период уходило. На смену им приходили выпускники сельскохозяйственных техникумов и институтов. К 1980 г. председатели, имевшие высшее образование, составляли 65%, директоров совхозов – 85%¹. Часто по распределению вчерашние студенты попадали в довольно далекие от места своего рождения населенные пункты и не имели эмоциональной связи с ним.

Нередко это были временщики по своей сути, которые даже не оседали в

¹ Народное хозяйство Татарской АССР: к 50-летию СССР. С. 129, 130; Народное хозяйство Татарской АССР в девятой пятилетке. С. 105, 106; Народное хозяйство Татарской АССР в десятой пятилетке. С. 97, 98.

руководимых ими хозяйств даже на время. В середине 1960-х гг. 40 председателей колхозов ездили за десятки километров на свою работу. К примеру, председатель колхоза им. К. Маркса Тетюшского района Николаев и председатель колхоза «Иркен юл» Буинского района Фаисханов жили в райцентрах в 40 км от места службы. Председатель колхоза «Память Ленина» Рыбно-Слободского района Адамович жил в райцентре в 20 км от работы. По 7 председателей в Арском, Высокогорском, Мамадышском районах жили вне своих колхозов¹.

К подобного рода руководителям трудно применить понятие «лидер», которое вполне подходило к «старой гвардии» председательского корпуса. Более точно им подходит термин «менеджеры-функционеры», алгоритм работы и жизнедеятельности которых кардинально отличался от таких, например, как Хады Рахманов, председатель первого в Татарской АССР колхоза-миллионера, о котором мы уже писали (см.: [1, с. 270–280]). Суть жизни его и во многом успехов руководимого им хозяйства была в его самоотречённой преданности государственным интересам.

В позднесоветский период в условиях складывания потребительского общества при жестком политическом консерватизме иерархического устройства страны положение нижестоящего определялось не результатами его профессиональной деятельности, а отношением вышестоящего. Это обусловило формирование типа руководителя, всячески угождавшего начальству и в то же время проявлявшего пренебрежительно барское отношение к подчиненным. Даже в лакировавших в рассматриваемый период действительность официальных материалах, отложившихся в архивах, находят отражение факты покупки для районного и выше начальства автомобилей через колхозно-совхозные фонды, забой для них лучших животных по символическим ценам, дорогие подношения за счет средств хозяйств с устройством пышных застолий.

И наряду с ними документы изобилуют вопиющими фактами полного беспредела со стороны председателей, чувствовавших себя полными хозяевами своих колхозов и допускавших демонстративное бесчинство в руководимых

¹ ГА РТ. Ф. 15. Оп. 7. Д. 98. Л. 21.

ими коллективах вплоть до рукоприкладства. Характерным в данном отношении является откровенно циничное публичное заявление председателя колхоза им. 50-летия Октября Лаишевского района В.П. Корчагина, сделанного в ответ на критические замечания рядовых колхозников. «Я признаю в районе только 3 лица: первого секретаря райкома КПСС тов. Давлетшину, председателя райисполкома Ионова и начальника милиции Яковлева. А вы, кто? Не выйдет по-вашему, жаловаться будете, тем хуже для вас», – так он ответил пытавшимся урезонить его колхозникам¹.

Многочисленные письма во власть, в которых сообщалось о грубости, бестактности, развязности председателей свидетельствуют о том, что рядовые работники не желали мириться с подобными явлениями. Добиваясь справедливости, о безобразиях своих руководителей информировали различные инстанции Г. Султанова из колхоза «Гигант» Мензелинского района, З.Н. Нигматуллина из колхоза им. М. Джалиля Апастовского района, А.И. Борисов из совхоза «Луч Октября» Верхнеуслонского района и многие другие. О произволе председателя Х. Бурганова, из-за которого из колхоза за короткий период ушло 40 специалистов и механизаторов сообщали в коллективном письме члены колхоза им. Тукая Балтасинского района.

Но апелляции наверх, как правило, имели мизерный эффект, отсюда вполне объяснимая живучесть и массовость этих явлений. В большинстве случаев проверки по письмам подтверждали наличие фактов, изложенных в них, однако, принятые по конкретным нарушителям меры были не адекватны размеру их проступков. Нередко те, чьи дела надлежало рассмотрению в судебных органах, отделывались выговорами. При наиболее очевидных злоупотреблениях зарвавшихся руководителей лишь смещали вниз по служебной лестнице или переводили на аналогичный уровень в другой район. Когда дело все же доходило до судебных органов, всемогущая тогда партийная власть нередко вставала на защиту осужденных².

¹ Там же. Оп. 8. Д. 119. Л. 67.

² Там же. Д. 1106. Л. 44.

Те в свою очередь в ответ на справедливую критику расправлялись с авторами обращений. Так, в мае 1966 г. председатель колхоза «Яшь куч» Алькеевского района Сулейманов за систематическое проявление грубости, избиение агронома Хайруллиной и инвалида Великой Отечественной войны, учетчика тракторной бригады Шайхутдинова был осужден народным судом, а райком партии пытался взять Сулейманова под свою защиту¹.

Грубость и бескультурье в поведении председателей колхозов по отношению к рядовым колхозникам обретали некий конвенциональный характер смысл в силу привычности и обыденности явления. Это хорошо видно из нижеприведенного выступления на пленуме Татарского областного комитета КПСС секретаря обкома Камиля Фасеева. «Недавно я присутствовал на совещании председателей колхозов одного района, – сказал Фасеев, – Первый секретарь райкома партии и председатель райисполкома, люди энергичные, инициативные, грамотные, внешне культурные, вели себя на этом совещании так грубо, выражались так вульгарно, что просто диву даешься. Одного председателя называли размазней, другого – разгильдяем, третьего – глазастым пнем. Одному угрожали шею свернуть, другому снести голову, третьего упрекнули в том, что он пузо отрастил, четвертого отругали за то, что очки носит, пятому сказали, что у него голова только для ношения шапки. Подобные факты не единичны <...>. А если председатели колхозов эту грубость и бескультурье возьмут на вооружение и начнут разговаривать так с колхозниками»².

Обстоятельный разговор по выработке новых требований к кадрам, созданию здоровой обстановки в трудовых коллективах состоялся в апреле 1981 г. на II пленуме Татарского обкома КПСС. Недвусмысленно говорилось на нем о чванстве, высокомерии руководителей, необходимости пресечения их устремлений создавать себе особые условия, а также истребления парадности, шумихи, зажима критики, хамства и уничижительного стиля отношений внутри

¹ Там же. Оп. 7. Д. 98. Л. 21.

² Там же. Оп. 41. Д. 140. Л. 162.

трудовых коллективов, которые обрели повсеместный характер и т.п.¹ Но, как правильно оценил мероприятия по борьбе с социально-нравственными изъятиями академик Р.Х. Шакуров, «в 1970-е гг. количественное нарастание негативных явлений и процессов вынуждало замечать их. Их бичевали на словах, но меры носили поверхностный характер, не задевали глубинных причин и в результате не были действенными» [3, с. 65].

Попустительское отношение к безобразиям на местах, обретшее в 1970-е гг. типичный характер, сочеталось с чрезмерностью в имитации контроля со стороны официальных структур за соблюдением порядка в экономической сфере. Участились вызовы низовых руководителей в Казань, где много времени тратилось на подготовку и проведение заседаний и совещаний, часто повторявшихся друг друга, но не дававших никаких положительных результатов. Это даже в условиях середины 1970-х гг. (как известно, основное место дискуссий тогда были кухни, институтские «курилки» и т. п.) вызывало отторжение, которое прорывалось и в публичное пространство. Так, первый секретарь Буинского райкома КПСС Н.И. Салимуллин на одном из партийных форумов со свойственной для критики того периода осторожностью сказал: «Хотелось бы пожелать Министерству сельского хозяйства, чтобы оно несколько изменило методы руководства сельским хозяйством, сократило бы поток бумаг, вызовы начальников и специалистов управления в Казань, а перенесло бы центр тяжести на решение конкретных задач непосредственно в районах и хозяйствах»².

Такая реакция вполне понятна, если учесть, что имиджевая деловитость официоза сочеталась с мелочной опекой властей, тормозивших хозяйственные самостоятельные шаги. В «длинных и сложных аппаратных лабиринтах» терялись заявления хозяйств даже о незначительных изменениях их профиля, границ, создании мелких перерабатывающих предприятий и т.п. Даже малейшая инициатива снизу требовала многочисленных согласований в различных инстанциях. Это порождало фрустрацию у многих особенно полных энтузиазма

¹ Там же. Оп. 8. Д. 1106. Л. 19.

² Там же. Д. 260. Л. 54–55.

молодых руководителей и специалистов, не находивших выхода своим идеям по совершенствованию производства.

Характерен в этом отношении пример с вопросом развития овощеводческой отрасли в совхозе «Семиозерский». В 1972 г. в республиканской газете «Советская Татария» с радостью сообщалось об успехах этого совхоза, который по сравнению с 1971 г. удвоил сдачу государству столовой свеклы, моркови, огурцов, капусты¹. Через год в этой же газете вновь была помещена статья об успехах производства овощей в этом же совхозе. Но к чувству радости уже примешивалась тревога, досада. «Нынче здесь неплохой урожай, – говорится в статье, – но директор не рад, его мучает мысль, куда девать урожай. Нередко с огорода огурцы, капуста, помидоры, свекла попадают не на стол горожан, а в кормушки животноводческих ферм»². Дело в том, что торговым организациям и Альметьевскому консервному заводу выгоднее было получать ту же самую капусту втридорога из Средней Азии, Азербайджана, Украины. Оттуда овощи доставлялись вагонами и продавать их было выгоднее, при этом предприятие никаких издержек не несло, так как транспортные расходы были заложены в смету. В результате шоферам «Семиозерского» приходилось «весь город исколесить, прежде чем разжалобишь какого-нибудь заведующего магазином». Бывали случаи, когда водителям приходилось возвращаться в гараж с нереализованным грузом.

Выход из этого положения был в создании на месте перерабатывающего цеха. Директор совхоза «Семиозерский» Р.М. Латыпов мечтал о небольшом засолочно-квасильном цехе. Однако решение этого вопроса требовало многочисленных согласований в различных инстанциях.

Нельзя сказать, что на республиканском, вернее, на государственном уровне в рассматриваемый период не предпринимались попытки совершенствования организации труда. Как известно, с установлением колхозного строя в Татарской АССР, как и по всей стране, основной организационной формой яв-

¹ Советская Татария. 1972. 27 сент.

² Там же. 1973. 7 сент.

лялась комплексная бригада, занимавшаяся всем спектром работ в растениеводстве и животноводстве. В условиях скудной оснащенности сельскохозяйственного производства техникой, низкого уровня профессиональной квалификации, комплексная бригада, работа в которой строилась на основе ежедневных нарядов, являлась вполне приемлемой формой организации труда.

Но в условиях увеличения доли овеществленного труда в сельском хозяйстве актуализировалась проблема повышения его эффективного использования. Условия концентрации и специализации производства неизмеримо повышали роль каждого индивида, занятого в нем, делали более значимой отдачу каждого человека на своем рабочем месте и диктовали необходимость установления в трудовом коллективе отношений равноправного партнерства, основанного на взаимном экономическом интересе.

В связи с этим начиная со второй половины 1970-х гг. в ТАССР стала распространяться звеньевая форма. Существенное развитие она получила в Сабинском районе. К 1971 г. здесь работало 169 механизированных звеньев, которыми было закреплено 4,1 тыс. га картофеля, 6 тыс. кукурузы, 1,7 тыс. га корнеплодов. Благодаря четко разработанной системе организации труда, сосредоточению в одних руках земли, рабочей силы, техники звенья добивались более высоких результатов при меньших, чем при старой форме организации труда, затратах. С каждого га звено собрало по 198 ц клубней по сравнению с урожайностью в среднем по колхозу в 157 ц. Более производительный труд и оплачивался выше. Среднегодовая зарплата звеньевого Н. Зиганшина составила 1573 руб., членов звена – 1196, а в среднем по колхозу – 917 руб.¹ Успешная деятельность звеньев положительно отразилась на производственных показателях всего района в целом. Урожай картофеля и зеленой массы в Сабинском районе с 1968 г., когда начали создаваться звенья, по 1970 г. увеличился более, чем в 1,5 раза, кормовых корнеплодов – в 2,3 раза. Проанализировав опыт сабинцев, бюро Татарского обкома КПСС в 1971 г. специальным постановлением рекомендовало создать механизированные звенья во всех колхозах и совхозах

¹ Советская Татария. 1971. 2 апр.

республики с закреплением за ними пропашных культур с необходимой сельскохозяйственной техникой.

С этого времени звеньевая форма стала активно распространяться в самых различных отраслях сельскохозяйственного производства. В 1974 г. в республике работало 2878 механизированных звеньев, занятых на возделывании сельскохозяйственных культур, внесении в почву органических удобрений, эксплуатации орошаемых культурных пастбищ. Около двух тысяч комбайно-транспортных звеньев было занято на уборке зерновых и зернобобовых культур. К 1975 г. на полях колхозов и совхозов республики работало уже более семи тысяч механизированных звеньев.

Наряду с узкоспециализированными звеньями из 2–3 человек, распространенными в северных нечерноземных районах республики, в южных и юго-восточных черноземных районах заметное распространение получили комплексные звенья из 7–10 человек. Земельные участки за такими звеньями закреплялись на срок полной ротации севооборота в отличие от звеньев, занимавшихся возделыванием какой-то одной культуры.

Во второй половине 1970-х гг. развитие звеньевой системы труда стало дополняться объединением отдельных звеньев по цеховому принципу. Как и по всей стране, широкое распространение в республике получил ипатовский метод организации труда, когда все необходимая техника сосредоточивалась в ведении членов уборочно-транспортных комплексов, которые работали поточным методом. В 1982 г. для проведения уборочных работ в республике было организовано 935 уборочно-транспортных комплексов, включавших в себя 2079 звеньев по обмолоту хлебов и отвозке зерна, 3214 звеньев по подготовке полей и уборке не зерновой части урожая, 1675 звеньев по обработке почвы, 2539 звеньев по культурно-бытовому и техническому обслуживанию. Определенное развитие цеховой принцип организации труда получил в производстве кормов. К концу 1970-х гг. специализированные цехи имелись уже в 696 хозяйствах Татарии.

Переход от индивидуальной формы к бригадно-звеньевой в 1970-е гг. начал осуществляться и на крупных животноводческих комплексах. Он сопро-

вождался переводом животноводов на двухсменный, двух циклический режим работы. Новый метод успешно был применен в колхозе «Спартак» Лениногорского района. Если до его внедрения нагрузка на одного оператора машинного доения составляла 25 коров, то после внедрения – 110 коров, затраты труда соответственно снизились с 8,8 чел./час. до 6,9 чел./час. В 1975 г. опыт организации труда на комплексе колхоза «Спартак», обсужденный и одобренный на заседании Совета Министров ТАССР, стал известен по всей республике. Подобные новшества в работе были также внедрены на молочных комплексах совхоза «Волжский» Лаишевского района, колхоза «Победа» Аксубаевского района и совхоза «Заветы Ильича» Заинского района.

В 1970-е гг. были предприняты определенные попытки отказаться от самих бригад и перейти полностью к цеховой структуре управления. Вводимое новшество имело целью упразднение лишних звеньев в управленческом аппарате и передачу руководящих функций непосредственно специалистам. При традиционной многоотраслевой структуре зоотехник или агроном даже самое незначительное новшество мог провести в жизнь только с разрешения бригадира или председателя. По этой причине руководителям хозяйств часто приходилось отвлекаться на текущие дела вместо того, чтобы заниматься стратегической перспективой хозяйства. В среднем на оперативную работу председатели колхозов Буинского, Пестречинского, Тетюшского районов республики затрачивали 60–70 % рабочего времени [2, с. 54].

Одним из первых в республике на цеховую систему перешел совхоз «25 лет Октября» Лаишевского района. В 1969 г. здесь вместо имевшихся 4 мелких отделений были созданы цехи по отдельным отраслям растениеводства, птицеводства, животноводства, во главе которых были поставлены соответствующие специалисты. В результате управленческий аппарат сократился на 20 человек, что за счет уменьшения фонда заработной платы дало экономию только в 1970 г. в размере 20 000 руб. Специалисты совхоза приобрели право самостоятельно вводить определенные коррективы в технологический процесс, маневрировать техникой, представлять передовиков производства к поощре-

нию. Так, пользуясь этим правом, начальник цеха растениеводства А. Матвеев ввел принципиально новую технологию заготовки кормов. В результате проведенных мероприятий все отрасли в хозяйстве, бывшем на протяжении почти 50 лет убыточным, стали рентабельными. Сократилась себестоимость всех видов продукции, увеличились доходы¹.

Однако переход на цеховую структуру в сельскохозяйственной отрасли не получил большого распространения. Даже в 1974 г., когда процесс внедрения цеховой структуры имел характер активно проводившейся кампании, из 2120 бригад колхозов республики 1820 бригад (86 %) оставались комплексными или многоотраслевыми. В республике имелись районы, в которых не была реорганизована ни одна комплексная бригада. Более того, в некоторых районах, например, в Альметьевском, Мензелинском имел место обратный процесс, в результате которого число специалистов и руководителей производственных подразделений увеличилось соответственно на 34 и 14%. В 1980 г. лишь 160 колхозов и совхозов работали по цеховой системе организации труда².

Наибольшую жизнеспособность продемонстрировали те новые организационные структуры, созданию которых предшествовала тщательная разработка четкой системы основной, дополнительной и премиальной оплаты труда, деятельность которых осуществлялась по безнарядно-аккордному принципу, образу коллективного подряда. Однако этот важный принцип материальной заинтересованности соблюдался далеко не во всех вновь созданных формированиях. Так, из почти 3000 звеньев, образованных в 1974 г. лишь 321 звено работало по безнарядно-аккордной системе оплаты труда³.

Создание новых формирований нередко происходило только на «бумаге». В таких шаблонных «под копирку» организованных звеньях дело доходило до курьезов, подобных тому, что случился в колхозе им. Мичурина Камско-Устьинского района. Здесь члены уборочного звена даже не догадывались о его существовании. Они работали с большим контрастом по результатам труда. Ес-

¹ Советская Татария. 1971. 6 июля.

² ГА РТ. Ф. 15. Оп. 8. Д. 875. Л. 57.

³ Там же. Ф. 3610. Оп. 1. Д. 1289. Л. 89.

ли А. Емельянов и А. Фомичев выдавали из бункеров почти по 4000 ц хлеба, то братья Щипковы – по чуть более 2000. Когда корреспондент газеты «Советская Татария» поинтересовался причинами такого положения, недоумевавший А. Емельянов, числившийся звеньевым, ответил: «К Щипковым мы с Фомичевым никакого отношения не имеем. Они сами по себе, мы сами по себе»¹. В республиканской печати тех лет часто встречались примеры создания подобных неполноценных или быстро распадавшихся структур².

Конечно, в республике были и успешные примеры реорганизации аграрного производства в позднесоветский период. Творческий подход, ответственное отношение к делу, умелое применение современной техники, достижений науки и передового опыта отличали агрономов колхозов «Авангард» Х. Шамсимухаметова, «Эконом» А. Ахмадишина, «Гигант» Буинского района А. Чашкина, «Коммунизмга» Актанышского района И. Исламова, совхозов «Южный» Бавлинского района Г. Шарифуллина, «Семеновод» Бугульминского района Т. Галяутдинова, «Бирюлинский» Высокогорского района В. Тюрина, «Юлдуз» Чистопольского района С. Прохорова; зоотехников колхозов «Яна юл» Мензелинского района Р. Салимовой, «Таулар» Актанышского района Я. Габидуллина, «Урожай» Муслюмовского района З. Султанова. Незаурядный организаторский талант, предприимчивость позволили им по-настоящему модернизировать производство в рамках своей компетенции.

Но их пример был скорее исключением из правил. Основопологающим принципом аграрной политики оставался сильный государственный патернализм, на практике оборачивавшийся усилением бюрократизации в регулировании хозяйственных связей, конъюнктурно-протекционистским подходом в реализации конкретных мероприятий по развитию аграрного производства. Он не давал должного простора для хозяйственной инициативы. В конечном счете это привело к тому, что советское крестьянство не стало «коллективом цивилизованных кооператоров», социумом с развитым чувством ответственности.

¹ Советская Татария. 1982. 2 авг.

² Там же. 1971. 27 февр.; 1973. 11 февр., 15 апр., 6 мая.

Иными словами, огосударствление деревни, несмотря на огромные капиталовложения в позднесоветский период, обернулось дальнейшим искусственно направляемым процессом раскрестьянивания и люмпенизацией. Они, согласно пословице «что посеешь, то и пожнешь» во многом определили многие «родимые пятна» 1990-х гг. Из колхозного жизнеустройства советской деревни с его двойной моралью, очковтирательством, надругательством над здравым смыслом не могло сложиться фундамента для нормальной экономики и магистрали для здоровых социальных связей.

Литература

1. *Галлямова А.Г.* К вопросу о поведенческих моделях руководителей передовых колхозов (микроисторический подход) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2018 год: Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. М., Брянск, 2018. С. 270–280.
2. *Котенков С.* Каким быть управлению // Коммунист Татарии. 1974. № 11. С. 51–55.
3. *Шакуров Р.Х.* Психология перестройки. Казань, 1988. – 179 с.

© *Галлямова А.Г.*, 2023

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО СОЦИУМА В ХОДЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ 1990 – НАЧАЛА 2000-Х ГГ.

Рассматривается процесс реструктуризации сельскохозяйственного социума в ходе аграрной реформы 1990-х – начала 2000-х гг. Сделан вывод о том, что одним из результатов преобразований стало складывание двух новых социальных классов – сельскохозяйственных собственников и наемных сельскохозяйственных работников.

Ключевые слова: аграрная реформа; сельское население; сельскохозяйственный социум; социальный класс; собственник; наемный работник.

Аграрная реформа 1990 – начала 2000-х гг. повлекла за собой не только трансформацию аграрного строя, кардинальные изменения в институциональной и производственной сферах, но и реструктуризацию сельскохозяйственного социума.

Прежде чем перейти к рассмотрению данного процесса, необходимо разобраться в понятийной базе исследования. Аграрная реформа существенно повлияла на структуру сельского и сельскохозяйственного населения. При этом названные понятия следует различать. Сельским считается население, постоянно проживающее в сельской местности, тогда как к сельскохозяйственному населению относятся лица, непосредственно занятые в сельхозпроизводстве и живущие за счет доходов от сельского хозяйства.

Применительно к 1990-м – началу 2000-х гг. можно говорить о существовании восьми социальных групп сельского населения (данное деление официально применяется в социологии и статистике). Это сельскохозяйственные руководители (структура данной группы складывалась из двух социальных категорий – руководители сельхозпредприятий и руководители среднего звена); специалисты сельхозпредприятий (зоотехники, агрономы, ветврачи, инженеры,

¹ Логунова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, inna.logunova12@gmail.com, Россия, г. Липецк.

экономисты, бухгалтеры и др.); квалифицированные работники сельхозпредприятий (механизаторы, трактористы, комбайнеры, операторы машинного доения и др.); неквалифицированные работники сельхозпредприятий; фермеры; пенсионеры (в этой категории объединены бывшие работники сельхозпредприятий и социальной сферы); работники социальной сферы (фельдшеры, учителя, воспитатели, библиотекари и др.); безработные.

Сельскохозяйственное население является наиболее экономически и социально активным. В годы аграрной реформы данная категория составляла приблизительно 20–25% всего сельского населения¹. На его долю приходилось пять из восьми, указанных выше групп сельского населения: руководители, специалисты, квалифицированные и неквалифицированные работники сельхозпредприятий, фермеры. Это дает основание говорить о существовании сельскохозяйственного социума и рассматривать его как общность людей, жизнедеятельность которых основывается на комплексе социально-пространственных взаимодействий: дом (местожительство) – место работы (сельхозпредприятие, фермерское хозяйство) – место извлечения ресурсов (территория сельскохозяйственных угодий) – производственное общение – культура [4]. Все группы сельскохозяйственного населения контактируют между собой в каждой из указанных сфер взаимодействия.

В постсоветский период характер этих взаимодействий существенно изменился, что повлекло за собой перестройку структуры сельскохозяйственного социума. Эта перестройка не ограничилась появлением новых и преобразованием существовавших ранее групп сельскохозяйственного населения. Она выразилась в формировании качественно иных социальных классов как более сложных социальных образований, включающих в себя представителей разных социальных групп.

Участие сельскохозяйственного социума в аграрной реформе имело для него значимые последствия. Во-первых, произошла *большая потеря числен-*

¹ Рассчитано по: АПК Липецкой области в период перехода к рыночным отношениям. Липецк., 1993. С. 114; Экономика и социальная сфера Липецкой области. Липецк, 1997. С. 24, 31; Экономика и социальная сфера Липецкой области. Липецк, 1998. С. 21, 28; Российский статистический ежегодник. М., 1999. С. 57.

ности таких социальных групп как специалисты, руководители среднего звена, квалифицированные работники. В период с 1990 по 2002 г. количество руководителей среднего звена сократилось на 27% (со 154,6 до 113 тыс. чел.); численность специалистов сельхозпредприятий – на 40% (с 524,2 до 314,9 тыс. чел.) [2, с. 31, 41]. К основным причинам такого снижения, прежде всего, следует отнести произошедшее в ходе реорганизации разукрупнение сельхозпредприятий (количество специалистов и руководителей среднего звена в средних предприятиях было несоизмеримо меньшим, чем в крупных, в малых же предприятиях подобные должности зачастую отсутствовали совсем). По штатным нормативам сельскохозяйственные предприятия с численностью до 180 чел. не могли иметь агронома, ветврача, зоотехника и, в зависимости от уровня технической оснащённости, инженера. В предприятиях с численностью до 60 чел. не была предусмотрена и должность бухгалтера [2, с. 11]. В результате в таких сельхозпредприятиях специалистам зачастую приходилось совмещать разные должности (например, агроном-бригадир, зоотехник с обязанностями бухгалтера). Кроме того, осознавая ценность своего образования, профессиональной подготовки и практического опыта, специалисты и руководители среднего звена стремились найти им наиболее достойное применение. В итоге часть представителей данных социальных групп ушла в фермеры, другая часть покинула сельхозпредприятия и искала возможность приложения своего потенциала в сферах деятельности, не связанных с сельхозпроизводством (например, бизнес, милиция), третья часть (прежде всего, лица с высшим образованием) – переехала в город.

Социальная группа квалифицированных работников сельского хозяйства – одна из самых многочисленных на момент начала аграрной реформы – в пореформенное десятилетие пережила обвальное сокращение численности рабочих кадров всех профессий. Так, в период с 1990 по 2002 г. в России численность трактористов-машинистов уменьшилась в 2,3 раза (на 57%), работников животноводства – в 3,4 раза (на 70%) [2, с. 31]. В ходе преобразований, когда упор делался на развитие отношений собственности и институциональные изменения,

социальные проблемы были отодвинуты на второй план и не решались, вследствие чего обострились еще больше. Среди них – низкая зарплата квалифицированных работников и постоянная задержка ее выплаты, отсутствие достойных условий жизни и труда, жилищная проблема, которой в колхозно-совхозный период не существовало. Все это делало рабочие профессии непривлекательными для молодежи и приводило к снижению трудовой мотивации у наиболее энергичной части квалифицированных рабочих. Пути оттока кадров данной социальной группы были те же, что и у руководителей и специалистов сельхозпредприятий. Часть работников старшего поколения ежегодно пополняла ряды пенсионеров, число которых неумолимо росло (если в начале 1990-х гг. соотношение работающих и пенсионеров на сельхозпредприятиях Тамбовской области составляло 1:1, то к 2000 г. это соотношение уже доходило до 1:3 или 1:4) [6, с. 42]. Физический характер труда не позволял большинству квалифицированных работников, достигших пенсионного возраста, продолжать работать. В результате на сельхозпредприятиях остро чувствовался недостаток квалифицированной рабочей силы. К 2002 г. 27% сельхозпредприятий испытывали нехватку в механизаторах, 22,5% – в животноводах высокой квалификации [5].

Во-вторых, за годы реформы *ухудшилось качество кадрового состава следующих социальных групп* – руководителей сельхозпредприятий, руководителей среднего звена, квалифицированных работников. Заметно сократилось число руководителей сельхозпредприятий с высшим образованием. В период с 1991 по 2002 г. в России их доля в общей численности сократилась с 86 до 69% [3, с. 298]¹. Аналогичная ситуация сложилась и в Центрально-Черноземном районе. В 2003 г. в Тамбовской области удельный вес руководителей сельскохозяйственных предприятий, имевших высшее образование, равнялся 70% [1]. В Липецкой области в 2006 г. доля руководителей с высшим образованием составила 81% – в крупных и средних сельхозпредприятиях и 74% – в малых. Однако лишь половина из них имела профессиональное сельскохозяйственное

¹ Численность, состав и движение кадров агропромышленного комплекса. Т. 1. М., 2003. С. 9.

образование (в малых предприятиях – третья часть)¹. Ухудшение качественного состава данной группы сельскохозяйственного социума, с одной стороны, объяснялись растущей в то время частотой сменяемости руководителей – на смену ушедшим приходили другие, порой менее профессионально подготовленные, или даже случайные люди. С другой стороны, в годы реформы среди руководителей сельхозпредприятий стало возрастать количество практиков, то есть лиц, не имевших даже среднего профессионального образования. В 1994 г. в целом по России их доля составляла 4%, а в 2002 г. – уже 7% [2, с. 41]. В Липецкой области в 2006 г. среди руководителей крупных и средних предприятий их насчитывалось 4%, среди руководителей малых предприятий – 13%². Подобная ситуация сложилась и в Тамбовской области, где к 2004 г. около 8% руководителей сельхозпредприятий всех категорий не имели образования [1].

Уровень образования руководителей среднего звена также оставлял желать лучшего. Около половины из них составляли лица, имевшие среднее профессиональное образование. В период с 1994 по 2002 г. их число немного увеличилось с 46 до 49%. Доля руководителей среднего звена с высшим образованием была невелика и колебалась в пределах 17–18%³. Объяснялось это тем, что наиболее образованная и профессионально подготовленная часть руководителей среднего звена, осознавая свою конкурентоспособность, уходила из сельского хозяйства в другие сферы деятельности. На освобождавшиеся должности нередко приходили практики, несмотря на то, что по квалификационным требованиям руководителям среднего звена положено было иметь специальное сельскохозяйственное образование⁴.

Обязательным условием принадлежности к социальной группе квалифицированных работников являлось наличие начального профессионального или среднего профессионального образования. Однако это условие не всегда выпол-

¹ Текущий архив Липецкстата: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по Липецкой области: В 6 т.: Число объектов переписи. Трудовые ресурсы. Т. 2. С. 113, 119.

² Рассчитано по: там же.

³ Численность, состав и движение кадров агропромышленного комплекса. С. 4–9.

⁴ Типовая должностная инструкция управляющего отделением (фермой, сельскохозяйственным участком). Типовая должностная инструкция начальника отдела подсобного сельского хозяйства [Электронный ресурс]. URL: http://teksert-ntb.gubkin.ru/dol_instr/data/35/35_2.htm (дата обращения – 30.09.2022).

нялось как при колхозно-совхозном строе, так и в постсоветский период. За годы реформы численность квалифицированных работников, имевших начальное профессиональное образование, сократилась более чем в два раза. Среди трактористов начальное профессиональное образование имели в 1995 г. лишь 48%, в 2002 г. – 45% [2, с. 38]. Все остальные трактористы (то есть более половины) профессиональную подготовку получали на курсах. Причины этого крылись в ежегодном сокращении числа выпускников профтехучилищ, а также в отсутствии практики закрепления выпускников училищ за сельхозпредприятиями.

Еще одним, пожалуй, самым глубинным последствием аграрной реформы явилась **реструктуризация сельскохозяйственного социума**. Взамен нарушенной социальной структуры сельскохозяйственного населения, сложившейся в советский период, начал формироваться качественно иной социум, способный осуществлять свою жизнедеятельность в новых экономических условиях. Ключевое место в процессе его формирования занимали отношения собственности. Они оказывали определяющее влияние на все сферы жизнедеятельности сельскохозяйственного населения и способствовали изменению структуры доходов, формированию правового статуса, изменению психологии и сознания, определяли место в производственных отношениях.

Получивший распространение в сельском хозяйстве на рубеже 1990 – 2000-х гг. процесс концентрации собственности свидетельствовал о создании предпосылок для образования социального класса крупных сельскохозяйственных собственников, которые в приобретение собственности вкладывали личные средства (источники происхождения их личных капиталов могли быть как легальными, так и теневыми). Другой социальный класс наемных сельскохозяйственных работников формировался из числа членов трудовых коллективов, продавших либо передавших в уставный фонд сельхозпредприятия свои земельные доли (в этом случае они лишались даже формальных прав на землю), следовательно, можно вести речь об их обезземеливании.

Складывание новых социальных классов было осложнено и в тоже время смягчено попыткой власти создать видимость наделения правом собственности

всех участников производственного процесса путем его декларирования в законах и подзаконных актах и выдачи правоустанавливающих документов всем членам трудовых коллективов сельхозпредприятий. На деле это обернулось появлением огромной группы «псевдособственников», которые, формально являясь владельцами земельных долей и имущественных паев, в действительности распоряжаться ими не могли (по причинам несовершенства земельного законодательства, психологической неподготовленности и правовой безграмотности).

На момент перехода в состояние «псевдособственников» некоторые группы сельскохозяйственного населения имели свою внутреннюю структуру. Руководители в зависимости от размеров управляемых сельхозпредприятий делились на три социальных слоя (руководители крупных, средних и малых сельхозпредприятий). Фермеров в зависимости от масштабов их хозяйств можно дифференцировать на пять слоев (главы наиболее крупных, крупных, средних, малых и наиболее малых фермерских хозяйств). Специалисты в зависимости от занимаемого места в производственной иерархии разделялись на главных специалистов и специалистов среднего звена.

Состояние «псевдособственников» выступило в роли своеобразного преобразователя социальной структуры сельскохозяйственного населения. В результате прохождения через него представители всех социальных групп подразделялись на два социальных класса – класс сельскохозяйственных собственников и класс наемных сельскохозяйственных работников. Данный процесс развивался постепенно, медленными темпами и не был завершен вплоть до 2010-х гг. Причина неспешности крылась в том, что значительная часть сельскохозяйственного населения надолго задерживалась в состоянии «псевдособственников». Долше других в нем оставались представители тех социальных групп, которые впоследствии пополняли ряды класса наемных сельскохозяйственных работников. Пути быстрого выхода из этого состояния, обеспечивавшие переход в социальный класс сельскохозяйственных собственников, сводились к образованию фермерских хозяйств и участию в процессе концентрации собственности, начавшемся в 1996 г. в ходе второй волны реорганизации. Переход из состояния «псевдособ-

ственников» в социальный класс наемных сельскохозяйственных работников происходил в случаях, когда владельцы земельных долей продавали их либо передавали в уставные фонды сельхозпредприятий.

В пореформенный период правовой статус каждой социальной группы обуславливался ее местом в отношениях собственности. В результате все сельскохозяйственное население распределилось по четырем правовым статусам: «собственник», «псевдособственник с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности», «псевдособственник», «наемный работник» (то есть «несобственник»).

Статус «собственник» принадлежал фермерам, руководителям и главным специалистам сельхозпредприятий. Данный статус при благоприятных условиях могли приобрести и те представители специалистов и руководителей среднего звена, которые были наиболее приближены к руководству сельхозпредприятия, поэтому их условно можно называть «псевдособственниками с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности». Поскольку для квалифицированных и неквалифицированных работников сельхозпредприятий переход в социальный класс наемных работников был практически неизбежен (это было делом времени), то их правовой статус обозначается как «псевдособственники». Наконец, статусу «наемный работник» (то есть «несобственник») соответствовали те работники, специалисты, руководители среднего звена сельхозпредприятий, которые перестали быть владельцами земельных долей по причине их продажи либо передачи в уставный фонд сельхозпредприятий. Иными словами, правовые статусы «собственник» и «наемный работник» соответствовали вновь формировавшимся социальным классами, а статусы «псевдособственник с реальной возможностью приобретения подлинного права собственности» и «псевдособственник» носили временный, переходный характер.

Каждый из двух новых социальных классов имел сложную внутреннюю структуру, состоявшую из представителей разных социальных групп, которые, в свою очередь, подразделялись на социальные слои, что свидетельствовало об усилившейся дифференциации сельскохозяйственного социума.

Литература

1. *Виноградов С.В.* Воспроизводство трудовых ресурсов сельского хозяйства: на примере Тамбовской области: автореф. дисс. канд. экон. наук. Тамбов, 2004. – 23 с.
2. *Долгушкин Н.К.* Трудовой потенциал российского села: состояние и перспективы. М., 2004. – 310 с.
3. *Малахова В.Я.* Кадры сельского хозяйства: состояние и перспективы // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы: Никоновские чтения – 2000. М., 2000. С. 298–299.
4. *Михеев П.А.* Интегративные процессы в сельском социуме изменяющейся России: дисс. докт. социолог. наук. Саратов, 2007. – 370 с.
5. *Серова Е.В., Тихонова Т. В., Храмова И.Г., Храмова С.В., Шик О.В.* Сельская бедность и сельское развитие в России. М., 2004. – 50 с.
6. *Шаляпина И.П., Карев В.Н.* Современные особенности развития земельных отношений в сельском хозяйстве // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы: Никоновские чтения – 2000. М., 2000. С. 42–44.

© Логунова И.В., 2023

РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ В ФОКУСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С использованием научного аппарата истории понятий рассматриваются введение в научный оборот, содержание и эволюция понятия «раскрестьянивание». Характеризуются крестьяноведческая, политологическая, социально-экономическая, модернизационная трактовка раскрестьянивания. Делается вывод о сохраняющихся разногласиях в оценке причин, содержания, хронологических рамок и итогов процесса, а также об особой роли российских историков-аграрников в формулировании и нормализации термина «раскрестьянивание».

Ключевые слова: аграрная история; Россия в XX в.; крестьяноведение; раскрестьянивание; модернизация; историография.

Предмет, заявленный в качестве темы статьи, труден для анализа. Практически каждый исследователь, занимающийся аграрной историей России XX столетия, имеет собственное суждение о процессе раскрестьянивания. На одном из круглых столов по теме «Крестьянство и власть», состоявшемся в 2012 г., в конце обсуждения модератор сообщил, что речь шла преимущественно о раскрестьянивании, между тем до этого момента слово «раскрестьянивание» было произнесено лишь один раз, в самом начале мероприятия [24, с. 5, 58]. Действительно, раскрестьянивание нередко подразумевается даже там, где специально не артикулируется. При подготовке статьи нас интересовало, каким образом понятие было введено в научный оборот, какие смыслы с ним соотносились и какую эволюцию оно проделало в последние 30 лет. Соответственно, в сфере нашего внимания оказались в первую очередь те авторы, которые внесли вклад в разработку понятия. Мы вполне допускаем, что к настоящему времени их взгляды могли измениться.

За время существования понятия «раскрестьянивания» успела сложиться

¹ Горбачев Олег Витальевич, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, og_06@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург; Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Lmaz@mail.ru, Россия, г. Екатеринбург.

историография его истории. Здесь в первую очередь следует отметить работы В.В. Наухацкого и Ю.П. Денисова [25], а также Н.Г. Кедрова [13]. В них обоснованно выделены досоветский, советский и постсоветский этапы использования термина.

Формирование понятийного аппарата научных исследований – процесс сложный и развивается в ходе теоретического и конкретно-исторического поиска. В последнее время этот вопрос все чаще изучается в контексте теории понятий. В российской историко-аграрной науке, становление которой относится к советскому периоду, большую роль в оформлении категориальной системы сыграла марксистская теория, а позже – крестьяноведение, которое сложилось за рубежом еще в 1960-е гг. благодаря работам Теодора Шанина, Эрика Вульфа, Джеймса Скотта и других авторов.

Проникновение идей крестьяноведения в отечественную историко-аграрную науку было тесно связано с публикацией материалов теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» (1992–2000) под руководством Т. Шанина и В.П. Данилова [см.: 29]. Они утверждали новый взгляд на крестьянство как особый социальный «эксполярный» тип, противостоящий марксистским представлениям о бесклассовом обществе будущего. Устойчивость крестьянства определялась его особым статусом, дистанцированностью как от «рынка», так и от «плана». А поскольку эксполярные хозяйственные формы легко обнаруживались в современном мире, вопрос об исчезновении крестьянства отчасти терял свою значимость: тезис о его сохранении был более важным. Одновременно потеряло актуальность жесткое советское деление крестьян на группы по имущественному статусу, а крестьянство стало восприниматься в качестве целостного социального образования.

Однако в центре дискуссии, развернувшейся в ходе семинара, оказался вопрос о судьбе российского крестьянства. Было очевидно, что в настоящее время крестьянство в его прежнем качестве больше не существует, и объяснения того, почему это произошло, довольно разнообразны. Процесс и результат изменения места и роли крестьянства в российском социуме XX в. получил

название «раскрестьянивание».

История появления и использования данного термина в научном дискурсе представляет особый интерес, поскольку является иллюстрацией влияния объективных и субъективных факторов на терминообразование. О раскрестьянивании упоминается в двух ранних работах Ленина, в том числе в труде «Развитие капитализма в России» [20; 21]. Предполагалось, что вследствие развития капиталистических отношений в деревне происходит «коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание новых типов сельского населения»¹.

В годы «перестройки» понятию «раскрестьянивание» была дана новая жизнь. Этимологически оно находилось в одном смысловом ряду с «раскулачиванием» и «расказачиванием» и было призвано подчеркнуть всеобщий характер насилия по отношению к крестьянству в сталинские годы.

Одно из первых упоминаний нового прочтения термина в научных текстах обнаружено в материалах круглого стола «Коллективизация: истоки, сущность, последствия», опубликованных в 1989 г. в журнале «История СССР» [14]. Сначала оно было использовано публицистом Ю.Д. Черниченко [14, с. 9, 10], а затем академиком ВАСХНИЛ В.А. Тихоновым для обоснования идеи, что сталинская аграрная политика в конечном счете привела к исчезновению крестьянства. По словам Тихонова, «процесс раскрестьянивания состоял совсем не в разорении крестьянской “верхушки”, не в превращении крестьян в кооператоров. Процесс раскрестьянивания состоял в том, что был уничтожен социальный тип крестьянина» [14, с. 19].

Характерно, что эта идея не была воспринята историками – участниками круглого стола, в т. ч. В.П. Даниловым, Н.А. Ивницким и Ю.А. Мошковым. В.П. Данилов и его единомышленники не были готовы отказаться от идеи «раскулачивания», воспринимая зажиточное крестьянство в качестве значимой социальной группы.

Примерно в то же время вопрос о судьбе крестьянства поднимается и в

¹ «Сами крестьяне в высшей степени метко и рельефно характеризуют этот процесс термином: “раскрестьянивание”» [21, с. 165].

ином ракурсе. Автор термина «крестьяноведение» А.В. Гордон поставил вопрос о верхней временной границе существования крестьянства в качестве особой социальной общности, но при этом не говорил о «раскрестьянивании» [7, с. 34]. Тогда же В.А. Разумовым была предпринята первая попытка теоретизации процесса раскрестьянивания [27].

Научная интерпретация раскрестьянивания как результата силового давления «сверху» была предложена М.А. Безниным в 1991 г. Полемизируя сторонниками идеи раскрестьянивания в результате коллективизации, Безнин утверждал, что этот процесс в российской деревне растянулся до середины 1960-х гг. При этом, по его мнению, имело место «внешнее» и «внутреннее» раскрестьянивание. Под первым имелась в виду ликвидация основных условий воспроизводства крестьянских дворов, под вторым (1950–1960-е гг.) – превращение крестьян-колхозников в рабочих с огородом или колхозников-рабочих [2, с. 225]. Концепция Безнина давала объемный взгляд на политику власти по отношению к крестьянству в советское время и может рассматриваться в качестве основы для дальнейших поисков в направлении изучения ее влияния на изменения в социально-экономической структуре сельского социума.

Как можно судить по текстам 1990-х гг., к середине десятилетия термин «раскрестьянивание» довольно прочно вошел в российский научный обиход. Так, при обсуждении книги А. Мандра «Конец крестьянства» в рамках семинара «Современные концепции аграрного развития» (1994 г.) В.П. Данилов говорит о раскрестьянивании как об объективном социально-экономическом процессе [29, с. 264].

Что касается западных исследований о судьбе крестьянства, то в 1995 г. вышла статья Ф. Араги «Глобальное раскрестьянивание, 1945–1990» [31]. Несмотря на претензию на глобальность, автор оговаривается, что ограничивается рассмотрением ситуации в «третьем мире» в 1945–1990 гг., концептуализируя раскрестьянивание как «микро-макро» процесс, т. е. испытывающий сильное влияние национальной специфики. Характерно, что последующие западные исследования также, как правило, оставались в национальном поле. Что касается

Араги, то он выделил два тренда в изучении этого процесса: марксисты – сторонники исчезновения крестьянства в результате развития капитализма («телеологическое направление») и «романтики», адепты чаяновского взгляда об устойчивости крестьянского социума («эссенциалисты»). При этом второе направление, по мнению автора, через Чаянова логически продолжает линию народников XIX в. (Чернышевский, Герцен, Даниэльсон), отрицавших влияние капитализма на крестьянство [31, pp. 339–344].

Показательна дискуссия, возникшая на Западе в связи с распространением чаяновских идей. Гэвин Китчин полагал, что чаяновская теория крестьянского хозяйства опиралась на специфическую ситуацию нэпа в России [33, pp. 46–47]. Эту же точку зрения разделяет Араги. Иной подход предложил Т. Шанин, настаивая на том, что Чаянов был понят неправильно [34, p. 331].

Примерно тогда же, под влиянием публицистических дискуссий в России начала 1990-х гг., появились западные крестьяноведческие исследования о судьбах российского крестьянства. В частности, слово “depeasantization” как кальку с русского «раскрестьянивания» использовала Л. Виола в работе «Крестьянский бунт в эпоху Сталина», вышедшей в 1999 г. [36, p. 3].

На рубеже 1990–2000-х гг. в России и на Западе появилось большое количество работ, увязывавших раскрестьянивание с процессами индустриализации и урбанизации. Тем самым оформился третий – модернизационный подход к процессу раскрестьянивания как вариант телеологизма. Некоторые исследователи полагают, что в рамках этого подхода термин «раскрестьянивание» не вполне корректен. Дело в том, что на фоне индустриализации и урбанизации развиваются стратегии объединения труда и доходов внутри домохозяйства. Схемы миграции из села в город часто являются частью стратегий сельских домохозяйств (например, в форме двусторонних денежных переводов: доход направляется в сельские районы, продукты направляются членам городской семьи) [32, pp. 56–61]. Поэтому для лучшего понимания процесса наряду с «раскрестьяниванием» предлагают использовать термины «дерурализация» и «деаграризация». Раскрестьянивание в этом контексте может рассматриваться как

специфическая форма деаграризации, при которой крестьянство теряет свой экономический потенциал и социальную сплоченность, а также сокращается в размерах [35, pp. 313–321]. Характерно, что разделяющие этот подход современные западные авторы, как правило, рассматривают процессы раскрестьянивания на примере стран Азии, Африки и Латинской Америки, не учитывая российскую специфику.

Модернизационная парадигма оказалась интересной и для отечественных авторов. Вот что пишет, в частности, В.В. Бабашкин: «По моему глубокому убеждению, наша страна на протяжении всего истекшего столетия продолжала оставаться обществом посткрестьянским: это традиционное (или крестьянское, или аграрное) общество, втянувшееся в процесс модернизации и потому постепенно перестающее быть крестьянским – значительно менее постепенно, чем проходили этот путь страны западноевропейской цивилизации, но значительно более постепенно, чем склонна трактовать официальная идеология этого общества» [1, с. 76–77].

В российской историографии, где традиционно сильна политическая детерминанта, чрезвычайно популярным оказался «политологический» взгляд на процесс раскрестьянивания, которое интерпретировалось как результат репрессивных действий государства – раскулачивания и, шире, – коллективизации. Раскрестьянивание через «раскулачивание» в своей последней работе определяет Н.Я. Гущин [8, с. 131]. Н.А. Ивницкий писал: «Принудительная коллективизация означала коренной рубеж в раскрестьянивании деревни. Крестьянин из мелкого или среднего собственника фактически превратился в крепостного работника советского государства; он был отчужден от средств производства, лишен права распоряжаться результатами своего труда» [10, с. 293]. Схожих взглядов придерживались С.А. Красильников и И.Е. Зеленин [17; 26; 9]. Красильников в начале 2000-х гг. предложил вместо термина «раскулачивание» использовать понятие «политика раскрестьянивания» [16; 18]. Те же настроения фиксируем, например, у участников круглого стола «Сталинизм и крестьянство» (2012). Выступивший на «круглом столе» В.В. Кондрашин соли-

даризовался с позицией В.П. Данилова, Н.Я. Гущина, М. Левина и Х. Окуды, что крестьянская община и сталинские колхозы – это антиподы [24, с. 53], т.е. прежнее крестьянство в условиях коллективизации как минимум сильно трансформируется, как максимум – исчезает.

В то же время демонстрируется намерение вписать антикрестьянскую политику конца 1920-х – 1930-х гг. в общий контекст российской истории, тем самым наполнив понятие «раскрестьянивание» социально-экономическим содержанием. Н.Л. Рогалина выделяет два типа раскрестьянивания. «Первый – это органический процесс, который продолжался 25–30 лет до Первой мировой войны и революции 1917 г. в рамках товарно-рыночной перестройки (точка зрения, созвучная ленинскому взгляду. – *Авт.*). Второй – процесс, связанный со сталинской коллективизацией. Коллективизация – это раскрестьянивание “сверху”». Она, в свою очередь, включала два способа раскрестьянивания – раскулачивание и огосударствление колхозов [19, с. 85].

С другой стороны, социально-экономическая трактовка понятия «раскрестьянивание» получила развитие в контексте теории капитализации аграрного строя в советский период, предложенной М.А. Безниным и Т.М. Димони [3].

В то же время российские исследователи активно развивали модернизационную парадигму раскрестьянивания. О раскрестьянивании как составной части «агроперехода» писал Г.Е. Корнилов. Под «агропереходом» подразумеваются стадийные перемены в аграрной экономике и сельском социуме, в результате которых сельскохозяйственный труд превращается в разновидность индустриального [15, с. 136]. С точки зрения В.В. Наухацкого, раскрестьянивание явилось закономерным результатом модернизационного процесса. Оно было детерминировано аграрной политикой и отличалось многомерностью. По мнению исследователя, начатое еще в XIX в., раскрестьянивание не было завершено и в 1990-е гг. [25, с. 41, 45, 51].

Анализ социально-экономических трансформаций колхозного двора в процессе раскрестьянивания был дополнен характеристикой ментальных трансформаций [4]. Влияние процессов урбанизации на изменение образа жизни

крестьянства и раскрестьянивание нашло отражение в трудах Л.Н. Мазур и О.В. Горбачева [23; 6].

Демографический фактор и особенности демографического перехода крестьянской семьи в советской России как составная часть раскрестьянивания были изучены в 2010-е гг. О.М. Вербицкой и Л.Н. Мазур [5; 22], позволив дополнить общую картину этого сложного явления в структурном и динамическом отношении. В частности, были сделаны выводы о неравномерности протекания раскрестьянивания в разных социально-демографических группах крестьянства, учитывающих половозрастные и семейные характеристики населения, профессиональную занятость, уровень образования и доходы. Следует особо выделить место и роль личного (индивидуального или подсобного) хозяйства в формировании бюджета семьи, определенной модели потребления и образа жизни. Важны и географические параметры: быстрее всего перемены происходили в сельской местности, расположенной в контактной зоне крупных городов, медленнее – в отдаленных районах.

Необходимо выделить еще один аспект проблемы. При анализе аграрных реформ 1990-х гг. многие авторы были склонны оперировать понятием «окрестьянивание», по-разному оценивая его перспективы. В.П. Данилов в 1994 г. писал о том, что «современная аграрная реформа, провозгласившая задачу декolleктивизации и “окрестьянивания”, на деле превращается в орудие дальнейшего и, может быть, действительно окончательного раскрестьянивания» [30, с. 33]. И.Е. Зеленин утверждал, что «крестьянин никак не хочет окончательно раскрестьяниваться, претендует на возрождение на новой основе; в той или иной мере в настоящее время идет процесс «окрестьянивания» [30, с. 56]. Здесь обращает на себя внимание наличие своеобразного консенсуса по поводу того, что раскрестьянивание все-таки не было завершено в 1930-е гг. Приводя эти, а также другие оценки, В.В. Наухацкий справедливо фиксирует отсутствие общих критериев, позволяющих квалифицированно судить о стадиях процесса [25, с. 49].

Мы полагаем, что нормализация понятия «раскрестьянивание» принад-

лежит В.А. Ильиных, опубликовавшему ряд работ по данному вопросу, в том числе энциклопедическую статью (см. например: [11; 12]). Он рассматривает «раскрестьянивание» как «процесс сокращения численности и удельного веса крестьянства в составе сельского населения, снижения доли сельскохозяйственного производства крестьянских хозяйств в общем объеме аграрного производства, а также радикальной трансформации базовых институциональных характеристик крестьянства, определяющих его как класс: семейного дворохозяйства, общины, традиционной культуры и образа жизни». В.А. Ильиных также предложил периодизацию процесса раскрестьянивания, включающую два этапа:

1. 1930-е – начало 1950-х гг. (коллективизация);
2. середина 1950-х – 1970-е гг. (изменение социально-культурного типа сельского жителя).

Подводя итоги, следует констатировать, что несмотря на большое количество серьезных работ, дискуссионными остаются вопросы о содержании понятия «раскрестьянивание», которое может рассматриваться в рамках комплексного, социально-экономического, политологического, социологического, демографического, модернизационного подходов. По-прежнему нет консенсуса по поводу хронологических рамок раскрестьянивания. В «узком» смысле оно ограничивается 1930-ми гг., в «расширенном» – приходится на 1930–1970-е гг., либо еще шире – на вторую половину XIX в. – 1990-е гг. От хронологических рамок зависит определение этапов процесса. Важно также договориться о причинах и акторах (субъектах) раскрестьянивания, о характере (закономерном/специфическом) и итогах. К слову сказать, в большинстве интернет-ресурсов справочного типа понятие «раскрестьянивание» трактуется как отчуждение крестьянина, крестьян, крестьянства от земли и средств производства [см. например: 28], т.е. как цель и результат реализации политики коллективизации и раскулачивания.

Итак, формирование понятийного аппарата историко-аграрных исследований России в XX в. происходило под влиянием нескольких факторов: 1) пе-

рестроечной публицистики, которая стала отражением значимости вопроса о судьбе российского крестьянства для формирования постсоветской идентичности; 2) поликонцептуальной методологической среды исторической науки, в частности, базовых идей крестьяноведения; 3) цивилизационной специфики социальных трансформаций в России, сближавших ее с аграрными системами стран Азии и Африки, развивающихся по догоняющему сценарию модернизации, где особое значение приобретает политический фактор. Может быть поэтому, в отличие от многих других понятий, заимствованных из зарубежной историографии, термин «раскрестьянивание» был сформулирован и нормализован российскими историками-аграрниками. Особую роль в этом сыграли вологодская и новосибирская историко-аграрные школы.

Литература

1. *Бабашкин В.В.* Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века: сб. науч. ст. участников междунар. кр. стола журнала «Власть» и Ин-та социол. РАН, 12 ноября 2010 г. Вып. 2. М., 2011. С. 70–79.
2. *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1991. – 255 с.
3. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Аграрный строй России в 1930–1980-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 6. М., 2006. С. 161–187.
4. *Безнин М.А., Димони Т.М.* Завершение раскрестьянивания в России (вторая половина XX века) // Россия в XX веке: Реформы и революция. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 632–643.
5. *Вербицкая О.М.* Российская сельская семья в 1897–1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула, 2009. – 295 с.
6. *Горбачев О.В.* На пути к городу: сельская миграция в Центральной России (1946–1985 гг.) и советская модель урбанизации. М., 2002. – 156 с.
7. *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. – 219 с.
8. *Гуцин Н.Я.* «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934). Методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. – 157 с.

9. *Зеленин И.Е.* Сталинская революция «сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. – 313 с.
10. *Ивницкий Н.А.* «Великий перелом»: трагедия крестьянства. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов. По материалам Политбюро ЦК ВКП(б) и ОГПУ // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 249–297.
11. *Ильиных В.А.* Раскрестьянивание // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. Новосибирск, 2009. С. 753–754.
12. *Ильиных В.А.* Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.
13. *Кедров Н.Г.* Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 154–171.
14. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за круглым столом // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.
15. *Корнилов Г.Е.* Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в российской истории: докл. междунар. науч. конф., Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М., 2004. С. 136–144.
16. *Красильников С.А.* Репрессивное раскрестьянивание в 1930-е гг.: политика и практика // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 29 сентября – 2 октября 2010 г. М., 2011. С. 45–55.
17. *Красильников С.А.* Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. – 285 с.
18. *Красильников С.А.* Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. 2-е изд. / С.А. Красильников, М.С. Саламатова, С.Н. Ушакова. М., 2010. – 327 с.
19. Крестьянство и власть в истории России XX века (по итогам Международного круглого стола) // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 79–85.
20. *Ленин В.И.* По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 1. М., 1967. С. 67–122.
21. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 3. М., 1971.
22. *Мазур Л.Н.* Демографические катастрофы как фактор трансформации крестьянской семьи в России первой половины XX в. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 168–187.
23. *Мазур Л.Н.* Российская деревня в условиях урбанизации: региональное из-

мерение (вторая половина XIX – XX в.). Екатеринбург, 2012. – 471 с.

24. *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Сталинизм и крестьянство: По итогам первого Международного круглого стола (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории») // [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Stalinizm_i_kr.pdf (дата обращения – 17.11.2022).

25. *Наухацкий В.В., Денисов Ю.П.* Аграрная политика и модернизация российской деревни второй половины XX в.: противоречия и тенденции Ростов-на-Дону, 2009. – 247 с.

26. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально- документальный сборник / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940. – 209 с.

27. *Разумов В.А.* «Раскрестьянивание» термин и содержание, временные рамки (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории КПСС. 1989. № 10. С. 64–71.

28. Раскрестьянивание // Энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/138981/> (дата обращения – 18.11.2022).

29. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.А. Бабашкина. М., 2015. – 742 с.

30. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1994. № 2. С. 31–59.

31. *Aragh F.A.* Global Depeasantization, 1945–1990 // The Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36. No. 2. P. 337–368.

32. *Johnson H.* Subsistence and Control: The Persistence of the Peasantry in the Developing World // Undercurrent. 2004. No. 1. P. 55–65.

33. *Kitching G.* Development and Underdevelopment in Historical Perspective. New York: Routledge, 1989. – 224 p.

34. *Shanin T. (ed.).* Defining Peasants. Cambridge: Basil Blackwell, 1990. – 348 p.

35. *Vanhaute E.* Peasants, peasantries and (de)peasantization in the capitalist world-system Routledge Handbook of World-Systems Analysis. London; New-York, 2012. P. 313–321.

36. *Viola L.* Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1999. – 312 p.

© Горбачев О.В., Мазур Л.Н., 2023

SUMMARY

N.V. Sokolova

ON THE ISSUE OF SECULARIZATION OF CHURCH ESTATES AT THE BEGINNING OF THE 18TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE DESCRIPTION BOOKS OF THE PATRIARCHAL ESTATES IN THE YELETS AND LEBEDYANSK UEZDS)

The article presents some results of the study of secularization of the possessions of the church during the reform of Peter I. A hypothesis is formulated that the patriarchal estates and peasants became not "state", as I.A. Bulygin suggested, but "sovereign", or, in modern terminology, "palace peasants".

Key words: church reform of Peter I; secularization; patriarch; votchina; peasants.

I.N. Shamina

THE DESCRIPTION OF THE MONASTIC ESTATES OF THE KOLOMNA DIOCESE, 1701–1703

The article presents the results of the study of the census books of the patrimony monasteries of the Kolomna diocese of 1701–1702. The composition of the monastic possessions, the number of peasants and households, the categories of population, and the methods of administering the patrimonies are analyzed.

Key words: census books of 1701-1703; Kolomna diocese; monastic patrimony; monastic peasants.

L.G. Stepanova

DEVELOPMENT OF THE TERRITORY OF THE ROSTOV AND SLAVONIC SERBIAN UEZDS OF YEKATERINOSLAV PROVINCE IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE GENERAL LAND SURVEY)

The article analyzes the data of the Economic Notes to the General Land Survey of the Rostov and Slavyanoserbsky districts of the Yekaterinoslav province. They allow us to find out the quantitative composition of the population, the quantity and quality of available natural resources, various categories of land that were developed in the newly populated territories.

Key words: Russian Empire; southern suburbs; settlement; land management; demarcation; Economic notes; Novorossiia.

**NOBLE PROJECTS FOR SOLVING THE PEASANT QUESTION
IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY**

The article considers the main parameters of noble projects to solve the peasant question in Russia during the reign of Alexander I and Nicholas I.

Key words: serfdom, Russian autocracy, nobility, proprietorial peasants.

M.D. Kniga

**MAIN SPHERES OF ACTIVITY OF AGRARIAN SCHOOLS
OF EUROPEAN RUSSIA IN THE CONTEXT OF STATE REFORMS
OF THE XIX CENTURY**

The article discusses the change in the main spheres of activity of agricultural schools, the goals of their creation, types, curricula, approaches to learning, territorial location in the context of state reforms of the 19th century.

Key words: peasantry, agricultural schools, agricultural education; reforms of the XIX century.

O.V. Smurova

**LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF PEASANTS
IN THE SPHERES OF TRADE AND SMALL INDUSTRY IN THE
PRE-REVOLUTIONARY PERIOD (A HISTORIOGRAPHICAL STUDY)**

The article discusses the history of studying the state legal regulation of the non-agricultural activities of peasants in the city in the pre-revolutionary period. The author identifies the three periods in the historiography of this problem: the post-reform period, the 40s - 90s. XX century, post-Soviet period.

Key words: legal regulation, trade and small industry, peasants, historiography.

THE PROJECTS OF THE SPECIAL COUNCIL ON THE NEEDS OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY

The article analyses the projects put forward by the uezd and provincial committees of the Special Council about needs of agricultural industry to discuss the agrarian legislation. It is noted that the discussion of such questions as legal position of the peasants, public education, widening of zemstvos' competence, government financial policy and publicity in the work of authorities predetermined the liberal character of committee's conclusions. The discussion of the causes and nature of the agrarian crisis contributed to the crystallization of both the governmental and zemstvo-liberal agrarian programmes.

Key words: agrarian reform, legislation, government, uezd and provincial committees, Special Council on the needs of agricultural industry.

Yu.B. Budkina

SPECIAL MEETING ON THE NEEDS OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY AND SMALL LOANS FOR RUSSIAN PEASANTRY

The paper focuses on the peculiarities and outcomes of the discussion on the small loans issue, considered at the Special meeting on the needs of the agricultural industry. The author discusses the operation of provincial and uezd committees and reveals the attitude of governors, uezd marshals of the nobility and peasants to the small loan issue.

Key words: Special meeting on the needs of the agricultural industry, local committees, small loan, governors, uezd marshals of nobility, peasants.

N.M. Aleksandrov

THE PARTICIPATION OF PEASANTS IN THE DEVELOPMENT OF STATE POLICY IN RELATION TO THE COMMUNAL LAND OWNERSHIP AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE LOCAL COMMITTEES ON THE NEEDS OF THE AGRICULTURAL INDUSTRY OF THE KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES)

The article reviews the attitude of peasants to communal land ownership, and discusses the influence of the position of the rural population on government agrarian policy.

Key words: Special meeting; local committees; peasantry; community; the Kostroma province; the Yaroslavl province.

A.V. Posadsky

GROUPS OF RURAL POPULATION IN THE CIVIL WAR

The article reviews the characteristics of the different categories of rural population of Russia, which played certain role in the position of those groups during the Civil War. It is suggested that historical, cultural and economic specifics could acquire a military-political dimension.

Key words: Russia; Civil War; peasantry; social groups.

D.A. Safonov

THE PEASANTRY AFTER THE CIVIL WAR: CONTINUITY AND INNOVATIONS IN THE SOCIO-CULTURAL APPEARANCE AND SOCIAL ACTIVITY

The Civil War turned out to be the factor that sharply accelerated the process of de-peasantization, which is understood here as the process of destruction of the traditional peasant community. There was a break in the continuity, a special generation was formed, aptly called the "generation of the revolutionary turning point", with its own values and goals. Another innovation was the disappearance of the former forms of protest, and the emergence of new ones, which is explained not only by external conditions, but also by serious changes in the peasant consciousness.

Key words: depeasantization; "generation of revolutionary change"; "generation of revolution"; conditional generations within the "generation of the revolution"; forms of protest.

O.V. Bershadskaya

SPECIFICS OF LAND LEASE AND USE OF HIRED LABOUR IN THE RURAL AREAS OF THE BLACK SEA REGION IN THE 1920S

The article examines natural and social factors that formed the specifics of land lease and the use of wage labor in the peasant farms of the Black Sea District during the period of new economic policy.

Key words: Land lease; wage labor; Black Sea village; new economic policies.

THE INCOME OF PEASANT HOUSEHOLDS DURING THE NEP PERIOD

The article reveals the problems of low incomes of peasant households in the Central Chernozem region under the influence of historically established unfavorable factors of agricultural production.

Key words: agriculture; productivity; income; purchase power; poverty.

O.B. Mozokhin

COMBATING SABOTAGE IN THE AGRICULTURE IN THE USSR

The campaign to combat sabotage in agriculture was a continuation of the fight against sabotage at industrial and transport enterprises launched in the late twenties.

Key words: VKP(b); OGPU; sabotage; agriculture; repression.

V.B. Laperdin

MTS AS A SOCIAL ELEVATOR IN THE RURAL AREAS OF WEST SIBERIA IN 1930S

Article is devoted to the problem of social and material status of machine-tractor stations workers in West-Siberian village in 1930s. The author makes the conclusion about ambiguity of their status and possibilities of further social growth.

Key words: agrarian history; machine-tractor stations; peasantry; Siberia.

O.N. Argunov

"DUAL POWER" IN THE KURSK VILLAGE IN THE SPRING – AUTUMN OF 1943: ON THE PROBLEM OF SURVIVAL OF THE POPULATION OF THE COLLECTIVE FARMS

Kursk region in the spring – summer of 1943, being a front-line region, found itself in a difficult situation: its population was forced, on the one hand, to supply the army with food, and, on the other, to fulfill the state demands of the procurement of agricultural products. In the conditions of the ruination of the peasantry by the Nazi invaders during the period of occupation, the fulfillment of these two most important tasks put the population of the region on the brink of survival.

Key words: Kursk region; preparations; power; military; foodstuffs; hunger.

TRANSFORMATION OF THE HUMAN RESOURCES IN THE AGRARIAN INDUSTRY OF THE TATAR ASSR IN THE LATE SOVIET PERIOD

On the example of the Tatar ASSR, the transformation of the rural elite in the late Soviet period is shown. The republic has reached certain results in the training of human resources for the modernizing agricultural production, in the improvement of the labor system in collective farms and state farms. But the strengthening of bureaucratization in the regulation of economic relations, the paternalistic and protectionist approach, combined with the dominant hierarchy of the socio-political structure of the country, contradicted the objectively urgent need for the development of horizontal ties between enterprising highly qualified professionals and managers responsible for their area of work.

Key words: Tatar ASSR, Soviet peasantry, agrarian policy of the USSR, Soviet bureaucracy, agrarian labor in the USSR, rural vocational schools, labor relations in the USSR.

I.V. Logunova

RESTRUCTURING OF AGRICULTURAL SOCIETY DURING THE AGRARIAN REFORM OF THE 1990S – EARLY 2000S

The process of restructuring of agricultural society during the agrarian reform of the 1990s - early 2000s is considered. It is concluded that one of the results of the transformations was the formation of two new social classes –landowners and hired agricultural workers.

Key words: agrarian reform; rural population; agricultural population; agricultural society; social class; «pseudo-owner»; agricultural owner; hired agricultural worker.

O.V. Gorbachev, L.N. Mazur

DEPEASANTIZATION IN THE FOCUS OF DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

With the use of the scientific apparatus of the history of concepts, the introduction into scientific circulation, the content and evolution of the concept of "depeasantization" are considered. Peasant studies, political science, socio-economic, modernization interpretations of depeasantization are characterized. The conclusion is made about the remaining differences in the assessment of the causes, content, chronological framework, and results of the process, as well as the special role of Russian agricultural historians in the formulation and normalization of the term "depeasantization".

Key words: agrarian history; Russia in the XX century; peasant studies; depeasantization; modernization; historiography.

Научное издание

**Ежегодник
по аграрной истории
Восточной Европы 2022 год**

Государственная власть и крестьянство

Подписано в печать 21.04. 2023 г.

Формат 60×84 1/8.

Гарнитура Times New Roman.

Бумага для копировальной техники.

10,53 усл-п. л. Тираж 100 экз.

Заказ № 1962.

Отпечатано в отделе редакционно-печатной деятельности
ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42